

ПРАВОСУДИЕ JUSTICE

2025
Том 7, № 4

2025
Vol. 7, no. 4

Научный журнал

Scientific Journal

Учредитель и издатель:

Российский государственный
университет правосудия
имени В. М. Лебедева

Founder and Publisher:

Russian State University of Justice
named after V. M. Lebedev

Издается с сентября 2019 года
Периодичность издания – 4 раза в год

Published since September 2019
Publication frequency: quarterly

E-mail: vestnik@rsuj.ru
<http://justice.study>

Научный журнал «Правосудие/Justice» публикует оригинальные, соответствующие установленным требованиям статьи, в которых исследуются наиболее значимые для отечественной и зарубежной юридической науки проблемы, относящиеся к следующим направлениям: теория и история права и государства, глобализация и правосудие, современные правовые доктрины, судопроизводство, судебные реформы и судебные системы отдельных стран, цифровизация и право. Издатель созданием журнала ставит цель представить научному сообществу результаты научных исследований российских и зарубежных ученых по специальному кругу вопросов, касающихся осуществления правосудия.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

С целью экспертной оценки каждого поступающего в редакцию материала осуществляется научное рецензирование. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Редакция журнала направляет копии рецензий при поступлении соответствующего запроса в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

Журнал следует стандартам редакционной этики согласно международной практике редактирования, рецензирования, издательской деятельности и авторства научных публикаций и рекомендациям Комитета по этике научных публикаций (COPE) и Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ).

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория K1).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-76078 от 24 июня 2019 г.

Научный редактор Л. Б. Архипова (кандидат юридических наук)
Корректор К. В. Чегулова
Компьютерная верстка Г. С. Гордиенко

Адрес редакции:
Российская Федерация, 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69
Тел.: +7(495) 332-51-49; +7(495) 332-51-19

При перепечатке и цитировании
ссылка на журнал «Правосудие/Justice» обязательна.
Полное или частичное воспроизведение в СМИ материалов,
опубликованных в журнале, допускается только с разрешения редакции

ООО «Полиграф-Плюс»
Подписано в печать 25.12.2025
Формат 70×100/16
Объем 15,6 усл. печ. л.
Тир. 100 экз.

The academic and scientific journal “Pravosudie/Justice” publishes original articles in accordance with the established requirements, which research the most significant for the domestic and foreign legal science problems in the following areas: theory and history of law and state, globalisation and justice, modern legal doctrines, legal procedures, judicial reforms and judicial systems of individual countries, digitalisation and law. The publisher of the journal's aims to present to the scientific community the results of scientific research carried out by the Russian and international scientists and to introduce to the scientific community publications on a special range of issues relating to the administration of justice.

The titles and contents of the rubrics of the journal correspond to the branches of science and Nomenclature of scientific specialities in which degrees are awarded.

All materials submitted to the editorial board undergo a scientific peer review process. All reviewers are recognised experts in the subject matter of the reviewed material. The editorial board sends copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation upon request.

The journal follows the standards of editorial ethics according to international practices for editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on the Ethics of Scientific Publications (COPE) and Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science and for the degree of Doctor of Science are published (K1).

The Journal is registered in the Federal Service
for Supervision in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)
Certificate: ПИ № ФС77-76078, 24.06.2019

Scientific editor L. B. Arkhipova (Cand. Sci. (Law))
Proof-reader K. V. Chegulova
Computer layout G. S. Gordienko

Postal address:
69 Novocheremushkinskaya ul., Moscow, 117418, Russian Federation
Tel.: +7(495) 332-51-49; +7(495) 332-51-19

When reprinting or quoting,
the reference to the journal “Pravosudie/Justice” is necessary.
No part of this publication may be reproduced
without the prior written permission of the publisher

JSC “Poligraph-Plus”
Signed to print 25.12.2025
Sheet size 70×100/16
Conventional printed sheets 15,6
Number of copies 100

Главный редактор

Корнев Виктор Николаевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права имени Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Редакционная коллегия

Антошин Сергей Сергеевич (г. Москва, Россия), доктор философских наук, доцент, действительный член Академии военных наук, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Арямов Андрей Анатольевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Бирюков Павел Николаевич (г. Воронеж, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета

Бриллиантов Александр Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Бурдина Елена Владимировна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Габов Андрей Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, и. о. заведующего сектором гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук

Дорская Александра Андреевна (г. Санкт-Петербург, Россия), доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Жуков Вячеслав Николаевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Качалов Виктор Иванович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Кирпичев Александр Евгеньевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Колюшин Евгений Иванович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации

Кононов Павел Иванович (г. Киров, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного процесса Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Корнев Аркадий Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Кулаков Владимир Викторович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, ректор Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Лапаева Валентина Викторовна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН

Монжаль Пьер-Ив (г. Тур, Франция), доктор публичного права, профессор Университета Франсуа Рабле

Нешатаева Татьяна Николаевна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Никитин Сергей Васильевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Прошунин Максим Михайлович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Скляров Сергей Валерьевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Спиридонов Андрей Алексеевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, заместитель директора Департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, академик РАЕН, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса

Стародубцев Григорий Серафимович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Фаргиев Ибрагим Аюбович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Судья Верховного Суда Российской Федерации

Фролова Елизавета Александровна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Editor-in-Chief

Viktor N. Kornev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Vitruk Constitutional Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Editorial board

Sergey S. Antyushin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Full Member of the Academy of Military Sciences, Head at the Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Andrey A. Aryamov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Scientific Work of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Pavel N. Biryukov (Voronezh, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International and Eurasian Law Department, Voronezh State University

Alexander V. Brilliantov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Elena V. Burdina (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Organization of the Judiciary and Law Enforcement Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Andrey V. Gabov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Acting Head of the Civil and Entrepreneurial Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

Alexandra A. Dorskaya (St. Petersburg, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Director for Scientific Work, Head of the General Theoretical Legal Disciplines Department, North-West Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Vyacheslav N. Zhukov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Theory of State and Law and Political Science Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

Viktor I. Kachalov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Radutnaya Criminal Proceedings Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Alexander E. Kirpichev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Business and Corporate Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Evgeny I. Kolyushin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Central Election Commission of the Russian Federation

Pavel I. Kononov (Kirov, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Civil and Administrative Procedure Department, Volga-Vyatka Institute (Branch), Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Arkady V. Kornev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Theory of State and Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Vladimir V. Kulakov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Rector of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Valentina V. Lapaeva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Chief Researcher at the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

Pierre-Yves Monjal (Tours, France), PhD in Public Law, Professor at the Francois Rabelais University

Tatyana N. Neshataeva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Sergey V. Nikitin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Civil and Administrative Proceedings Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Maxim M. Proshunin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Financial Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Sergey V. Sklyarov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Criminal Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Andrey A. Spiridonov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Deputy Director of the Department for Ensuring Regulatory Policy of the Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of the Office of the Government of the Russian Federation, Actual State Advisor of the Russian Federation 2nd class

Grigory S. Starodubtsev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the International Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Ibragim A. Fargiyev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation

Elizaveta A. Frolova (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor at the Theory of State and Law and Political Science Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

Содержание

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Нерсесянц А. В.</i> «Проповедь Ареопага» Святого апостола Павла и ее идейное значение для правосудия эпохи становления христианства	8
<i>Ефимов А. В.</i> Градуирование юридических понятий	19
<i>Золотухина Н. М., Власова Т. В., Колунтаев С. А.</i> О политической (государственной) терминологии средневековой Руси (XI–XVI вв.) и ее генетической связи с Византией (X–XV вв.)	37

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Цинделиани И. А., Садовская Т. Д., Попкова Ж. Г.</i> Обязательность некоторых налоговых льгот (вычетов, расходов, освобождений) как конституционная доктрина и условие стабильности финансовой системы	64
---	----

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Женетль С. З., Митрачков С. А.</i> Коллективный административный иск: расширение условий обращения	77
<i>Монастырский Ю. Э.</i> Третейский суд и правосудие в транснациональном имущественном обороте	95
<i>Низамова Е. А.</i> Отступление от равенства долей при разделе общего имущества супругов: к вопросу об эффективности нововведений	110

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Простосердов М. А.</i> О нарушении системности в процессе формирования уголовно-правовых норм на примере ст. 187 УК РФ	122
<i>Сафонов В. Н.</i> Техико-юридическое значение соотношения понятий «сопряженные преступления» и «учтенная совокупность преступлений»	135
<i>Талаев И. В.</i> Направление в штрафную воинскую часть как вид освобождения от уголовного наказания: опыт СССР и Германии и возможность его экстраполяции на современность	148

PERSONA GRATA

<i>А. А. Арямов</i>	162
---------------------------	-----

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Сафронова Е. В., Оганесян Т. Д.</i> Эволютивное толкование и экологические права: взгляд региональных судов по правам человека	165
<i>Чернядьева Н. А.</i> О концепции монизма в теории международного права	181

Content

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- A. V. Nersesyants.* The “Sermon of the Areopagus” by St. Paul the Apostle and its ideological significance for justice in the era of the formation of Christianity8
- A. V. Efimov.* Gradation of legal concepts19
- N. M. Zolotukhina, T. V. Vlasova, S. A. Koluntaev.* About the political (state) terminology of medieval Russia (XI–XVI centuries) and its genetic connection with Byzantium (X–XV centuries)37

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- I. A. Tsindeliani, T. D. Sadovskaya, Z. G. Popkova.* The obligation of certain tax benefits (deductions, expenses, exemptions) as a constitutional doctrine and a condition for the stability of the financial system64

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

- S. Z. Zhenetl, S. A. Mitrachkov.* Class administrative action: extension of the conditions of recourse77
- Yu. E. Monastyrsky.* Arbitral tribunals and justice in transnational property turnover95
- E. A. Nizamova.* Departure from the equality of shares in the division of common property of spouses: on the issue of the effectiveness of new legal rules110

CRIMINAL LAW SCIENCES

- M. A. Prostoserdov.* On the violation of the system in the process of forming criminal law norms, using Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation as an example122
- V. N. Safonov.* Technico-legal significance of the relationship between “related offenses” and “aggregated offenses”135
- I. V. Talaev.* Assignment to a penal military unit as a form of release from criminal punishment: the experience of the USSR and Germany and the possibility of its extrapolation into modern times148

PERSONA GRATA

- A. A. Aryamov*162

INTERNATIONAL LAW SCIENCES

- E. V. Safronova, T. D. Oganessian.* Evolutionary interpretation and environmental rights: the view of regional human rights courts165
- N. A. Chernyadyeva.* On the concept of monism in the theory of international law181

Научная статья

УДК 340.12

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.8-18

«Проповедь Ареопага» Святого апостола Павла и ее идейное значение для правосудия эпохи становления христианства

Анна Владиковна Нерсисянц

*Институт государства и права, Российская академия наук,
Москва, Российская Федерация*

nersesancanna@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-0154-4521>

Аннотация

Введение. В статье освещаются некоторые направления того идейного влияния на правосудие эпохи становления христианства, которое оказала проповедь, произнесенная на Ареопаге Святым апостолом Павлом.

Теоретические основы. На основе анализа произведений российских и греческих авторов (и прежде всего работы известного греческого правоведа В. Никопулоса, посвященной правовым взглядам апостола Павла) проводится мысль о том, что философия права была бы намного беднее, если бы апостол Павел не сформулировал свое видение христианских принципов права и правосудия, которые он противопоставил формализму языческого римского права.

Результаты исследования. Главный из этих принципов выражен словами: «Весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя». И хотя в ходе дальнейшего развития римского права понятие любви ушло из правовой традиции, идеи апостола Павла о христианской любви оказали мощное воздействие на правосудие через правосознание судей. Это особенно ярко проявилось в деятельности Святого Дионисия Ареопагита, принявшего христианство под влиянием проповеди апостола Павла.

Обсуждение и заключение. В качестве главного вывода отмечено значение исследований в этом направлении для осмысления правовых аспектов цивилизационной идентичности России.

Ключевые слова: философия права, правосудие, справедливость, милосердие, античная философия, христианская религия, «Проповедь Ареопага», апостол Павел, законоучитель Гамалиил, цивилизационная идентичность России

Для цитирования: Нерсисянц А. В. «Проповедь Ареопага» Святого апостола Павла и ее идейное значение для правосудия эпохи становления христианства // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 4. С. 8–18. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.8-18.

Original article

The “Sermon of the Areopagus” by St. Paul the Apostle and its Ideological Significance for Justice in the Era of the Formation of Christianity

Anna V. Nersesyants

*Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation*

nersesancanna@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-0154-4521>

Abstract

Introduction. The article highlights some areas of the ideological influence on justice in the era of the formation of Christianity, which was exerted by the sermon delivered on the Areopagus by St. Paul the Apostle.

Theoretical Basis. Based on the analysis of the works of Russian and Greek authors (and above all, the work of the famous Greek jurist V. Nikopoulos, devoted to the legal views of the Apostle Paul), it is suggested that the philosophy of law would have been much poorer if the Apostle Paul had not formulated his vision of the Christian principles of law and justice, which he opposed to the formalism of pagan Roman law.

Results. The main of these principles is expressed in the words: “The whole law is summed up in one word: love your neighbor as yourself”. And although in the course of the further development of Roman law, the concept of love disappeared from the legal tradition, the ideas of the Apostle Paul about Christian love had a powerful impact on justice through the legal awareness of judges. This was especially evident in the work of Saint Dionysius the Areopagite, who converted to Christianity under the influence of the preaching of the Apostle Paul.

Discussion and Conclusion. The main conclusion is the importance of research in this area for understanding the legal aspects of Russia’s civilizational identity.

Keywords: philosophy of law, justice, fairness, mercy, ancient philosophy, Christian religion, “Sermon of the Areopagus”, Apostle Paul, teacher of the law Gamaliel, civilizational identity of Russia

For citation: Nersesyants, A. V. The “Sermon of the Areopagus” by St. Paul the Apostle and its ideological significance for justice in the era of the formation of Christianity. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(4):8-18. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.8-18.

Введение

В последнее время греческие правоведы проявляют заметный интерес к посланиям Святого апостола Павла, вводя их в контекст философско-правовой мысли. Одним из наиболее интересных аспектов этой проблематики является анализ того идейного влияния, которое оказали на правосудие взгляды апостола Павла о любви и милосердии. В рамках данной статьи мы рассмотрим эти идеи в контексте эпохи становления христианства в Древней Греции, когда шел процесс формирования христианской правовой культуры западной цивилизации, оказавшей через Византию существенное влияние на духовные основы русской жизни и цивилизационную идентичность России.

При освещении данной темы важно отметить, что в Древней Греции есть место, которое является зримым и осязаемым воплощением бытия правосудия и точкой пересечения «силовых линий» греческой мифологии, античной философии и христианской религии. Это место – афинский Ареопаг – знаменательно для мировой культуры тем, что здесь когда-то впервые соединилась идея справедливости как онтологическая основа правосудия (которая в античной философии была выражена через принцип равенства) с идеей христианского милосердия, выраженной в зарождающейся христианской религии через основополагающий принцип любви к Богу, а через него – к человеку как к образу и подобию Творца. Исторически зафиксирован момент такого соединения, а именно 51 г. н. э., когда Святой апостол Павел произнес здесь свою знаменитую проповедь, получившую название «Проповедь Ареопага» (Деян. 17:16–34).

Прежде чем перейти к анализу сути и значения этого великого синтеза идей, положенного в основу нового подхода к правосудию, необходимо дать краткий экскурс в историю Ареопага и того пути духовного становления апостола Павла, который привел его в качестве христианского миссионера в этот центр интеллектуальной жизни Древней Греции.

Ареопаг в Древней Греции как воплощение сущностных основ правосудия

Ареопаг – историческая местность в Афинах, сохранившая свое название до наших дней, на которой находится скалистый холм, ставший еще в глубокой древности площадкой для отправления правосудия. От названия местности произошло и наименование органа власти в Древней Греции, осуществлявшего по сути функции судебно-политического трибунала, собрания которого проходили на этом холме. Нельзя не отметить тот факт, что современный Верховный суд Греческой Республики с XIX в. вернул себе историческое название Аресова Холма (Ἀρειος Πάγος), а члены Суда вновь стали ареопагитами¹. История этого места удивительным образом отражает онтологические истоки того института правосудия, который сформировался на основе синтеза античной (языческой) и христианской правовых традиций, синтеза, начало которому было положено проповедью Святого апостола Павла².

С правосудием связано само название этого места. На сайте Верховного суда Греческой Республики сказано, что Ареопаг назван в честь первого судебного процесса по «ἀνδροφονιών» (уголовным преступлениям, связанным с убийствами), имевшего место между 1500 и 1300 гг. до н. э., во времена правления мифических царей Кекропа (основатель и первый царь Аттики) и Тесея³. Интересная мифологическая версия происхождения слова «Ареопаг» (Ἀρειος Πάγος) изложена в книге античного писателя Павсания, где упоминается, что оно дословно означает холм Ареса [1, с. 88]. По его свидетельству, Ареопаг получил свое название в честь бога войны Ареса, который согласно греческой

¹ Официальный сайт Верховного суда Греции (греч. Ἀρειος Πάγος). Раздел истории суда (Ιστορικά στοιχεία). URL: <https://www.areiospagos.gr/INDEX.htm> (дата обращения: 11.07.2025).

² Мемориальная доска, посвященная этой проповеди, находится рядом с лестницей, ведущей на вершину Аресова холма.

³ Там же.

мифологии стал первым богом, представшим перед судом. Причиной послужило убийство им сына Посейдона, совершившего попытку надругательства над дочерью Ареса [1, с. 88]. Посейдон обратился к другим олимпийским богам с требованием суда над могущественным Аресом. Такой суд состоялся, и, несмотря на неприязнь богов-судей, которые, как отмечал Павсаний, не любили Ареса за его кровожадность и склонность к развязыванию конфликтов, обвиняемый был оправдан: судившие его боги посчитали, что справедливость была на его стороне. Не менее интересна с правовой точки зрения другая, хотя и не столь популярная, версия происхождения названия Ареопага, также упомянутая Павсанием. По этой версии, на Ареопаге был судим Орест, будущий царь Микен, который убил свою мать, отомстив ей за убийство отца. Ореста преследовали богини мести Эринии, олицетворявшие муки совести и сводившие его с ума, и он по совету Аполлона обратился к суду олимпийских богов. По итогам суда Орест был оправдан. Это дело интересно тем, что на суде Ореста голоса судей разделились поровну, т. е. сложилась своего рода «божественная ничья», которая была истолкована судьями в пользу обвиняемого. Эта легенда показывает наличие очень тонкой грани между справедливым возмездием и произволом, что возлагает на судей исключительно большую ответственность.

Как институт правосудия Ареопаг был прямым потомком совета старейшин гомеровской эпохи, которых выбирали по происхождению и богатству. Этот совет стоял на страже законов и наблюдал за должностными лицами, чтобы они правили по законам. Всякий человек мог подать заявление в совет Ареопага, указывая при этом, какой закон нарушается чинимой ему обидой [2, с. 7]. Ядро деятельности совета составляли религиозно-судебные функции, что обеспечивало Ареопагу моральный авторитет, на основе которого выкристаллизовывались его полномочия в сфере политических отношений. До правления законодателя Солона Ареопаг как совет старейшин обладал практически неограниченной властью, будучи единственным стабильным органом нарождающегося государства. На Ареопаге рассматривались по преимуществу судебные дела, связанные с убийствами. Однако были и исключения (например, так называемое дело о гарпаловых деньгах, т. е. о коррупции среди афинских граждан, получивших деньги от казначея Александра Македонского Гарпала, который во время похода Александра на Индию растратил огромную сумму из казны и после возвращения царя пытался спастись в Афинах).

Важнейшим моментом в истории Ареопага стал 51 г. н. э., когда апостол Павел выступил на холме со своей знаменитой проповедью (Деян. 17:16–34). Эта речь апостола в Афинах, в центре греческой философской мысли, считается образцом миссионерской проповеди. Особенность ее заключалась в том, что она была произнесена перед исключительно языческой, но при этом хорошо философски образованной публикой. Важно отметить и то, что афиняне, знающие и глубоко почитающие историю священного Ареопага, сами пригласили Павла выступить именно на этом месте, как бы приведя его таким образом на суд своих богов. В ответ на этот вызов Павел очень искусно построил свою речь, используя ряд нетривиальных ораторских приемов, описанных в новозаветной книге «Деяния святых апостолов» (Деян. 17:16–34) и прокомментированных затем в многочисленных интерпретациях.

Одним из таких приемов, который отмечают исследователи, была неявная, но воспринятая, по-видимому, и афинской аудиторией, и рядом последующих интерпретаторов отсылка к значимому для греков образу Сократа и к суду над

ним (который, кстати, проходил несколько веков назад у подножия Ареопага). Это напоминание о Сократе, призванное задеть чувства греков, актуализируя в том числе и чувство вины за казнь великого философа, содержало в себе скрытую аналогию с судом над Христом. Анализируя те моменты проповеди, благодаря которым Павел выстраивал параллель с историей Сократа, греческие ученые отмечают, что автор Деяний – апостол Лука – описывает речь Павла глаголом «диалегето» (διελέγετο... καὶ ἐν τῇ ἀγορᾷ κατὰ πᾶσαν ἡμέραν)⁴, что напоминает о практике диалогов Сократа, т. е. о так называемом *modus philosophandi* (способе философствования) греческого ученого [3]. Также обращается внимание на то, что в начале своей речи Павел, упоминая о жертвеннике с надписью «Неведомому Богу» (ἀγνώστῳ θεῷ)⁵, пользуется сократовским приемом, как бы разоблачая незнание афинян, какому именно богу они поклоняются. При этом использование в Деяниях местоимения среднего рода (θεῷ), а не мужского рода θεός (бог) может указывать на то, что Павел говорит обо всей религиозной системе афинян того времени. Показательно и то, что в конце речи апостол подводит итог предшествующим эпохам афинской религиозной жизни как «временам неведения» [4]. Однако «...как ни была искусна по своему составу речь апостола, сказанная в афинском ареопаге, она не произвела... на слушателей того действия, какого можно было ожидать от нее» [5, с. 337], и число последователей Христа после этой проповеди приумножилось лишь очень незначительно.

Тем не менее для судебной системы Греции последствия этой речи имели очень важное значение, поскольку среди уверовавших во Христа и последовавших за апостолом Павлом оказался один из выдающихся ареопагитов, Дионисий Ареопагит – афинский мыслитель, автор богословских трудов (известных в науке как Ареопагитики), первый епископ Афин, признанный впоследствии христианским святым⁶. Более того, Дионисий был для афинян не просто одним из ареопагитов, а судьей безупречной морали, чью совесть не могла поколебать никакая сила. В Греции он провозглашен защитником судей, а 3 октября, которое традиционно считается днем памяти Святого Дионисия Ареопагита, утверждено на законодательном уровне в качестве выходного дня для всех судов страны (судьи, как правило, проводят этот день в храмах при участии священнослужителей, политиков и юристов).

Через труды Дионисия в правовое сознание греков вошли идеи Святого апостола Павла, оказавшие влияние на формирование судебной системы страны и мировую философско-правовую мысль. Важно отметить, что сочинения Дионисия Ареопагита проникли на Русь через переводы южнославянских авторов в конце XIV в., а выдержки из Ареопагитик часто использовались отечествен-

⁴ διελέγετο μὲν οὖν ἐν τῇ συναγωγῇ τοῖς Ἰουδαίοις καὶ τοῖς σεβομένοις καὶ ἐν τῇ ἀγορᾷ κατὰ πᾶσαν ἡμέραν πρὸς τοὺς παρατυγχάνοντας (Деян. 17:17).

⁵ διερχόμενος γὰρ καὶ ἀναθεωρῶν τὰ σεβάσματα ὑμῶν εὗρον καὶ βωμὸν ἐν ᾧ ἐπεγέγραπτο ἀγνώστῳ θεῷ ὃ οὖν ἀγνοοῦντες εὐσεβεῖτε τοῦτο ἐγὼ καταγγέλλω ὑμῖν (Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано «неведомому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам) (Деян. 17:22–23).

⁶ Официальный сайт Верховного суда Греции (греч. Ἀρειος Πάγος). Раздел истории суда (Ἱστορικά στοιχεία). URL: <https://www.areiospagos.gr/INDEX.htm> (дата обращения: 11.07.2025).

ными авторами. Вопрос о том, каково было это влияние, в чем именно состояли его суть и его главная ценность для развития правосудия, до сих пор не привлек надлежащего внимания правоведов. Во всяком случае именно так пишет известный греческий ученый, бывший председатель Верховного суда Греции В. Никопулос в своей докторской диссертации, посвященной анализу правовой мысли апостола Павла [6, с. 25]. Далее мы рассмотрим основные положения этой работы выдающегося современного исследователя права раннехристианского периода.

Святой апостол Павел как законоучитель: влияние его идей на правосудие

В. Никопулос и поддерживавшие его исследование греческие правоведы сходятся во мнении, что «история и философия права были бы намного беднее, если бы апостол Павел не сформулировал свое видение руководящих принципов права эпохи христианства, которые звучат так: “любовь есть исполнение закона”, “где нет закона – нет и нарушения закона”, “буква убивает, а дух животворит”, “весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя” и т. д. Эти христианские идеи апостол противопоставил жесткому формализму языческого римского права. Его заявление жителям Коринфа (одной из римских колоний) о том, что «древнее прошло, теперь все новое» (2 Кор. 5:17), «поставило его лицом к лицу с могущественным римским правом, которое выражало дух великой и могучей империи» [6, с. 25]. Но Павел был готов к такому противостоянию, поскольку он был не просто мыслителем, а выдающимся законоучителем своего времени. Юридическая наука, по мнению В. Никопулоса, явно недооценивает тот факт, что апостол Павел в своих посланиях не только использовал многие понятия уголовного и гражданского права, но и делал это с глубоким знанием их юридического содержания. Греческие правоведы, осознав (хотя и с явным запозданием) это упущение, подчеркнул он, проявляют сейчас заметный интерес к посланиям апостола Павла, вводя их в контекст философско-правовой мысли.

Специальное внимание при этом уделяется непростому пути духовного становления Павла, который, как сказал когда-то святитель Иоанн Златоуст, «...хотя он и был Павел, все-таки он был человек» [7, с. 17]. В контексте нашего анализа особенно интересен вопрос о получении будущим христианским апостолом очень хорошего религиозного, философского и правового образования. Как сказано в книге «Деяния святых апостолов», Павел (при рождении Саул или Савл, что на иврите означает «вымоленный») проходил обучение у известного иудейского законоучителя фарисея⁷ Гамалиила (Деян. 22:3), который был председателем Великого Синедриона в Иерусалиме⁸. В период обучения, как пишет В. Никопулос, Павел не мог не узнать о противостоянии двух философских школ и типов иудейского правопонимания [6, с. 68]. Первая школа была

⁷ Как пишет британский доктор богословия В. Ф. Фаррара, «когда мы говорим о фарисействе, мы понимаем... религию, поглощенную обрядностью, нравственность, зараженную казуистикой», и т. д., но «фарисеи были разные». При этом он особо выделяет Гамалиила, мудрость которого отмечена в Новом Завете [7, с. 50].

⁸ Schechter S., Bacher W. The Jewish encyclopedia. New York : Funk & Wagnalls Company, 1906. P. 559.

основана дедом Гамалиила – одним из представителей фарисейской школы Гиллелем⁹ (75 до н. э. – около 5–10 г. н. э.), а вторая представляла собой школу толкования Торы, основателем которой был Шаммай. Разногласия между школами касались основополагающих принципов человеческого бытия. Школа Шаммая утверждала, что учить следует лишь человека умного, скромного, благородного происхождения и богатого, а школа Гиллеля исходила из того, что «учить следует всех людей, ибо в Израиле было много грешников, которые приблизились к изучению Торы и стали праведными, благочестивым и достойными»¹⁰. Эти разногласия по столь фундаментальным вопросам повлияли и на расхождения в подходах к пониманию права: говоря современным языком, школа Шаммая принадлежала к позитивизму, а школа Гиллеля тяготела к естественно-правовому подходу антропоцентристской направленности. Как показывает в своем исследовании В. Никопулос [6], школе Гиллеля была присуща ориентация на так называемый дух закона в толковании права: основатель школы считал, что избежать суровости закона можно через его дух. «Буква убивает, а дух животворит», – скажет впоследствии апостол Павел в послании к коринфянам, и в этих словах явно ощущается духовное влияние философии Гиллеля.

Гамалиил, воспринявший идеи своего великого деда, не ограничивался высказыванием философских суждений гуманистического характера, а стремился воплотить их на практике¹¹. Так, будучи обеспокоен положением бедняков, он следующим образом продемонстрировал это в одном из важнейших для древних иудеев вопросов жизни и смерти, касавшихся похорон. В то время существовал обычай, требовавший тратить большие суммы на похороны, что нередко разоряло родственников умершего. Гамалиил решил переломить ситуацию своим примером, приказав облачить свое тело после смерти в простой саван и совершить самые простые обряды. Этому прецеденту, основоположником которого стал признанный духовный лидер, последовали затем не только бедные, но и богатые¹². Все это не могло не повлиять на духовное становление Павла, прошедшего путь от фарисея до христианского апостола.

В контексте нашего исследования особенно интересны рассуждения В. Никопулоса о том, какое место занимает привнесенное Павлом и иными апостолами христианское понятие любви в устоявшуюся к тому времени греко-римскую концепцию справедливости как равенства, соответствующую формуле греческого поэта Симонида «*τα οφειλόμενα ἐκάστω ἀποδίδόναι*» [8, с. 45] (на добро отвечать добром, а на зло – злом), которую позже римский юрист Ульпиан выразил словами «*Justitia est constans et perpetua voluntas suum cuique tribuere*» (Справедливость есть постоянная и неизменная воля каждому воздавать по заслугам). Важно отметить, что апостол Павел широко использует термин «справедливость» (δικαιοσύνη): после любви (ἀγάπη) это самое значимое понятие в его

⁹ Именно ему принадлежит следующая формулировка Золотого правила нравственности: «Что тебе неприятно, того не делай другому».

¹⁰ URL: https://re100re.wordpress.com/wp-content/uploads/2015/10/d0bfd0b8d180d0b_ad0b5d0b9-d0b0d0b2d0bed182-d0b0d0b2d0bed182-d0b4d0b5-d180d0b0d0b1d0b1d0b8-d0bdd0b0d182d0b0d0bdd0bad0b8d0bfd0b5d180d0b2.pdf (дата обращения: 10.05.2025).

¹¹ Там же.

¹² Там же.

философском словаре. По мнению В. Никопулоса, в философии права Павла понятие любви заложено в понятие справедливости как основа для милосердия и снисхождения: под влиянием любви справедливость и право стараются привить каждому человеку дух социальной солидарности и коллективной ответственности, т. е. всего того, что составляет суть идеи человеческого братства. Таким образом, справедливость у Павла, подчеркивает ученый, обладает двумя характерными чертами – универсальностью (через равенство) и гармонией (через любовь) [6, с. 32].

В ходе дальнейшего развития римлянами философско-правовой мысли привнесенное христианскими апостолами понятие любви ушло из правовой традиции. Отмечая это, В. Никопулос в качестве основной причины выдвигает тезис о том, что любовь – это чувство высокого порядка и оно не может быть введено в формальные рамки: справедливость торжествует, берет верх, в то время как любовь смиряется свободно, без усилий, справедливость оценивает поступки, любовь укрывает и даже покрывает их. Таким образом, высший характер любви делает эту идею неприменимой для правосудия. При этом, отмечает ученый, нельзя считать, что философия права недооценивала любовь, напротив, ставила ее так высоко, что философия оказывалась не в состоянии низвести ее до человеческого уровня [6, с. 26].

И тем не менее идеи апостола Павла о христианской любви оказали мощное и непосредственное воздействие на правосудие, поскольку правовая реальность, как верно замечено, «...не ограничивается реальностью существующих юридических норм, действенность которой поддерживается такими институтами, как суд, тюрьма и т. д., но это и реальность правосознания как отдельного человека, так и общества в целом» [9, с. 80]. И прежде всего это реальность правосознания судей, на которое христианские идеи милосердия, по-видимому, оказали наибольшее влияние. Отголоски именно такого влияния слышатся в словах В. Никопулоса о том, что «отправление правосудия – это сложная и почти сверхчеловеческая задача, ведь “суждение” – дело Божье. Люди занимают им только в силу необходимости, чтобы обеспечить мирное сосуществование в обществе» [8]. В одном из своих интервью, выступая не как философ, а как судья Верховного суда Греции, он сказал так: «Я благодарю Бога за то, что Он сделал меня, смиренного и униженного, достойным исполнения столь высокой миссии в моей жизни, и молю Его простить меня за любые ошибки, которые я мог совершить при исполнении своих обязанностей, которые, однако, уверяю вас, произошли не по моей воле, а были совершены неосознанно и без вины. Бог мне свидетель!» [8].

Интересное развитие подобные мысли получили в работе российского правоведа, судьи Конституционного Суда Российской Федерации в отставке Г. А. Гаджиева. Разумеется, пишет он, «судья не может действовать исходя из своего эмоционально окрашенного отношения к ответчикам. <...> Но это вовсе не значит, что право совершенно бездушно и безразлично, т. е. формально. <...> Это один из самых противоречивых моментов юридического концептуализма, проявляющийся на границе юридического и этического пространств» [9, с. 25]. Роль голоса сердца и совести судьи, продолжает автор, возрастает, «...когда в законе обнаруживаются пробелы или противоречия и когда становится очевидным, что просто “наложение” с использованием силлогистического метода закона на возникшую ситуацию породит несправедливость» [9, с. 26]. Поэтому в современном праве соседствуют и формальный принцип равенства

перед судом, и помилование, и амнистия. Особо следует отметить правозащитную деятельность института уполномоченных по правам человека, которая в Российской Федерации нацелена на «...улучшение качества защиты прав и свобод граждан, утверждение принципов справедливости и милосердия в правозащитных механизмах государства» [10, с. 85].

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что, хотя в отечественной религиозной философии идея христианского милосердия в контексте ее связи с правосудием традиционно занимала важное место, проблематика мировоззренческих основ правосудия в эпоху становления христианства, когда эти идеи соприкоснулись с уже сложившейся греко-римской правовой традицией, не привлекла достаточного внимания исследователей. Не стала предметом отдельного изучения отечественными юристами и роль Святого апостола Павла как законоучителя, духовный путь которого был тесно связан с формированием нового, христианского по своей сути, подхода к праву и правосудию. Задача данной статьи – привлечь внимание к этому пробелу и показать, что дальнейшее изучение этого глубинного пласта христианской философско-правовой культуры должно занять достойное место в перечне тех сквозных проблем в «...исторической панораме политико-правовых идей, которые... по-своему пытаются решить мыслители разных эпох» [11, с. 71]. Очевидно, что включение в сферу исследований современной российской философии права основных направлений влияния на нее идей апостола Павла станет важным вкладом в осмысление правовых аспектов цивилизационной идентичности России.

Список источников

1. Павсаний. Описание Эллады. Кн. I–IV. СПб. : Алетея, 1996. 334 с.
2. Аристотель. Афинская полития / пер. с греч. С. И. Радцига. Ксенофонт. Лакедемонская полития / пер. с греч. Г. А. Янчевецкого. М. : Академ. проект, 2020. 215 с.
3. Becker M. Petrus Socraticus? Socratic reminiscences in Luke's portrait of the Apostle Peter // *Philologia Classica*. 2020. Vol. 15, issue 1. P. 54–71.
4. Cowan J. A. Paul and Socrates in dialogue: points of contact between the Areopagus Speech and the Apology // *New Testament Studies*. 2021. Vol. 67, issue 1. P. 121–133.
5. Певницкий В. О. О речи Св. ап. Павла в афинском Ареопаге (XVII, 22–31) // Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Деяний святых Апостолов / сост. инспектор Симбир. дух. семинарии М. Барсов. М. : Лепта Книга, 2006. 720 с.
6. Νικόπουλος Β. Η νομική σκέψη του Απ. Παύλου : (συμβολή στην ιστορική έρευνα του Δικαίου των πρώτων χριστιανικών χρόνων). Έκδοση. 1992. 389 σ.
7. Фаррара В. Ф. Жизнь и труды Св. апостола Павла / пер. с англ. М. П. Фивейского. СПб. : П. П. Сойкин, 1905. 528 с.
8. Συνέντευξη του Βασιλείου Ευτ. Νικόπουλου στον Ελπίδοφόρο Ιντζέμπελη. URL: https://www.maxitisartas.gr/single_page.php?catid=&id=3575.
9. Гаджиев Г. А. Онтология права: критическое исследование юридического концепта действительности. М. : Норма, 2013. 320 с.

10. Савенков А. Н. Справедливость и милосердие в государственной правозащитной деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москальковой // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 3. С. 85–92. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.127.3s.085-092.
11. Горбань В. С. Формирование современной историографической модели правовых знаний // Государство и право. 2024. № 7. С. 64–78. DOI: 10.31857/S1026945224070055.

References

1. Pausanias. *Description of Hellas*. Bks. I–IV. St. Petersburg: Aletejya; 1996. 334 p. (In Russ.)
2. Aristotle. *The Athenian polity*. Transl. from Greek by S. I. Radtsig. Xenophon. *The Lacedaemonian polity*. Transl. from Greek by G. A. Yanchevetsky. Moscow: Academicheskij proekt; 2020. 215 p. (In Russ.)
3. Becker, M. Petrus Socraticus? Socratic reminiscences in Luke's portrait of the Apostle Peter. *Philologia Classica*. 2020;15(1):54-71.
4. Cowan, J. A. Paul and Socrates in dialogue: points of contact between the Areopagus Speech and the Apology. *New Testament Studies*. 2021;67(1):121-133.
5. Pevnitsky, V. O. On the speech of St. Apostle Paul on the Athenian Areopagus (XVII, 22–31). In: M. Barsov, comp. *A collection of articles on the interpretive and instructive reading of the Acts of the Holy Apostles*. Moscow: Lepta Kniga; 2006. 720 p. (In Russ.)
6. Νικόπουλος, Β. Η νομική σκέψη του Απ. Παύλου: (συμβολή στην ιστορική έρευνα του Δικαίου των πρώτων χριστιανικών χρόνων). Έκδοση. 1992. 389 σ. (In Greek)
7. Farrara, V. F. *The life and works of the Holy Apostle Paul*. Transl. from Engl. by M. P. Fivevsky. St. Petersburg: Published by P. P. Soikin; 1905. 528 p. (In Russ.)
8. Συνέντευξη του Βασιλείου Εντ. Νικόπουλου στον Ελπιδοφόρο Ιντζέμπελη. URL: https://www.maxitisartas.gr/single_page.php?catid=&id=3575 (In Greek).
9. Gadzhiev, G. A. *Ontology of law: a critical study of the legal concept of reality*. Moscow: Norma; 2013. 320 p. (In Russ.)
10. Savenkov, A. N. Justice and mercy in State human rights activities Commissioner for Human Rights in the Russian Federation T. N. Moskalkova. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2025;(3):85-92. (In Russ.) DOI: 10.17803/2311-5998.2025.127.3s.085-092.
11. Gorban, V. S. Formation of a modern historiographical model of legal knowledge. *State and Law*. 2024;(7):64-78. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1026945224070055.

Информация об авторе / Information about the author

Анна Владиковна Нерсисянц, кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Инсти-

тута государства и права Российской академии наук (Российская Федерация, 119019, Москва, ул. Знаменка, д. 10).

Anna V. Nersesyants, Cand. Sci. (Law), Researcher at the Philosophy of Law, History and Theory of State and Law Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (10 Znamenka St., Moscow, 119019, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 13.10.2025; принята к публикации 24.11.2025.

The article was submitted 22.09.2025; approved after reviewing 13.10.2025; accepted for publication 24.11.2025.

Научная статья

УДК 340.11

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.19-36

Градуирование юридических понятий

Анатолий Викторович Ефимов

*Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация
av_efimov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8222-4432>*

Аннотация

Введение. Регулятивный эффект права во многом зависит от определенности юридических понятий. При этом неопределенность или нечеткость понятий в юридическом дискурсе может быть объяснена их «открытой текстурой», предполагающей, что понятиям свойственно ядро «ясного» значения и периферия «полутеневого» значения. Диапазон между ясным и полутеневым значениями включает промежуточные значения понятий. Такой подход предполагает градацию значений, которые могут быть свойственны различным явлениям в юридическом дискурсе. Представляется, что градуирование признаков, от которых зависят правовые последствия, позволяет переосмыслить процесс формирования юридических понятий.

Теоретические основы. Методы. При проведении исследования были применены общенаучные методы (группа формально-логических методов (дедукция, индукция, анализ, синтез и т. д.), диалектический метод, системный, функциональный) и специальные юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования).

Результаты исследования. Для оценки применения идеи градуирования в юридическом дискурсе исследовано общенаучное понимание градуирования, рассмотрены возможности градуирования на примерах определения политических режимов, форм правления, соотношения вещных и обязательственных прав, ответственности видов юридической ответственности различным правонарушениям, а также на примере сферы сравнительного правоведения. Исследование показало значительный потенциал градуирования в правотворчестве (при конструировании норм права) и в правоприменении (при юридической квалификации).

Обсуждение и заключение. Обосновано, что градуирование позволяет упорядочить понятия по определенным критериям и соответствующим признакам, предполагающим градацию. Критерии и шкалируемые признаки образуют единую систему координат, где критерии выступают в роли осей системы координат, а шкалируемые признаки показывают диапазоны значений (градиенты), в контексте которых может осуществляться юридическая квалификация. Градуирование способствует «схлопыванию» понятий, которые образованы по одинаковым критериям, но различаются лишь интенсивностью одного или нескольких признаков. Градуирование юридических понятий позволяет конструировать нормы права, привязывая правовые последствия непосредственно к признакам, что отражается на определенности права и правоприменения.

Ключевые слова: градуирование, градиент, понятие, открытая текстура, политический режим, форма правления, вещное право, обязательственное право, правонарушение, юридическая ответственность

Благодарности: работа выполнена с использованием справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Для цитирования: Ефимов А. В. Градуирование юридических понятий // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 4. С. 19–36. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.19-36.

Original article

Gradation of Legal Concepts

Anatolij V. Efimov

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation*

av_efimov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8222-4432>

Abstract

Introduction. The regulatory effect of law largely depends on the definiteness of legal concepts. Moreover, the uncertainty or ambiguity of concepts in legal discourse can be explained by their “open texture”, which suggests that concepts are characterized by a core of “clear” meaning and a periphery of “penumbral” meaning. The range between clear and penumbral meanings includes intermediate meanings. This approach involves a gradation of meaning that may be characteristic of various phenomena in legal discourse. It seems that the gradation of the features on which the legal consequences depend allows us to rethink the process of forming legal concepts.

Theoretical Basis. Methods. The research is based on the use of general scientific methods (formal logical methods (deduction, induction, analysis, synthesis, etc.), dialectical method, system method, functional method) and special legal methods (formal legal, legal comparative research, legal modeling method).

Results. To assess the application of the idea of gradation in legal discourse, the general scientific significance of gradation is investigated, the possibilities of gradation are considered using examples of determining political regimes, forms of government, the relationship of property rights and rights under an obligation, the correspondence of types of legal responsibility to various offenses, as well as the example of the field of comparative jurisprudence. The study showed a significant potential for gradation in law-making (in the construction of legal norms) and in law enforcement (in legal qualifications).

Discussion and Conclusion. It is proved that gradation makes it possible to organize concepts according to certain criteria and the corresponding features suggesting gradation. The criteria and the graduated features form a single coordinate system, where the criteria act as the axes of the coordinate system, and the graduated features show ranges of meanings (gradients) in the context of which legal qualification can be carried out. Graduation contributes to the “collapse” of concepts that are formed according to the same criteria but differ only in the intensity of one or more features. The gradation of legal concepts makes it possible to construct the norms of law, linking the legal consequences directly to the features which affects the certainty of law and law enforcement.

Keywords: gradation, gradient, concept, open texture, political regime, form of government, property right, right under an obligation, offense, legal responsibility

Acknowledgments: the work was done using the Legal Reference System "ConsultantPlus".

For citation: Efimov, A. V. Gradation of legal concepts. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(4):19-36. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.19-36.

Введение

Потенциал права как регулятора социального поведения раскрывается через выстраивание зависимости правовых последствий от определенных характеристик, свойственных деятельности субъектов права. Будучи осведомленными о таких зависимостях, субъекты права приобретают возможность оценивать свои действия (бездействие) на предмет желательности наступления конкретных правовых последствий, посредством чего осуществляется регулятивное воздействие права. При этом регулятивный эффект права во многом зависит от определенности понятий, используемых в юридическом дискурсе, и определенности языка в целом.

В. Н. Корнев справедливо подчеркивает, что «право существует в высказываниях о нем, оно не мыслится вне и помимо языка» [1, с. 10]. А. Ф. Черданцев также отмечал, что «без языка нет и не может быть правового регулирования» [2, с. 13]. Поскольку право является языковым феноменом, проблемы, свойственные определенности языка в целом, проявляются при исследовании юридических понятий.

Основываясь на трудах Л. Витгенштейна и Ф. Вайсмана, Г. Л. А. Харт пишет о невозможности абсолютной определенности права по причине неопределенности и «открытой текстуры» самого языка [3, с. 131]. Исследуя подход Г. Л. А. Харта, Б. Бикс разъясняет идею «открытой текстуры» и пишет, что понятия могут иметь «ядро ясного значения», а также «полутеневое» значение [4, с. 24]. В. В. Оглезнев также пишет: «Если в своем ядре понятие четко определено, то, когда мы двигаемся от центра к периферии, его границы становятся нечеткими, неясными, неопределенными» [5, с. 154]. Таким образом, наряду с очевидными и определенными значениями понятий может быть установлен их неявный смысл, который затрудняет понимание и создает проблемы при реализации права.

Например, анализируя гипотетическое правило о запрете использования средств передвижения в парке, Г. Л. А. Харт указывает на неопределенность самого понятия «средство передвижения». Ученый задает вопрос о том, относятся ли к средствам передвижения велосипеды, аэропланы, роликовые коньки [3, с. 130]. По логике Г. Л. А. Харта, регулятор при установлении правила понимал под средством передвижения автомобиль как некий прототип (ядро ясного значения), хотя полутеневое значение вполне допускает и другие средства передвижения. Поэтому с иными средствами передвижения, которые все больше отдаляются от признаков прототипа, возникают проблемы квалификации. Использование в юридическом дискурсе понятий, значение которых изначально сводилось регулятором к определенному прототипу, создает риски возникновения абсурдных ситуаций, в которых объем понятия будет включать такие объекты, которые совершенно не имелись в виду регулятором.

Неопределенность права, связанная с «открытой текстурой» языка, преодолевается правоприменительным (судебным) усмотрением [3, с. 139]. Однако при таком подходе правоприменитель непосредственно наполняет смыслом понятия, фактически формируя сами правила поведения. Несмотря на гибкость регулирования, учет фактических обстоятельств при правоприменении и оперативность решения споров, суд приобретает черты не только правоприменительного органа, но и правотворческого [6, с. 354], что ставит под удар единообразие практики и грозит принятием произвольных решений.

Впрочем, неудивительно, что использование в юридическом дискурсе понятий, допускающих «полутеневое» значение (прототипов), будет приводить к проблеме «открытой текстуры». Ориентирование права на прототипы раскрывается также в том, что предметом правового регулирования становятся типичные, наиболее распространенные и часто повторяющиеся общественные отношения [7, с. 447].

Например, А. Е. Кирпичев указывает, что «кодификация частного права проходит этапы развития, когда в качестве архетипа субъекта по умолчанию указывается частное юридическое лицо или частный предприниматель» [8, с. 34]. Однако гибкость правового регулирования требует различения и учета особенностей субъектов права. Можно также привести другой пример: особое правовое положение потребителя обусловлено образом (архетипом), который представлял законодатель [9, с. 39]. Тем самым регулирование типичных отношений предполагает использование типичных (архетипных или прототипных¹) понятий. Однако малейшее отклонение того или иного объекта от признаков прототипа будет порождать проблему того, является ли этот объект разновидностью прототипа и применимы ли к нему предусмотренные для прототипа правовые последствия.

Переходные формы объектов познания могут быть представлены в диапозоне между «ядром ясного значения» и «полутеневым значением». Различные признаки, которые присущи понятиям, образуют своеобразный градиент, в контексте которого определяются понятия, имеющие юридическое значение. В этой связи предполагается, что точность юридической квалификации зависит от упорядоченности юридических понятий, построение которых основывается на градуировании.

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу исследования составили труды российских и зарубежных ученых, которые связаны с языковыми и логико-философскими проблемами юридических понятий, проблемами формирования и использования понятий в правотворчестве и правоприменении. В качестве объекта исследования рассматривается теоретическая модель формирования и упорядочивания юридических понятий посредством градуирования их признаков по определенным критериям.

Обозначенный объект исследования предопределил разнообразные методы исследования. При написании статьи использованы формально-логические методы (дедукция, индукция, анализ, синтез и т. д.). Применение диалектического метода позволило рассматривать явления в динамике и учитывать их «переходные» формы в градиенте возможных признаков, к конкретным совокуп-

¹ Данные понятия используются как синонимы.

ностям которых могут быть привязаны определенные правовые последствия. В целях разработки научного представления об общей системе координат, образуемой критериями и шкалируемыми признаками, применялся системный подход. Функциональный подход позволил сравнивать и сопоставлять якобы разные понятия, которые вместе с тем имеют схожую смысловую нагрузку и отличаются лишь интенсивностью определенных признаков. Функциональный подход также важен при градуировании юридических понятий в контексте сравнительного правоведения.

В статье использовались специальные юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования), которые позволили оценить применимость идеи градуирования к юридическим понятиям, выявить фундаментальное и прикладное значение градуирования в правотворчестве, правоприменении и в научных исследованиях, а также описать модель градуирования в юридическом дискурсе.

Результаты исследования

1. Общенаучное значение градуирования

Определение принадлежности конкретного объекта прототипу осуществляется по множеству критериев. При этом сложность однозначного отнесения объекта к прототипу обусловлена необходимостью учета спектра возможных признаков даже по какому-то одному критерию. Интересно отметить, что проблема определения принадлежности объекта определенному набору признаков является общенаучной. Давая математическое объяснение данной проблеме, Л. А. Заде в статье о нечетких множествах предложил не просто однозначно говорить о том, относится ли объект к определенному классу объектов или нет, а устанавливать по соответствующим критериям и их признакам (с учетом их интенсивности) степень принадлежности того или иного объекта определенному классу объектов (нечеткому множеству) в диапазоне от 0 до 1 [10, р. 339]. Показательно, что проблема «открытой текстуры» сходна с проблемой нечеткого множества.

Например, когда речь идет о том, насколько определенный объект (карандаш, губная помада) является красным, подход Л. А. Заде позволяет взять спектр цветов (градиент) и посмотреть, какому цвету соответствует данный объект. Если брать за эталон определенный «красный» цвет, то можно установить, что объект в какой-то конкретной степени является «красным». При этом степень соответствия можно измерить вполне точно по длине световой волны. Степень точности квалификации может быть заранее определена математически подобно тому, как и в целом в математике говорят про точность вычислений, например, в контексте иррациональных и даже рациональных чисел².

Впрочем, использование эталона определенного «красного» цвета опять же намекает на некий прототип. В то же время последствия определения цвета объекта можно привязывать не к степени соответствия эталонному «красному», а непосредственно к длине световой волны. Представляется, что и правовые последствия могут и должны ставиться в зависимость не от степени соответствия определенному прототипному понятию как эталону, а от конкретных признаков. Выявление диапазонов значений признаков понятий позволяет рассмотреть градиенты таких признаков и оценить объекты на предмет их со-

² *Выгодский М. Я.* Справочник по высшей математике. М. : Гос. изд-во физ.-мат. лит., 1963. С. 245.

ответствия тем или иным признакам. При этом представляется возможным провести общее градуирование понятий посредством учета диапазонов возможных значений признаков по различным критериям.

Само понятие «градуирование» (или «градиент») употребляется в различных контекстах. Так, в математике под «градиентом функции $z = f(x, y)$ в точке называется направленный отрезок $\text{grad } z(M_0) = z'(M_0) * \vec{i} + z''(M_0) * \vec{j}$, отложенный от точки M_0 , который показывает направление и скорость наискорейшего роста функции $z = f(x, y)$ в данной точке»³.

Необходимость более гибкой квалификации объектов по интенсивности их признаков обосновывается в трудах по теории языка. Так, С. М. Колесникова пишет, что «градуирование – это такое определение градуируемого объекта, при котором выявляется (самая) высокая или (самая) низкая степень признака для градуирующего субъекта, при условии, что градуируемый объект соответствует норме (нулевой ступени измерения), удовлетворяющей градуирующему субъекту»⁴. В данном определении все же прослеживается привязка к прототипу (норме, или нулевой степени измерения), хотя, как представляется, это вовсе не обязательно. О. А. Башкирцева отмечает, что градуирование позволяет формировать понятия на основе определенных шкалируемых признаков (высота, длина, ширина и т. п.) [11, с. 73]. Говоря фактически о шкалируемых признаках, С. М. Колесникова также пишет, что «градуированию подвергаются не выражения языка, а лишь обозначенные этими выражениями черты, признаки, которые могут принадлежать данному элементу действительности и выступать в большей или меньшей степени»⁵. Таким образом, градуирование может быть определено как упорядочивание понятий в рамках определенной системы координат, оси которой образованы критериями различия и предполагают шкалируемость признаков по этим критериям.

Применение градуирования видится возможным в отношении различных понятий. Так, Э. Сепир писал о возможности градуирования всех слов, которые поддаются количественному определению (слова, способные подвергаться счету), и всех квантификаторов (слова, к которым применимы понятия количества) [12, с. 44]. Вместе с тем представляется, что градуирование возможно в отношении вообще всех понятий, которые используются в языке, поскольку в силу диалектического закона количественно-качественной связи⁶ любой, даже, казалось бы, неколичественный признак может быть выведен через количественные признаки и сопоставлен с иными качественными признаками. В этой связи фактически любые понятия могут быть градуированы, т. е. поставлены в определенное место в контексте общей многомерной системы координат.

Разбирая конкретный пример градуирования понятий, связанных с прототипом горы, О. А. Башкирцева пишет, что категория «возвышенность» «...включает субкатегории гора, холм, бугор, скала, утес, вулкан, курган, холмик, горка, бугорок, кочка. Членение категории на субкатегории осуществля-

³ Чигиринская Н. В. Начала многомерного математического анализа : учеб.-метод. пособие. Волгоград : ВолгГТУ, 2024. С. 35.

⁴ Колесникова С. М. Функциональная грамматика: предикативность, градуальность, оценочность : учеб. пособие. М. : МПГУ, 2016. С. 48.

⁵ Колесникова С. М. Указ. соч. С. 52.

⁶ Спиркин А. Г. Философия : учеб. М. : Гардарики, 2006. С. 32.

ется преимущественно на основе шкалируемого признака высота, связанного с формой, размером возвышенности и определенным образом соотносящегося с параметрами длины и ширины основания» [11, с. 73]. Таким образом, ряд таких признаков, как высота, форма, соотношение длины и ширины основания, будет предопределять конкретное обозначение той или иной возвышенности. Другими словами, само получаемое понятие будет вторичным по отношению к признакам, которые присущи объекту. Последствия установления вида возвышенности должны определяться не понятием как таковым, а именно набором признаков. Присваиваемое понятие фиксирует лишь какой-то один набор признаков, в то время как «скольжение по градиенту» различных критериев позволяет увидеть все возможное многообразие объектов.

Важно подчеркнуть, что понятия определяются не по какому-то одному признаку, а по совокупности признаков, образующих кластер таких признаков [13, с. 70]. В этой связи правовые последствия должны быть обусловлены совокупностью признаков, которые могут меняться по векторам интенсивности своего проявления. При этом интенсивность может меняться сразу по всем признакам. То есть градуирование возможно не по одному критерию, а сразу по нескольким, в результате чего будут получаться разные понятия.

Как видно из примера с видами возвышенностей, сложившиеся понятия отражают предметность и казуистичность человеческого мышления, а образованные понятия (субкатегории) не позволяют представить всего многообразия комбинаций признаков, выделяемых по определенным критериям. Вероятно, названия возвышенностей, выхваченные из множества возможных комбинаций признаков, весьма успешно могут использоваться в примитивной бытовой деятельности человека. Однако привязка правовых последствий к прототипам не позволяет адекватно и точно оценивать многообразие форм человеческой деятельности, создавая риски произвольной квалификации.

Использование понятий, сформированных посредством схватывания отдельных фрагментов действительности, основывается на формальной логике, где понятие понимается как форма мышления⁷. Ж. М. Абдильдин справедливо писал, что, поскольку мышление производно от чувственно-практической деятельности, «формы мышления представляют собой как бы остановленные и зафиксированные формы предметной деятельности по освоению содержания предметного мира, конечные формы бесконечно развивающегося познания» [14, с. 89–90]. Представляется, что градуирование юридических понятий даст возможность прийти к такому паттерну мышления, который позволит диалектически учитывать «переходные» формы. Нивелирование потребности выработки фрагментарных понятий, которые отражают предметность, казуистичность и прототипность человеческого мышления, осуществляется за счет выделения возможных признаков и их интенсивности, с которыми могут быть связаны определенные последствия. В этом смысле если привязывать правовые последствия к признакам, то и не будет скованности оперирования предметными понятиями, которые как будто выхвачены из постоянно развивающейся действительности.

Если исторически использование прототипов в юридическом дискурсе объяснялось стихийным развитием юридических понятий, казуистикой как насле-

⁷ Демина Л. А. Понятие // Логика : учеб. для бакалавриата / отв. ред. Л. А. Демина. М. : Норма : Инфра-М, 2024. С. 47.

дием древнеримского периода, сложностью проведения системных исследований, то на современном этапе представляется необходимым создание единой системы права, в контексте которой должны использоваться сквозные понятия, которые формируются в единой многомерной системе координат по критериям, которые имеют юридическое значение. Единство права как тотального дискурса социальной жизни должно обеспечиваться за счет выявления критериев различия юридических понятий, которые могут быть использованы как своеобразные оси системы координат с соответствующими значениями шкалируемых признаков.

Определение места того или иного объекта должно осуществляться в единой системе координат, учитывая сразу все критерии различия и юридически значимые признаки. Получаемые при квалификации наборы признаков по определенным критериям будут обуславливать определенные правовые последствия. В связи с этим предлагается ставить правовые последствия в зависимость не от самих понятий как таковых, а от конкретных признаков, получаемых по определенным критериям. Это позволит охватить все возможные комбинации признаков и привязать к ним правовые последствия. Градуирование признаков позволит систематизировать юридические понятия как определенные пространства, образованные множеством признаков в единой многомерной системе координат.

2. Перспективы градуирования понятий в юридическом дискурсе (отдельные примеры)

Возвращаясь к примеру Г. А. А. Харта про неопределенность понятия «средство передвижения», стоит задаться вопросом о том, какие критерии и признаки хотел учесть регулятор в целях запрещения использования средств передвижения в парке. Речь может идти про критерии, характеризующие в определенных диапазонах значений уровень шума от средств передвижения, степень загрязнения воздуха, скорость и т. д. Поэтому вместо привязки правовых последствий к понятию «средство передвижения» может быть использована привязка правовых последствий к таким объектам, которые соответствуют определенным признакам по уровню шума, загрязнения воздуха, скорости и т. д.

Проблематика использования понятий с нечетким множеством в юридическом дискурсе весьма слабо проработана в научной литературе. Как правило, лишь обозначается, что некое понятие является «каучуковым», со ссылкой на то, что конкретное значение должен установить правоприменитель посредством своего усмотрения [15, с. 71]. Рассматривая на примере понятий «старость» и «не старость» проблему определения немолодого и нестарого человека, Н. А. Власенко пишет о нецелесообразности использования противоречивых понятий в правовом тексте. Он пишет, что «противоречивость не способна выделить все наиболее существенные признаки предмета или явления, сама противоположность в этом случае характеризуется как ослабленная» [16, с. 161]. Действительно, весьма странно было бы привязывать, например, наступление пенсионного возраста к понятию «старость» без определения конкретного значения по критерию «возраст». Представляется, что противоположные понятия лишь в общем смысле показывают крайние признаки объекта по определенному критерию. При этом обостряется проблема «открытой текстуры» при оценке промежуточных состояний.

2.1. Политические режимы и формы правления

Данная проблема обнаруживается при исследовании политических режимов. В общей теории права отмечается, что «политический режим выражает: методы осуществления политической власти; степень участия граждан в управлении; отношение государственных институтов к правовым основам собственной деятельности; степень политической свободы в обществе; фактическое состояние правового статуса личности»⁸. Несложно заметить, что берется пять критериев, по которым политические режимы могут быть охарактеризованы. Однако выделяется, как правило, только три режима – демократический, авторитарный и тоталитарный⁹. Не вдаваясь в корректность обозначения самих критериев, можно отметить, что различных состояний режимов по приведенным критериям должно быть явно больше, чем три. Достаточно сказать, что количество политических режимов будет определяться разными комбинациями признаков по выделенным критериям. В то же время политические режимы вычленяются фрагментарно, т. е. вне связи с критериями и признаками. При таком подходе, естественно, появляется проблема «открытой текстуры» при квалификации конкретного состояния режима.

Более того, такой подход не позволяет учитывать динамичную реальность, в которой меняются параметры политического режима. Буквально ежедневно принимаются правовые акты, ведется диалог гражданского общества и государства, предопределяя соотношение сил в обществе и в итоге – политический режим, что не улавливается набором из трех политических режимов. Представляется, что определение политического режима должно, напротив, определяться по признакам и критериям, образующим единую систему координат.

Аналогичное рассуждение можно привести и в отношении форм правления. Так, Л. А. Морозова указывает на две основные разновидности республиканской формы правления – президентскую и парламентскую республику¹⁰. Их разграничение основывается на ряде критериев, характеризующих соотношение легитимности, силы и контроля в отношении исполнительной власти президента или парламента соответственно. Однако очевидно, что такой подход из-за произвольного выделения двух крайностей в общем спектре различных вариаций соотношения сил президента и парламента опять-таки не позволяет весьма точно квалифицировать конкретную форму правления в государстве и не предполагает места для промежуточных разновидностей. В целях преодоления таких проблем в теории права выделяются смешанные формы правления, а также указываются нетипичные или нетрадиционные формы правления¹¹. Однако нетрадиционность форм правления объясняется тем, что сам подход к

⁸ Власенко Н. А., Зинковский С. Б. Форма государства // Теория государства и права : учеб. / под. ред. А. А. Клишаса. М. : Статут, 2019. С. 137.

⁹ Там же.

¹⁰ Морозова Л. А. Теория государства и права : учеб. М. : Эксмо, 2011. С. 92.

¹¹ Там же; Мирошник С. В. Форма государства // Теория государства и права : учеб. / под ред. В. В. Ершова ; отв. ред. Т. В. Власова, Т. С. Лесовая. М. : РГУП, 2023. С. 95–96; Плетников В. С. Форма государства // Теория государства и права : учеб. / отв. ред. В. Д. Перевалов. М. : Норма : Инфра-М, 2024. С. 120.

их систематике является весьма грубым и не основанным на учете релевантных критериев и признаков.

2.2. Деление прав на вещные и обязательственные

Аналогичным образом можно рассмотреть проблему соотношения вещных и обязательственных прав. Е. А. Суханов пишет: «Вещное право дает возможность управомоченному лицу удовлетворить свои потребности собственными действиями, тогда как в обязательственных отношениях они удовлетворяются только с помощью действий обязанных лиц»¹².

Вместе с тем в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (п. 2.2) указывается, что для всех вещных прав характерны следующие признаки (свойства): «...а) вещные права возникают и прекращаются по основаниям, установленным ГК и изданными в соответствии с ним законами; б) перечень вещных прав определяется исключительно ГК; в) содержание вещных прав определяется ГК; порядок их осуществления определяется ГК и изданными в соответствии с ним законами; г) вещные права обременяют вещь (имущество), обеспечивают их обладателям господство над соответствующей вещью (имуществом) и следуют за вещью; д) вещные права имеют преимущество перед иными имущественными правами на соответствующую вещь (имущество); е) вещные права, в отличие от иных субъективных гражданских прав, подлежат вещно-правовой защите; ж) соотношение правомочий собственника и обладателя ограниченного вещного права определяется правилами ГК о соответствующем вещном праве; з) вещные права на недвижимые вещи подлежат государственной регистрации и возникают с момента такой регистрации»¹³.

Данные признаки никак не связаны с обозначенным критерием деления прав на вещные и обязательственные. С точки зрения критерия, предложенного Е. А. Сухановым, вещные права могут отличаться от обязательственных только тем, посредством чего происходит удовлетворение потребности управомоченного субъекта. Все остальные различия (закрытый перечень прав, обременяющий характер прав, необходимость государственной регистрации) также могут быть обоснованы, но при наличии каких-либо иных критериев. При ином подходе, который фактически и сложился в российском праве, возникает проблема квалификации прав, которым присущи признаки как вещных, так и обязательственных прав.

Например, в литературе отмечается, что право аренды и право залога имеют признаки вещных прав [17, с. 40; 18, с. 141]. В то же время и при рассмотрении ряда ограниченных вещных прав можно обнаружить сходство с обязательственными правами, в том числе с правом аренды. Так, право сервитута может возникать из договора, в котором устанавливаются условия пользования вещью, плата. В этом смысле право сервитута напоминает право аренды. Однако в силу прямого указания закона на «вещную природу» сервитута (ст. 216 ГК РФ) на сервитут накладывается «вещный» правовой режим.

¹² Суханов Е. А. Вещное право // Гражданское право : учеб. : в 4 т. Т. 2 / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2019. С. 24.

¹³ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / вступ. ст. А. А. Маковского. М. : Статут, 2009. С. 76.

Такая логика применима и в отношении иных ограниченных вещных прав. В условиях отсутствия права узурфрукта в российском законодательстве потребности участников экономического оборота обеспечиваются, как представляется, договором арендного типа. Можно сказать, что как сервитут, так и иные подобные ограниченные вещные права представляют собой застывшие разновидности аренды с заранее установленными в законе условиями владения, пользования и распоряжения вещью. То обстоятельство, что к таким правам привязываются эффекты «вещных» прав, обусловлено вовсе не основным критерием деления (за счет чего происходит удовлетворение потребностей управомоченного лица), а абсолютностью права, необходимостью обеспечения осведомленности третьих лиц о праве и иными критериями.

Выстраивание системы координат с юридически значимыми критериями и шкалируемыми признаками позволяет оценить, какие признаки могут быть у тех или иных прав, а также какие правовые последствия могут быть к ним привязаны. Представляется вполне допустимой и нормальной ситуация, когда к «вещным» и к «обязательственным» правам будут привязаны некоторые одинаковые правовые последствия, которые не обусловлены собственным критерием разделения на вещные и обязательственные права.

2.3. Правонарушения и виды юридической ответственности

Рассматривая понятие и элементный состав правонарушений, В. Н. Кудрявцев писал, что правонарушения характеризуются определенным объектом, субъектом, объективной стороной (т. е. характеристикой самого деяния и возможных последствий), субъективной стороной [19, с. 42]. Несмотря на такое разнообразие критериев, предполагающих разнообразие правонарушений, и богатый спектр признаков по данным критериям, в теории права виды правонарушений обычно классифицируются по отраслям права: уголовные (преступления), административные, дисциплинарные, гражданско-правовые (деликты), а также могут выделяться иные виды (конституционные, материальные, процессуальные)¹⁴.

В соответствии с отраслевыми видами правонарушений выстраивается отраслевой подход к выделению видов юридической ответственности. Так, Н. В. Витрук писал о таких традиционных видах ответственности, как гражданско-правовая, материальная, дисциплинарная, административная, уголовная [20, с. 93]. В литературе отмечается, что «помимо отраслевого в теории права выделяют различные классифицирующие критерии юридической ответственности: функциональный, целевой, субъективный, субъектный, в зависимости от характера принуждения и вида применяемых мер, в зависимости от вида правоотношений, в зависимости от субъектов, ее применяющих» [21, с. 37]. Однако, как представляется, во-первых, приведенные критерии выводятся из существующих правовых последствий, но не обуславливают их, во-вторых, именно отраслевые виды ответственности приобрели прототипное значение.

Соответствует ли возможное количество признаков правонарушений выделяемым отраслям права и прототипным (отраслевым) видам юридической ответ-

¹⁴ Ковалева Е. А. Юридически значимое поведение, правонарушения, юридическая ответственность // Проблемы теории государства и права : учеб. / под ред. В. М. Сырых. М. : Эксмо, 2008. С. 454–456.

ственности? Представляется, что нет. Использование совершенно разных критериев деления права на отрасли и деления правонарушений на виды указывает на невозможность внутри отрасли права полностью охватить все виды правонарушений и установить определенный вид юридической ответственности.

Подобно тому, как признаки правонарушения в рамках одной отрасли могут совпадать с признаками противоправности в рамках иной отрасли, также могут совпадать и признаки ответственности по тем или иным критериям на межотраслевом уровне. Например, за деяния, связанные с доведением юридического лица до банкротства, может возникать гражданско-правовая (субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц, ст. 61.11 Закона о банкротстве¹⁵), административная (преднамеренное банкротство, ч. 2 ст. 14.12 КоАП РФ) и уголовная ответственность (преднамеренное банкротство, ст. 196 УК РФ). Несмотря на фактическую схожесть самих деяний, разные правовые последствия при квалификации обусловлены прежде всего степенью общественной опасности, выраженной в причинении вреда. Например, при разграничении преднамеренного банкротства как административного правонарушения и как преступления необходимо установить, причинили ли такие действия (бездействие) крупный ущерб (см. примеч. к ст. 170.2 УК РФ).

Получается, что и дальнейшие различия в административной и уголовной ответственности (порядок возбуждения дела, санкции и т. д.) обусловлены лишь разной интенсивностью признака правонарушения по критерию общественной опасности (элемент объективной стороны). Действительно ли все дальнейшие различия в юридической ответственности должны ставиться в зависимость именно от «скольжения по градиенту» какого-то одного критерия? Стоит повторить, что правовые последствия должны быть обусловлены релевантными признаками по определенным критериям, а не прототипным названием самой ответственности. В этой связи можно, к примеру, задать вопрос: почему все уголовные дела рассматриваются судами общей юрисдикции, т. е. почему независимо от специфики самого правонарушения субъект правоприменения всегда будет один – суд общей юрисдикции? Вполне допустимо, что привлечение лиц к юридической ответственности за экономические правонарушения (включая преступления) может осуществляться арбитражными судами.

Вместо отраслевых видов ответственности предлагается не выделять виды правонарушений и виды ответственности в рамках отраслей права, а придать им внеотраслевой (сквозной) характер. Тем самым правовые последствия, связанные с привлечением лиц к юридической ответственности (санкции, процессуальный порядок, субъект правоприменения и т. д.), должны ставиться в зависимость от конкретных признаков правонарушения, а не от отраслевого названия правонарушения и ответственности. Вид ответственности со своим правовым режимом и условным названием (при необходимости последнего) должен идти вслед за установлением соответствующих признаков по критериям, в контексте которых возможно градуирование.

При таком подходе представляется возможным эффективно решить проблему двойной ответственности за одно и то же деяние. Для этого необходимо определить критерии и признаки, по которым ответственность будет считать-

¹⁵ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

ся двойной (по санкциям, по лицу, перед которым возникает ответственность, и т. д.). При фактическом совпадении признаков ответственность должна считаться двойной и исключаться. В этом аспекте интерес представляет дело, в рамках которого гражданин был привлечен к гражданско-правовой ответственности как поручитель по обязательствам обанкротившегося хозяйственного общества, в котором он был единственным участником и директором. Вместе с тем возник вопрос о том, можно ли его привлечь к гражданско-правовой ответственности как контролирующее должника лицо за доведение общества до банкротства.

Верховный Суд Российской Федерации обратил внимание судов на то, что, несмотря на фактически одни и те же действия гражданина по управлению обществом, речь в данном случае идет о разных видах ответственности (договорной как поручителя и деликтной – как контролирующего должника лица). В этой связи было указано на недопустимость освобождения от деликтной ответственности. Однако при этом Верховный Суд Российской Федерации определил: «В целях недопущения двойного фактического взыскания одной и той же суммы в судебном акте о привлечении к субсидиарной ответственности должно быть указано на известное суду решение о взыскании с данного лица денежных средств как с поручителя: погашение им задолженности по договору поручительства влечет уменьшение объема субсидиарной ответственности и, как следствие, размера подлежащей фактическому взысканию по соответствующему судебному акту суммы»¹⁶. Из данного примера видно, что фактически речь идет об одной и той же ответственности. Различие проходит прежде всего по критерию судьбы задолженности на случай личного банкротства гражданина (от поручительства можно освободиться при личном банкротстве, а от привлечения к субсидиарной ответственности – нет). Учитывая разницу правовых последствий по данному критерию, Суд указал на то, что данные виды ответственности не влекут дублирования.

На наш взгляд, точнее признать, что данные виды ответственности не дублируют друг друга только по конкретному критерию, в то время как по остальным критериям они совпадают. При этом как раз по совпадающим критериям и признакам могут возникать одинаковые правовые последствия. Видимо, именно по этой причине данные виды ответственности были признаны «взаимозаменяемыми».

3. Градуирование в национальном законодательстве и сравнительном правоведении

Стихийное и спорадическое формирование понятий в разных отраслях права порождает иллюзию множества понятий, которые отражают якобы различные явления. Однако при попытке свести все в единую систему посредством использования сквозных понятий возникают трудности, поскольку понятия частично или полностью совпадают. Изменяя интенсивность признаков явления по заданным критериям, можно моделировать разные конструкции, которые будут отличаться по признакам, но не по критериям.

¹⁶ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2021 г. № 308-ЭС17-15907(7) по делу № А53-1203/2016.

Формирование понятийного аппарата в единой системе координат позволяет избавиться от различных понятий, используемых во множестве правовых актов, которые в своей совокупности преломляются к деятельности конкретных субъектов права. Так, Е. А. Юртаева справедливо пишет, что «законодательство со всем его регулирующим инструментарием должно создавать целостную картину правового регулирования, не создавая фрагментированных включений, обслуживающих единственный закон или иной нормативный акт; понятия, вводимые законодательным актом, должны служить целям всего законодательного регулирования, невзирая на предметную или отраслевую принадлежность акта» [22, с. 9]. Л. Ф. Апт также указывала на важность формирования общесистемных и межотраслевых дефиниций [23, с. 114]. При этом как раз приведение всех фрагментарных понятий «к единому знаменателю» возможно посредством формирования системы координат, основанной на единых критериях и шкалируемых признаках.

Интересно отметить, что проблема, с одной стороны, разных, но, с другой стороны, близких по смыслу понятий отчетливо проявляется на уровне сравнительного правоведения. К. Цвайгерт и Х. Кетц считают, что «различные правовые системы сравнимы лишь в той мере, в какой они решают данную проблему, удовлетворяя потребность в адекватном правовом регулировании. Другими словами, только функциональная однозначность, то есть выполнение одной и той же задачи институтами разных стран, делает возможным и целесообразным их сравнение» [24, с. 50]. При этом в силу исторических, географических и социокультурных особенностей понятия в разных странах могут различаться. Цитируемые авторы указывали, что «система терминов сравнительного права приобретает очертания довольно неопределенной структуры с более обобщенным содержанием понятий, чем в национальном праве» [24, с. 51]. Получается, что сравнение по функциональности задает определенные критерии сравнения, что предполагает единую систему координат. В этой связи исследователю стоит искать не непосредственные переводы понятий, а те понятия в зарубежных правовых порядках, которые функционально, т. е. по заданным критериям, соответствуют исходному сравниваемому понятию.

Более того, многочисленность понятий в разных странах, которые фактически отражают одинаковые семантические единицы, может быть сведена к единой системе координат и осмыслена не теми понятиями, которые непосредственно даются в разных правовых порядках, а теми критериями и признаками, по которым возможно их градуирование и постановка в зависимость от них определенных правовых последствий. Можно сказать, что посредством градуирования (выделения функциональных критериев сравнения и определения интенсивности соответствующих признаков) можно более точно решать задачи в сфере сравнительного правоведения.

Обсуждение и заключение

Регулятивное воздействие права во многом зависит от определенности понятий. Предметность и казуистичность человеческого мышления приводят к тому, что в основу юридических понятий ложатся прототипы, с которыми и связываются правовые последствия. Однако отклонение того или иного объекта от прототипа порождает проблему, является ли этот объект разновидностью прототипа и применимы ли к нему предусмотренные для прототипа правовые последствия (проблема «открытой текстуры»).

Преодоление прототипного стиля мышления возможно благодаря формированию понятий по определенным критериям и соответствующим признакам, предполагающим градацию. Критерии и шкалируемые признаки образуют единую систему координат, где критерии выступают в роли осей системы координат, а шкалируемые признаки показывают диапазоны значений (градиенты), в контексте которых может осуществляться юридическая квалификация. Поскольку понятие характеризуется множеством признаков (по нескольким осям в системе координат), то само понятие определяется как некое пространство в обозначенной системе координат. Градуирование как способ упорядочивания понятий в рамках такой системы координат позволяет оценивать интенсивность признаков по градиенту осей и определять место того или иного объекта в системе координат.

При таком подходе нивелируется потребность присвоения названия каждому фрагментарному вычленению из данной системы координат. Дело в том, что правовые последствия будут зависеть непосредственно от признаков, устанавливаемых по определенным критериям, а не от самих понятий. «Скольжение по градиенту» определенных критериев позволяет рассматривать в рамках системы координат сравниваемые по одним и тем же критериям, но с разными признаками такие понятия, как, например, «заем» и «банковская деятельность», «договор найма жилого помещения» и «договор оказания гостиничных услуг», «дарение» и «прощение долга», «представительство» и «филиал», «побои» и «истязание» и т. д. Такие, казалось бы, разные понятия на самом деле оказываются фрагментами в пространстве, образованном одинаковыми критериями. «Схлопывание» таких многочисленных фрагментов из общего пространства позволит избавиться от мнимого разнообразия понятий, которые означают якобы различные явления, но фактически находятся на одних и тех же осях системы координат, но лишь с разной степенью интенсивности каких-то признаков.

Градуирование юридических понятий позволяет конструировать нормы права, привязывая правовые последствия непосредственно к признакам. Соответственно, при динамике определенных признаков реальных объектов всегда будет находиться их место в системе координат, в которой предполагается учет разных степеней интенсивности таких признаков. Другими словами, каждому набору реальных признаков объекта будет соответствовать определенный комплекс правовых последствий. Представленный подход упрощает и делает более точным процесс правоприменения, поскольку вместо определения соответствия того или иного объекта прототипу правоприменитель будет оценивать применение правовых последствий совокупности определенных признаков в системе координат.

Список источников

1. Корнев В. Н. Прагматика языка права // Правосудие. 2023. Т. 5, № 4. С. 8–17. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.8-17.
2. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции : моногр. М. : Норма : Инфра-М, 2025. 320 с.
3. Харт Г. А. А. Понятие права : пер. с англ. / под общ. ред. Е. В. Афонаси-на, С. В. Моисеева. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 302 с.

4. Бикс Б. Право, язык и правовая определенность / пер. с англ. В. В. Оглезнева, В. А. Суровцева. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2024. 304 с.
5. Оглезнев В. В. Проблема определения правовых понятий с «открытой текстурой» // Правосудие. 2020. Т. 2, № 1. С. 150–161. DOI: 10.37399/issn2686-9241.2020.1.150-161.
6. Ершов В. В. Регулирование правоотношений : моногр. М. : РГУП, 2020. 563 с.
7. Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 3 : Проблемы теории права : курс лекций. М. : Статут, 2010. 781 с.
8. Кирпичев А. Е. Осложнение экономического спора участием публично-правового образования // Роль суда в регулировании экономической деятельности : сб. ст. Ч. 1 / сост. Н. В. Бузова и др. М. : РУСАЙНС, 2024. 316 с.
9. Кирпичев А. Е. Эволюция понятия потребителя в зарубежном праве и вызовы платформенной экономики для российской правовой системы // Защита прав потребителей как вектор государственного регулирования предпринимательской деятельности : сб. ст. / сост. А. В. Ефимов, В. В. Шелудяев. М. : РУСАЙНС, 2024. 96 с.
10. Zadeh L. A. Fuzzy sets // Information and Control. 1965. No. 8. P. 338–353.
11. Башкирцева О. А. К вопросу о градуированных категориях // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2017. Т. 1, № 2. С. 72–79.
12. Сепир Э. Градуирование: семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI : Лингвистическая прагматика / общ. ред. Е. В. Падучевой. М. : Прогресс, 1985. С. 43–78.
13. Оглезнев В. В. Проблемы определения кластерных понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 51. С. 70–78. DOI: 10.17223/1998863X/51/7.
14. Абдильдин Ж. М. Принципы систематизации категорий диалектической логики // Диалектическая логика: Общие проблемы. Категории сферы непосредственного. Т. 1 / под общ. ред. Ж. М. Абдильдина. Алма-Ата : Наука, 1986. 400 с.
15. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Пг. : Юрид. кн. скл. «Право», 1917. 328 с.
16. Власенко Н. А. Язык права : моногр. Репр. изд. М. : Норма : Инфра-М., 2024. 176 с.
17. Кулаков В. В. О некоторых актуальных вопросах правового регулирования арендных отношений // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Право. 2015. № 2. С. 37–47.
18. Курбатов А. Я. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения : моногр. М. : Юстицинформ, 2022. 244 с.
19. Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений : моногр. Репр. изд. М. : Норма : Инфра-М, 2023. 288 с.
20. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности : моногр. М. : РАП, 2008. 324 с.
21. Липинский Д. А., Мусаткина А. А. Юридическая ответственность, санкции и меры защиты : моногр. М. : РИОР : Инфра-М, 2021. 139 с.

22. Юртаева Е. А. Определения понятий в актах российского законодательства: pro et contra // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17, № 3. С. 4–31. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.3.4.31.
23. Апт Л. Ф. О системной связи определений понятий российского законодательства // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 111–115.
24. Цвайгерт К., Кетц Х. Сравнительное частное право : в 2 т. : пер. с нем. Т. 1. М. : Междунар. отнош., 2021. 728 с.

References

1. Kornev, V. N. Pragmatics of the language of law. *Pravosudie/Justice*. 2023;5(4):8-17. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.8-17.
2. Cherdantsev, A. F. *Logical and linguistic phenomena in jurisprudence*. Monograph. Moscow: Norma; Infra-M; 2025. 320 p. (In Russ.)
3. Hart, G. L. A. *The concept of law*. Transl. from Engl. Eds. E. V. Afonasin, S. V. Moiseev. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University; 2007. 302 p. (In Russ.)
4. Bix, B. *Law, language and legal certainty*. Transl. from Engl. by V. V. Ogleznev, V. A. Surovtsev. Moscow: Canon+ ROOI “Reabilitatsiya”; 2024. 304 p. (In Russ.)
5. Ogleznev, V. V. The problem of defining legal concepts with “open texture”. *Pravosudie/Justice*. 2020;2(1):150-161. (In Russ.) DOI: 10.37399/issn2686-9241.2020.1.150-161.
6. Ershov, V. V. *Regulation of legal relations*. Monograph. Moscow: Russian State University of Justice; 2020. 563 p. (In Russ.)
7. Alekseev, S. S. *Collected works*. In 10 vols. Vol. 3: Problems of the theory of law. A course of lectures. Moscow: Statut; 2010. 781 p. (In Russ.)
8. Kirpichev, A. E. Influence of public entity’s involvement on the economic dispute. In: N. V. Buzova, et al., comp. *The role of the court in regulating economic activity*. Collection of articles. Pt. 1. Moscow: RUSAJNS; 2024. 316 p. (In Russ.)
9. Kirpichev, A. E. Evolution of the concept of consumer in foreign law and challenges of the platform economy for the Russian legal system. In: A. V. Efimov, V. V. Sheludyaev, comp. *Consumer protection as a vector of state regulation of entrepreneurial activity*. Collection of articles. Moscow: RUSAJNS; 2024. 96 p. (In Russ.)
10. Zadeh, L. A. Fuzzy sets. *Information and Control*. 1965;(8):338-353.
11. Bashkirtseva, O. A. On the issue of graded categories. *Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev*. 2017;1(2):72-79. (In Russ.)
12. Sepir, E. Gradation: a semantic study. In: E. V. Paducheva, ed. *New in foreign linguistics*. Issue XVI: Linguistic pragmatics. Moscow: Progress; 1985. Pp. 43–78. (In Russ.)
13. Ogleznev, V. V. Problems of defining cluster concepts. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2019;(51):70-78. (In Russ.) DOI: 10.17223/1998863X/51/7.

14. Abdildin, Zh. M. Principles of systematization of categories of dialectical logic. In: Zh. M. Abdildin, ed. *Dialectical logic: Common problems. Categories of the sphere of the immediate*. Vol. 1. Alma Ata: Nauka; 1986. 400 p. (In Russ.)
15. Pokrovsky, I. A. *The main problems of civil law*. Petrograd: Legal book warehouse "Pravo"; 1917. 328 p. (In Russ.)
16. Vlasenko, N. A. *The language of law*. Monograph. Repr. ed. Moscow: Norma; Infra-M; 2024. 176 p. (In Russ.)
17. Kulakov, V. V. On some topical issues of the legal regulation of rental relations. *The Herald of Tver State University. Series: Law*. 2015;(2):37-47. (In Russ.)
18. Kurbatov, A. Ya. *Business law: problems of theory and law enforcement*. Monograph. Moscow: Yustitsinform; 2022. 244 p. (In Russ.)
19. Kudryavtsev, V. N. *The causes of offenses*. Monograph. Repr. ed. Moscow: Norma; Infra-M; 2023. 288 p. (In Russ.)
20. Vitruk, N. V. *General theory of legal responsibility*. Monograph. Moscow: Russian Academy of Justice; 2008. 324 p. (In Russ.)
21. Lipinsky, D. A., Musatkina, A. A. *Legal responsibility, sanctions and protection measures*. Monograph. Moscow: RIOR; Infra-M; 2021. 139 p. (In Russ.)
22. Yurtaeva, E. A. Definitions of concepts in the acts of the Russian legislation: pro et contra. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2024;17(3):4-31. (In Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2024.3.4.31.
23. Apt, L. F. On the systemic connection of definitions of concepts of Russian legislation. *Yuridicheskaya tekhnika* = Legal Technology. 2007;(1):111-115. (In Russ.)
24. Zweigert, K., Kötz, H. *Comparative private law*. In 2 vols. Transl. from Germ. Vol. 1. Moscow: International Relations; 2021. 728 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Ефимов Анатолий Викторович, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Anatolij V. Efimov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor at the Entrepreneurial and Corporate Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 25.06.2025; одобрена после рецензирования 02.07.2025; принята к публикации 24.11.2025.

The article was submitted 25.06.2025; approved after reviewing 02.07.2025; accepted for publication 24.11.2025.

Научная статья

УДК 342.3

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.37-63

О политической (государственной) терминологии средневековой Руси (XI–XVI вв.) и ее генетической связи с Византией (X–XV вв.)

**Наталья Михайловна Золотухина¹,
Татьяна Валентиновна Власова²,
Сергей Александрович Колунтаев³**

^{1, 2, 3} Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

¹ nzolotuhina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0714-4800>

² t_vlasova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7371-9719>

³ sa@koluntaev.ru

Аннотация

Введение. Вопросы, касающиеся возникновения и эволюции средневековой государственно-правовой терминологии в России, давно интересуют не только историков-юристов, но и других ученых гуманитарного профиля. До сегодняшнего дня не выработано единого подхода к определению семантики терминов этой группы, а также ее изменениям в процессе эволюционного развития. В числе прочего наиболее острые дискуссии в России и за рубежом вызывает вопрос о форме правления, существовавшей в течение всего Средневековья как в русском государстве, так и в Византии. Серьезные разногласия сохраняются между учеными различных отраслей гуманитарной науки и в определении других элементов формы государства – формы государственного устройства и государственного режима.

Теоретические основы. Методы. В статье в соотношении с византийскими источниками рассматриваются средневековые памятники истории политико-правовой мысли Руси и употребляемая в них терминология. Для получения научного результата используются общие логические приемы, сравнительно-исторический, системный, догматический и герменевтический методы исследования.

Результаты исследования. Авторами критически анализируются основополагающие понятия, применяемые в произведениях средневековых мыслителей Руси и Византии, и акцентируется внимание на необходимости правильного определения их существенных признаков.

Обсуждение и заключение. Применение к Средневековью современного понятийно-категориального аппарата недопустимо без соответствующей аргументации. Анализ формы государства, относящейся к далекому прошлому, с использованием достижений и инструментария современной науки теории государства и права и учетом терминологических особенностей понятийного аппарата средневековых мыслителей и законодателей позволяет достичь наиболее адекватного представления об организации государственной власти.

Ключевые слова: понятийно-категориальный аппарат, Средневековье, форма государства, форма правления, вече, самодержавие, автократия, теократия, тирания, деспотия

Для цитирования: Золотухина Н. М., Власова Т. В., Колунтаев С. А. О политической (государственной) терминологии средневековой Руси (XI–XVI вв.) и ее генетической связи с Византией (X–XV вв.) // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 4. С. 37–63. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.37-63.

Original article

About the Political (State) Terminology of Medieval Russia (XI–XVI Centuries) and its Genetic Connection with Byzantium (X–XV Centuries)

**Natalia M. Zolotukhina¹, Tatiana V. Vlasova²,
Sergey A. Koluntaev³**

^{1, 2, 3} *Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation*

¹ *nzolotuhina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0714-4800>*

² *t_vlasova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7371-9719>*

³ *sa@koluntaev.ru*

Abstract

Introduction. Questions concerning the emergence and evolution of medieval state-legal terminology in Russia have long been of interest not only to legal historians, but also to other humanitarian scholars. To date, no unified approach has been developed to define the semantics of the terms of this group, as well as its changes in the process of evolutionary development. Among other things, the most acute discussions in Russia and abroad are about the form of government that existed throughout the Middle Ages in both the Russian state and Byzantium. Serious disagreements persist between scientists from various branches of the humanities and in the definitions of other elements of the form of the state – the form of the state structure and the state regime.

Theoretical Basis. Methods. The article examines medieval monuments of the history of political and legal thought of Russia and the terminology used in them in relation to Byzantine sources. To obtain a scientific result, general logical techniques, comparative historical, systematic, dogmatic and hermeneutic research methods are used.

Results. The authors critically analyze the fundamental concepts used in the works of medieval thinkers of Russia and Byzantium, and emphasize the need for a correct definition of their essential features.

Discussion and Conclusion. The application of the modern conceptual and categorical apparatus to the Middle Ages is unacceptable without appropriate argumentation. If, when analyzing the form of the state dating back to the distant past, we use the achievements and tools of modern science, the theory of state and law, while taking into account the terminological features of the conceptual apparatus of medieval thinkers and legislators, it is possible to achieve the most adequate understanding of the organization of state power.

Keywords: conceptual and categorical apparatus, the Middle Ages, the form of the state, the form of government, the veche, absolute monarchy, autocracy, theocracy, tyranny, despotism

For citation: Zolotukhina, N. M., Vlasova, T. V., Koluntaev, S. A. About the political (state) terminology of medieval Russia (XI–XVI centuries) and its genetic connection with Byzantium (X–XV centuries). *Pravosudie/Justice*. 2025;7(4):37–63. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.37–63.

Введение

Без выяснения семантики и этимологии основных политико-правовых терминов в понятийном аппарате средневековых мыслителей с учетом эволюционных изменений, произошедших в их содержании за длительный исторический период, невозможно адекватно определить форму государства, а также содержание политических и правовых учений на различных этапах развития государственности в течение Средних веков как в России, так и в Византии. В настоящее время не выработано единого подхода к определению значений терминов этой группы, а также их изменениям в процессе эволюционного развития. Такая ситуация привела к существенным различиям в толковании основополагающих понятий, употребляемых в произведениях средневековых мыслителей, писателей и публицистов, а следовательно, и сущностной оценке их политико-правовых взглядов. В государствоведении это касается таких терминов, как самодержавие, единодержавие, единовластие, самовластие, самоволие, автократия и абсолютизм, а также теократия, теология, тирания, деспотия, и всех производных от них словообразований. В правоведении – терминов обычай, закон, правда, право, истина, справедливость и благодать. Эти группы терминов относятся к разным, но взаимосвязанным общественным явлениям – государству и праву. В данной статье речь пойдет о терминах, используемых в государствоведении.

Для разрешения проблемы в целом, как и ее отдельных частей, необходим анализ исторических и социально-политических условий, существовавших в обеих странах – Руси и Византии – в период Средневековья, а также уровня их общекультурного развития.

Теоретические основы. Методы

И. С. Чичуров в начале 90-х гг. XX в. вполне справедливо утверждал, что, учитывая тесные взаимоотношения Руси и Византии, необходимо сопоставление их средневековой политико-правовой идеологии, остающееся «нерешенной исследовательской задачей» [1, с. 17]. Он предложил при осмыслении отечественной средневековой политической мысли применять сравнительно-исторический метод, предоставляющий возможность оценки идейного содержания изучаемых произведений не только «изнутри», но и в контексте политических идей близких ему сочинений, принадлежащих «...одной и той же исторической эпохе, относящихся к одной и той же культурно-исторической традиции, касающихся и одной и той же темы, вызванных к жизни сходными конкретно-историческими ситуациями», поскольку без такого сопоставления изучение поставленных проблем будет неполным и неадекватным [1, с. 5].

Мы воспользовались сравнительно-историческим, системным, догматическим и герменевтическим методами исследования, а также общими логическими приемами при анализе политико-правовой терминологии, получившей наиболее пол-

ное выражение в произведениях русских и византийских средневековых писателей, историков и хронографов как светского, так и духовного профиля.

Результаты исследования

При изучении средневековой политико-правовой теории, равно как и законодательства и процесса правоприменения, следует учитывать, что российское Средневековье знает два периода своего государственно-правового развития: ранний – домонгольский (условно называемый Киевским (X – середина XIII в.) и поздний – Московский (середина XIII – XVI в. включительно) при значительных отличиях формы государства в каждом из ее элементов. В Византийской империи элементы формы государства, если их рассматривать в греческом варианте, в основном сохранялись в традиционном виде весь период ее существования (IV–XV вв.).

В историографии русского Средневековья именно форма правления в первом (домонгольском) периоде и ее последующая эволюция в Московском государстве вызывает наибольшее количество споров в современной исторической, философской и историко-юридической литературе. Причем пограничные зоны в называемых учеными ее вариантах дистанцируются от раннефеодальной монархии до демократической республики.

В большинстве дореволюционных исследований формой правления в Киевской Руси называлась монархия. В советский период С. В. Юшков, выделив ряд характерных черт, предложил уточнить ее в виде формулы «раннефеодальная монархия» [2, с. 14]. В настоящее время этот подход тиражируется как в большинстве учебников по «Истории государства и права России» и «Истории политических и правовых учений России», так и во многих трудах ученых, с выделением двух аристократических (феодальных) республик Новгорода и Пскова. Вопрос о необходимости раскрытия этой формулы (раннефеодальная монархия) ставился во время исторической дискуссии 1968–1971 гг., предпринятой Институтом истории АН СССР, проводимой на страницах журнала «История СССР», однако не обсуждался ни в процессе данной дискуссии, ни в дальнейших исторических и историко-правовых исследованиях.

А. А. Горский отмечает, что «одной из самых ожесточенных дискуссий в исторической науке» является вопрос о том, в каком виде был феодализм в России и был ли он в ней вообще, или историки Нового и Новейшего времени воспользовались разработанной во французской историографии XVIII в. «классической моделью» феодализма как «вассально-ленной системы» и «приложили ее к русской истории» [3, с. 65]. В настоящее время у исследователей появились сомнения в достоверности такого определения применительно к организации верховной власти в указанный период, чему способствовали новые открытия, введение в научный оборот ранее неизвестных источников, критическое осмысление устаревших «моделей» в современной исторической и историко-правовой науках, а также предпринятое издательством «Языки славянской культуры» новое широкомасштабное издание Полного собрания русских летописей для научной общественности и читателей, интересующихся историей России, что позволит более глубоко проникнуть в социально-политические отношения в раннем Средневековье.

Рассматривая этот вопрос, прежде всего следует отметить, что приобретение княжеской власти совершалось двумя способами: по наследованию и по избранию. Причем как на Руси, так и в Византии этот факт не имел законодательного

оформления. В России «...с половины XII в. такое мирное совпадение двух начал преємства нарушается во всех землях... фактически берет перевес начало избрания» [4, с. 58], что неизбежно влечет за собой и возможность изгнания избранного князя, если он не соответствует условиям заключенного с ним на вече договора (ряда) и не находится в «одиначестве» с избравшим его народом.

В настоящее время благодаря привлечению более широкого круга источников были получены очевидные доказательства, свидетельствующие, как пишет П. В. Лукин, о политическом значении вече как собрания жителей городов, в котором принимали участие представители разных слоев населения, о его самостоятельной роли, начиная с XII в., в жизни целого ряда древнерусских земель [5, с. 145–147], что позволяет, наряду с другими фактами, говорить о наличии признаков республики в организации и осуществлении государственной власти в период существования Древнерусского государства.

Как нам представляется, если при анализе формы государства, относящейся к далекому прошлому (в нашем случае к Средним векам), пользоваться достижениями и инструментарием современной науки теории государства и права, различая при этом все элементы, входящие в состав понятия *форма государства*, а именно форму правления, форму государственного устройства и государственный режим, не путать их, совмещая одно с другим, не подменять (наиболее частый вариант совмещения: форма правления с государственным режимом), не сравнивать, например, республику с демократией, то, пользуясь всеми этими понятиями и их определениями, учитывая при этом терминологические особенности понятийного аппарата средневековых мыслителей и законодателей, возможно достичь наиболее адекватного представления об организации государственной власти в тот или иной исторический период.

В. Е. Вальденберг, исследовавший древнерусские политико-правовые учения о пределах царской власти «от Владимира Святого до конца XVII века», пришел к выводу, что в них «на понятие неограниченности [верховой власти] нет и намека» [6, с. 13–14]. Великий князь в домонгольский период был ограничен дружинным советом, с одной стороны, и вечем – с другой. Впоследствии власть князя, а затем и царя в Московском государстве ограничивалась Боярской думой, а с середины XVI и до середины XVII в. – Земским собором как сословно-представительным органом. В. Е. Вальденберг попытался выяснить причину, по которой в исследовательской литературе сложилось и поддерживается длительное время почти общее мнение о том, что власть князя, а затем и царя в течение всего Средневековья в России была неограниченной, более того – абсолютной. В процессе предпринятого исследования он установил, что такое представление о форме правления начиная с X в. и включительно по первую половину XVII в. соответствует современному, а не историческому прочтению и употреблению термина «самодержавие», как и обозначаемого им понятия. Ученый обнаружил, что «отождествление самодержавия с неограниченностью, которое систематически проводил Карамзин, принималось всеми последующими историками вплоть до появления в 1882 г. книги В. Ключевского “Боярская дума”, где этому отождествлению нанесен был решительный удар» [6, с. 14; 7, с. 201].

В. О. Ключевский выступил против применения термина «самодержавие» в значении «абсолютная монархия» ко всему российскому Средневековью. В «Курсе русской истории» ученый вполне определенно высказался об историческом значении термина «самодержавие»: «Древняя Русь не знала такого взгляда, не соединяла с идеей самодержавия внутренних и политических от-

ношений, считая самодержцем только властителя, независимого от внешней силы» [8, с. 157].

В. Е. Вальденберг, подводя итог значению смыслового понятия термина «самодержавие», согласился с В. О. Ключевским в подходе к анализу политических терминов, подтвердив его вывод о том, что эти термины «...имеют свою историю, и мы неизбежно впадем в анахронизм, если, встречая их в памятниках отдаленного времени, будем понимать их в современном нам смысле» [6, с. 15; 7, с. 199]. Анализом «древнерусских учений о пределах царской власти» он убедительно подтвердил вывод В. О. Ключевского о том, что с самодержавием [средневековое] общество соединяло мысль о внешней независимости страны [6, с. 14–15].

О. И. Чистяков также считал ошибочным утверждение о том, что «с Ивана III в России устанавливается самодержавие». По его мнению, «это верно в том смысле, что Иван III, завершивший освобождение Руси от татар, “сам держал” свой княжеский стол, независимо от Орды. Однако говорить о самодержавии в полном смысле слова, т. е. о неограниченной монархии в XV и даже XVI в., еще не приходится. Власть монарха была ограничена другими органами раннефеодального государства, прежде всего Боярской думой» [9, с. 88].

Е. В. Климов, изучавший титулатуру правителей Древней Руси, установил: «В начальный период существования государства для общества и правителя титульная иерархия не имела особого значения». Титул «великий» впервые появляется в русско-византийском договоре 944 г.: «...к царскому титулу византийского правителя добавили приставку “великий”, такую же, как и в титуле князя Игоря: “...великий князь Руский и бояре его да посылають на то въ Греки к великим царемъ Грецким...”. Договаривающиеся стороны здесь равны, несмотря на разные титулы» [10, с. 153–154]. В этот период в летописях употребляются такие титулы, как: князь, великий князь, царь, каган – практически в одинаковом смысловом значении¹. Е. В. Климов пришел к вполне обоснованному выводу о том, что «...в домонгольский период для русского общества в целом, и для правящей элиты в частности, четкой иерархии титулов не существовало. Все титулы – “император”, “царь”, “хакан”, “король”, “князь” – были равны» [10, с. 157]. Термин «самодержец» непосредственно в титулатуру правителей того времени не включался. Но иногда он появлялся, в основном для обозначения самостоятельности и суверенности того или иного князя или защиты им независимости своего княжества.

Та же ситуация сохраняется и в позднем Средневековье. Например, в «Повести о Темир Аксаке» (Тимуре) великий князь Василий I Дмитриевич назван *самодержцем* в связи с тем, что он не допустил осуществления злого замысла Темир Аксака русскую землю полонить «подобно новому Батыю». Василий I собрал большое войско, с которым двинулся к Ельцу, приказав всем «наместникам своим и властям, и воеводам градским усилить укрепления и собрать всех воинов» [11, с. 235–236]. Кроме того, по совместному с митрополитом Ки-

¹ Иларион в «Слове о Законе и Благодати» называет князя Владимира I «каганом»: «...кагана нашей земли Володимира, внука старого Игоря...». В. Я. Дерягин переводит: «...великого государя нашей земли...» (Иларион. Слово о Законе и Благодати. М. : Столица : Скрипторий, 1994. С. 72–73). В данном случае эти титулы равнозначны, хотя в летописи «великий государь» появляется позднее. В другом случае В. Я. Дерягин оставляет слово «каган» без перевода.

прианом решению из Владимира доставили икону Владимирской Божьей матери, которую по прибытии в Москву весь народ молил о спасении Москвы от нашествия поганого Темир Аксака и избавлении [русского народа] от пленения врагами, от огня, и меча, и внезапной смерти [11, с. 237–238]. Когда же большое русское войско под командованием Василия I вышло навстречу Темир Аксаку, расположившемуся под Ельцом, то могущественный Темир Аксак, увидев наше великое войско, «убоялся» и отказался «воевать Русскую землю». В результате «...город наш Москва цел и невредим остался, а Темир Аксак – царь возвратился назад и ушел в свою землю» [11, с. 239]. Таким образом, великий князь Московский Василий I своими усилиями и по милости Богородицы спас страну от нашествия страшного железного хромца – Тимурленга.

Великий Московский князь Василий II в длительной кровопролитной междоусобной тридцатилетней войне победил своих соперников – претендентов на Московский престол (князей Дмитрия Шемяку, Василия Косого и Дмитрия Красного), в связи с чем летописец назвал его «Богомъ вразумляемым великодръжавнымъ Василием Васильевичем, въ благочестии цветущим царем всея Руси»², имея в виду распространение его власти на все входящие в состав Руси (на тот момент) земли.

Московский великий князь Иван III благодаря продуманному стратегическому плану добился полной победы над ханом Ахматом (без сражения) во время великого противостояния русского и ордынского войск по обоим берегам р. Угры (1480 г.), освободив Россию от зависимости от Орды; он же проявил недюжинные таланты и блестящий ум, сумев «...всего за два с небольшим десятка лет, 60–80 гг. в XV веке, превратить великое княжество Московское... в Русское государство, князья [которого] становятся государями всея Руси» [12, с. 121]. В это время летописец начинает употреблять термин «самодержец» применительно к великому князю, но не «довольно систематически», как полагает Е. Г. Рабинович [13, с. 705], а в единичных случаях, когда считает необходимым подчеркнуть, самостоятельность и независимость власти великого князя, показав, что он является суверенным правителем всей подвластной ему территории. Во всех остальных случаях летописец систематически называл его просто великим князем³.

Сына Ивана III – Василия III летописцы тоже постоянно называли «великим князем всея Руси» или просто «великим князем»⁴. Но когда Василий III отвоевал у Литвы «искони русскую землю... свою отчину и дедину» и вошел «съ своею братьею, и зъ бояры, и съ всеми въеводы и съ розными чины съ великою славою въ град Смоленск» и был встречен всеми смолянами во главе с епископом смоленским Варсонофием, тот, обратившись к нему с приветственным словом,

² Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). СПб. : Археогр. комис., 1859. Т. VIII. С. 109.

³ ПСРЛ. Т. VIII. С. 175, 178, 179, 182–183, 185, 200, 204 и др.; иногда делается прибавка: «господине государь великий князь». С. 187–188. Однако ни в переговорах с Казанью, ни при разрешении «брани в Кирилове монастыре... меж митрополитомъ Геронтиемъ и Вассианомъ архиепископомъ Ростовскимъ о Кирилове монастыре» летописец называет Ивана III не «самодержцем», а только «великим князем».

⁴ ПСРЛ. Т. VIII. С. 245, 246, 247, 249 и т. д. Причем титулатура не менялась и при сообщениях о переговорах с иностранными послами (см., например, с. 249–250: переговоры великого князя Василия Ивановича с королем Литовским Жигмонтом).

сказал: «Божией милостию радуйся и здравствуй, преславный царю Василей, великий князь, вся Руси самодержец, на своей отчине и дедине града Смоленска на многая лета»⁵. В данном случае главное внимание летописца было сосредоточено на отвоевании Василием III у Литвы и присоединении к России издревле принадлежащих ей смоленских земель с городом Смоленском. Нет никаких оснований считать, что он называет термином «самодержец» единоличное всевластие великого князя.

Необходимо также учитывать и тот факт, что великие московские князья в XV–XVI вв. полным всевластием не обладали (как и их предшественники в Древней Руси⁶). При Иване III все серьезные решения в стране, в том числе введение новых законов, принимались по обычаю всей общей думой с утверждения государя: «По государева и великого князя указу и по боярскому приговору» [14, с. 13]. В Судебнике 1550 г. этот обычай был возведен в закон, которым Думе официально присваивались законодательные полномочия: «А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева доклада и со всех боар приговору вершается, и те дела в сем Судебнике приписывати»⁷.

Великий князь Иван IV Васильевич, официально принявший титул царя в 1547 г., первым стал развивать мысль о самодержавии как о полной независимости царской власти не только от «советников», но и вообще свободной во всех своих действиях. Однако «на деле царь Иван не был государем, каким хотел вообразить себе самодержца» [15, с. 20–21]. К тому же в то время «воззрения на власть государя как на власть абсолютную не сложилось еще в Московском государстве» [15, с. 21–22]. В стране существовала Боярская дума с совещательными и законодательными полномочиями, а с середины XVI в. начали собираться Земские соборы, на которых разрешались все важнейшие для страны социальные, экономические, политические и международные проблемы. Первым стал Земский собор 1549 г., за которым последовала череда других, более расширенных представительных соборов, обусловивших становление в России сословно-представительной монархии как формы правления, просуществовавшей целое столетие [16, с. 14–88; 17, с. 55–91].

Однако в отношении термина «самодержавие» есть и другие соображения, препятствующие его пониманию в значении сосредоточения всевластия в руках правителя. Для более полного обоснования необходимо выяснить несколько вопросов: как и когда появилось слово «самодержавие» в русском языке, каковы его морфологический состав и этимология?

Р. Г. Скрынников утверждает, что слово «самодержец» является дословным (калькированным) переводом греческого слова «автократор», пришедшего на Русь из Византии, став основным переводом слова «самовластец» [18, с. 79].

⁵ ПСРА. Т. VIII. С. 255–256.

⁶ Великий Киевский князь, как и князья земель, зависел в принятии решений и своей деятельности от совета, в который входили наряду со старшей дружиной еще и «старцы градские», и, безусловно, от решения веча, с которым, чтобы удержаться у власти, князю необходимо было быть в «одиначестве».

⁷ Судебник 1550 г. // Судебники XV–XVI веков / подгот. текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина; коммент. А. И. Копанева, Б. А. Романова, Л. В. Черепнина; под общ. ред. Б. Д. Грекова. М.; Л.: АН СССР, 1952. С. 176.

Начнем свои возражения против такого перевода, во-первых, с синонимического употребления слов «самодержец» и «самовластец». Как видно из материалов, собранных И. И. Срезневским, свобода воли есть величайший дар Всевышнего человеку, воспринявшему учение Иисуса Христа и следующему Его Заветам в своем поведении. Дар этот сопровождался возложением на него ответственности за все свои действия. Если он будет употреблять свою свободную волю, «двигаясь к добру» и совершая «доброделания», то «Бог, да введет его в рай»⁸, если же он не будет творить «доброделания» или еще хуже – станет стремиться «ко злу», то Божественный дар с него «свлекается» и он за свое «злодеяние» понесет ответственность перед Богом (по смерти на Страшном суде) и людьми – на земле, т. е. перед гражданскими властями. От свободы воли христианское учение отличает отсутствие «самовольства» (произвола), определяемого как «корень грехов нам самовольство есть»⁹.

Во-вторых, нам представляется, что слова «самодержец» и «самодержавие» вообще **не византийского, а древнеславянского происхождения**, так как каждое из них состоит из двух слов: самъ и държу, с прибавлением суффикса ава – самодержавие (стар. самодържъство). По своему смысловому содержанию и морфологическому составу они восходят, скорее всего, к старославянским языкам: славянскому – дрѣжава, русск. и укр. – держáва, «государство», белор. – дзяржа́ва, болг. – държа́ва – «государство», сербохорв. – др̀жава, словенск. – držáva, словацк. – dŕžava, чешск. – država, польск. – dzierżawa¹⁰.

К вышеприведенным возражениям против перевода слова «автократор» как самодержец следует добавить еще одно: первое слово – авто, переведенное с греческого как сам, воспринимается при таком переводе без учета его сложной семантической эволюции, ибо, как убедительно доказал филолог М. Н. Саенко, «...первоначальным значением слова “sam” в греческом языке было – “тот же”, а “сам” в значении – “один” (alone) появилось позже». В качестве примера М. Н. Саенко привел греческий текст Илиады XII: 225: «οὐ κόσμῳ παρὰ ναῦφιν ἐλευσόμεθ' αὐτὰ κέλευθα» («но от судов не в устройстве мы тем же путем возвратимся» (выделено М. Н. Саенко) [19, с. 86–87, 90]¹¹. Второе слово crato означает власть, а не государство, поскольку государство у древних греков называлось Πολιτεία (Платон), а не crato.

К семантическим изысканиям М. Н. Саенко добавим мнение И. И. Срезневского относительно первоначального значения слова «само» в древнерусском языке: само-семо – сюда; само и онамо – туда и сюда, во все стороны; само и

⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1903. Т. III. Стб. 247.

⁹ Там же. Стб. 248.

¹⁰ Интернет-словарь Макса Фасмера в русском переводе. Т. 4. 1964–1970. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/vasmer/38985/%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B0%D0%B2%D0%B0> (дата обращения: 20.12.2024).

¹¹ М. Н. Саенко в своем семантическом исследовании пришел к выводу «согласно которому *sems изначально выступало в роли числительного`unis`, а *HoiHs было местоимением`solus`. Попытки приписать им значение вроде`one-alone` и`one-together` необоснованны и базируются на неполном учете данных словообразования. Исконная семантика этих лексем сохранилась в старославянском, французском и греческом языках.

само – туда и сюда; само – очень «тобѣ здѣсе не само много быти, а того дѣла тобѣ вскорѣ не лзѣ управити»; самовидец – очевидец, свидетель¹². Варианты «сам» в значении – «один» (alone) [19, с. 89] относительно греческого языка отсутствуют и у И. И. Срезневского в древнерусском языке, на что он также обратил внимание.

Однако все эти соображения не учитываются многими современными исследователями, принимающими только положение о том, что термин «самодержавие» в качестве калькированного перевода византийского слова «автократор» всегда употреблялся на Руси и в Византии в значении всевластия, т. е. абсолютной власти Правителя; к тому же с восприятием его еще и как фактора формирования монархического сознания, якобы издавна присущего русскому народу [20, с. 5, 10; 21, с. 15]. Даже известные историки В. Б. Кобрин и А. А. Юрганов назвали свою статью «Становление *деспотического самодержавия* в средневековой Руси» (курсив наш. – Авт.), заявив, что в заглавии они обозначили историческую проблему, находящуюся «сегодня в центре внимания научных споров» [22, с. 54]. Истоки «деспотического самодержавия» авторы статьи обнаруживают в раннем Средневековье и, проведя их через века, констатируют их полную реализацию при Иване IV Грозном [22]¹³. В статье отсутствуют какие-либо оговорки об исторической и современной этимологии термина «самодержавие» и обозначаемого им понятия. Формулу «деспотическое самодержавие» авторы вообще не раскрывают, в том числе не указав, что входящее в ее состав слово «деспот» в раннее Средневековье имело совершенно другое смысловое значение: «...первоначально со времен Юстиниана I (482–565; император 527–565), один из титулов византийского императора, затем, с 60-х гг. XII в., второй титул в империи между автократором и севастократором. Титул деспота получали сыновья и зятья императоров, цари Болгарии, короли Венгрии и Сербии...»¹⁴ (курсив наш. – Авт.). Только в Новое время слово «деспот» приобретает другую этимологию, начав употребляться в качестве синонима слову «тиран». Так что остается непонятным, как понимается в вышеуказанной статье формула «деспотическое самодержавие», к каким историческим этапам в государственном строительстве России допустимо ее применение и возможно ли вообще такое словосочетание.

Термин «**тиран**» в Древней Греции, Риме и Византии воспринимался и, соответственно, применялся неоднозначно. В Византии тиранами в большей степени называли лиц, незаконно узурпировавших верховную власть, в от-

¹² См.: Срезневский И. И. Указ. соч. Стб. 245.

¹³ Такие работы не единичны. Например, Н. Ш. Коллманн утверждает, что идея самодержавия «доминирует в большинстве современных интерпретаций» Московской Руси (примеры таких «интерпретаций» не приводятся), самодержцы в лице московских правителей появились с конца XV и в XVI в., а «принятие Петром I европейской риторики абсолютизма на рубеже XVIII в. и последующий культ Петра обеспечивали сохранение темы *могущественного самодержавия* (где и кем разрабатывалась такая тема, кроме царя Ивана Грозного, не указывается...) и рабского общества на протяжении всего этого столетия» (курсив наш. – Авт.). В качестве подтверждения данного тезиса приводится обширная ссылка на иностранные работы 70–90-х XX столетия [23, с. 278, 280 и сноска № 19 на с. 280–281].

¹⁴ Византийский словарь (далее – ВС) : в 2 т. / сост., общ. ред. К. А. Филатова. СПб. : Амфора : РХГА : Изд-во Олега Абышко, 2011. Т. 2. С. 285.

личие от добровольно избранных или получивших ее по наследованию претендентов. В XI–XII веках «тираническим» называлось любое правление, полученное путем незаконного захвата власти: посредством мятежа, обмана, заговора и убийства, а человек, незаконно захвативший власть, именовался тираном независимо от того, какими методами и способами он эту власть реализовывал¹⁵.

Но иногда все-таки слово «тиран» в нашем современном значении характеризовало жестокое и незаконное управление людьми властвующим лицом. В этом случае речь шла скорее о государственном режиме, нежели форме правления, поскольку тираном в этом смысле мог оказаться правитель, находящийся во главе как республики, так и монархии. В Новое время слова «деспот» и «тиран» стали употреблять в качестве синонимов со значением бесчеловечного, злодейского, авторитарного, насильственного властвования. Поэтому при исследовании необходимо выяснять, в каком значении использовался термин «тиран» применительно к тем или иным историческим условиям.

Выше мы показали, что никакого самодержавия в современном значении этого слова (абсолютная верховная власть) не было в России как в раннее, так и позднее Средневековье. Тем более не было его и в Византии. Слово «самодержавие» вообще неизвестно византийской литературе, оно появилось в произведениях византийских мыслителей, писателей и публицистов исключительно благодаря переводу с греческого на русский язык терминов «автократор» как «самодержец», «автократия», соответственно, как «самодержавие», а все василевсы стали именоваться «самодержцами»¹⁶. Между тем термин «автократор»

¹⁵ Так, известная нам из школьных учебников и исторических монографий Нового и Новейшего времени «тирания Писистрата» по представлениям его современников таковой вовсе не являлась. Аристотель называет Писистрата «наиболее рьяным приверженцем демократии» (VI. 14). Поскольку Писистрат трижды незаконно захватывал власть в Афинах, то воспринимался как тиран. Однако, завадев верховной властью, он не менял ее существующей организации, действующих законов, не лишал никого прежних должностей и имущества. По мнению древних историков, Писистрат управлял Афинами [особенно в третий, наиболее длительный период нахождения его у власти (546–527 гг. до н. э.)], сохраняя как иерархию чинов в центре и на местах, так и все республиканские политические институты и учреждения. Аристотель утверждал, что Писистрат руководил государственными делами «...с умеренностью и скорее в духе гражданского равноправия... Он был вообще гуманным и кротким человеком, снисходительным к провинившимся; бедных он даже снабжал вперед деньгами на сельские работы, чтобы они могли кормиться, занимаясь земледелием», во время своего правления «...всегда обеспечивал мир и поддерживал спокойствие. Вот почему и говорили часто, что “тирания Писистрата – это жизнь при Кроне” [древнее понятие о «Золотом веке», когда люди жили вместе с богами]... Но самым важным из всего сказанного было то, что он по своему характеру был демократичным и обходительным человеком. Во всех вообще случаях он хотел руководить всеми делами по законам, не допуская для себя никакого преимущества» [24, с. 24–26]. При таких характеристиках самого Писистрата и его правления о «тирании» в современном понимании этого термина говорить не приходится.

¹⁶ Современный Византийский словарь дает неоднозначное определение слову «автократор». В первом томе «автократор» определяется как «самодержец, греческий аналог латинского титула “император”» (ВС. Т. 1. С. 42). Во втором томе со-

далеко не всегда применялся только к василевсам, он мог вручаться военным стратигам, которым Синклит поручал руководство той или иной масштабной военной операцией; его давали также победившим в том или ином значимом сражении полководцам, а избранного правителя в Византии вообще было принято называть василевсом.

Историк Кассий Дион, живший в III в. н. э., сообщил, что звание «император» Октавиан Август (он называет его Цезарем) получал неоднократно, а в свое пятое консульство единолично был удостоен его в седьмой раз. Однако переводчик «Римской истории» Диона Кассия А. В. Махлаюк утверждает, что Кассий Дион на сей раз ошибся, ибо тогда же одновременно с Октавианом был провозглашен императором за воинские заслуги и Марк Красс, о чем свидетельствуют сохранившиеся греческие надписи, в которых он именуется автократом [27, с. 57], т. е. надо понимать, что такое звание могли получить сразу несколько отличившихся в сражениях военачальников¹⁷. Кассий Дион сообщает далее, что звание императора «...согласно древнему обычаю присваивалось военачальникам за добытые ими победы, его он (Август) неоднократно получал за свои подвиги и раньше, и впоследствии, так что двадцать один раз провозглашался императором» [27, с. 107; 28, с. 12]. Далее Дион поясняет, что он «имеет в виду другое» [звание], то, «...которое означает обладание высшей властью и было присвоено его отцу Цезарю, его детям и потомкам» [27, с. 107]. Таким образом Дион, обращаясь к читателям, просит их не путать двоякое значение звания «император». Сам Август категорически запретил употреблять в отношении себя такие слова, как «царь, монарх и даже господин», объявив себя только первоприсутствующим в Сенате, т. е. «*princeps senatus*» [25, с. 95]. При нем сохранялся выборный Сенат, куда могли быть избраны люди из всех сословий, с учетом их нравственного облика, образованности и деловой характеристики; на Сенате обсуждались все серьезные вопросы, касавшиеся государства, и принимались законы. Кроме того, при Августе был учрежден еще и Совет сроком на полгода, члены которого избирались по жребию на заседаниях Сената. Сохранялись выборные и срочные высшие должности в государстве: консулов, народных трибунов и судей всех рангов. Консулам и трибунам выбирались также по два помощника (товарища).

общается: «Севастократор – один из важнейших титулов в византийской классификации, который получали ближайшие родственники императора. Образован сложением титулов “севаст” и “автократор”, введен в употребление императором Алексеем I Комнином. <...> Первоначально был главным титулом после императорского, выше чина кесаря, но впоследствии, в XIII веке, уступил место в табели о рангах деспоту» (курсив наш. – Авт.) (ВС. Т. 2. С. 277).

¹⁷ Подобный пример приводит И. Ш. Шифман: в 43 г. до н. э. в борьбе против Антония (объявленного врагом республики) в битве вокруг Мутины выступал Октавиан во главе республиканского войска в звании пропретора с «наделением его чрезвычайным империем» (курсив наш. – Авт.) совместно с двумя консулами – Авлом Гирцием и Гаем Вибием Пансой. «У Гальского Форума состоялось ожесточенное сражение, в котором войска Антония были разбиты, а консул Панса получил смертельное ранение. Вскоре он умер в Бононии. На следующий день солдаты провозгласили обоих консулов и Октавиана императорами» [25, с. 51–53]. См. также: [26, с. 166–169]. Именно на такое неоднозначное применение звания «император» обращал внимание своих читателей Дион Кассий.

Кроме ранее существующих должностей Августом были установлены еще и новые. Светоний полагает, что он ввел их для того, «чтобы больше народу участвовало в управлении государством». Он учредил «...новые должности: попечение об общественных постройках, о дорогах, о водопроводах, о русле Тибра, о распределении хлеба народу, городскую префектуру (Рима и всех городов в провинциях), комиссию триумвиров для выборов сенаторов... после долгого перерыва назначил цензоров, число преторов он увеличил...»¹⁸. При Августе все должностные лица избирались «собранием граждан на Марсовом поле», и только при Тиберии избирать судей стали сенаторы [28, с. 15].

Как представлял себя сам Август, можно узнать из надписи от первого лица, высеченной на камне в греческой и латинской версиях, найденной в 1555 г. в Анкаре на стенах местного храма Рима и Августа и в Аполлонии (Писидия в Малой Азии) на платформе, где установлены статуи Августа, Тиберия, Ливии, Германика и Друза:

«5. 1. Диктатуру, дававшуюся мне и в мое отсутствие, и в моем присутствии и народом, и сенатом, когда консулами были Марк Марцелл и Луций Аррунций, я не принял. 2. Я не отказался при крайней недостатке пищи от заботы о продовольствии и этим так распорядился, что за немного дней все государство на свои средства и своею заботой от страха и существовавшей тогда опасности я освободил. 3. Консульство, тогда мне предложенное, годичное и постоянное, я не принял.

6. 1. ...по общему согласию сената и римского народа я был единственный избран попечителем законов и нравов с высшей властью. Никакой должности, дававшейся вопреки отеческим обычаям, я не принимал. 2. То, что тогда сенат через меня совершить желал, я выполнял, пользуясь трибунской властью. И в самой этой должности коллегу сам по своей воле у сената просил и принимал...

7. 1. Триумвиром для устройства государства я был непрерывно десять лет. 2. Первоприсутствующим в сенате я был до того дня, когда писал это, в течение сорока лет...

8. 1. Число патрициев я увеличил, будучи консулом в пятый раз, по велению народа и сената...

32. 3. Многие другие народы испытали верность римского народа, когда я был первоприсутствующим, у которых прежде с римским народом не было никаких посольских и дружеских отношений...

34. 1. В шестое и седьмое консульство, после того как Гражданские войны я погасил, с общего согласия став верховным властелином, государство из своей власти я на усмотрение сената и римского народа передал. 2. За эту мою заслугу постановлением сената я был назван Августом, и лаврами косяки моего дома были покрыты всенародно, и гражданский венок над моей дверью был закреплен, и золотой щит в Юлиевой курии был поставлен, надпись на каковом щите свидетельствует, что его сенат и народ римский дали за мужество, милосердие, справедливость и благочестие. 3. После этого времени я превосходил всех ав-

¹⁸ М. А. Гаспаров в Послесловии к изданию труда Светония отмечает, что наиболее подробно у него представлена глава, посвященная Октавиану Августу. Сопоставляя Цезаря (Гая Юлия) и Августа, Светоний противопоставляет «тираническим устремлениям Цезаря республиканские идеалы Августа» [29, с. 276], отмечая, что для Светония именно «система Августа все-таки оказалась самым приемлемым вариантом и самым желательным образцом» [29, с. 266–267].

торитетом, но власти имел не больше, чем другие, кто были у меня когда-либо коллегами по должности.

35. 1. Когда тринадцатое консульство я исполнял, сенат и всадническое сословие, и весь римский народ называли меня отцом отечества, и чтобы это было записано в вестибюле моего дома и в курии Юлиевой, и на Августовом Форуме под квадригами, которые мне по постановлению сената поставлены, указал. Когда я это писал, мне шел семьдесят шестой год» [25, с. 190–191, 198].

Наконец, о каком самодержавии, причем в современном значении этого термина, можно говорить применительно к Византии? При византийском императоре (василевсе) всегда существовал Синклит, и его наличие никогда не только не оспаривалось, но даже и не подвергалось никаким сомнениям; обсуждался лишь вопрос о правильном подборе в него синклитиков – думцев. Подобная ситуация вообще исключает характеристику такой формы правления как «самодержавную», соответственно, и носителя верховной власти в качестве «самодержца» (и в историческом, и современном значении этих терминов). Сосредоточение всей полноты власти безраздельно в руках императора в понятие «автократор» в Византии, считающей себя частью Римской империи, никогда не включалось, поскольку ее граждане – ромеи (греческий вариант слова «римляне») старались воспроизводить у себя римскую политическую организацию общества: римский Сенат в Византии преобразовался в Синклит, выполняя те же функции, что и Сенат в Риме.

В византийских «княжеских зеркалах» при изложении принципов организации и деятельности верховной власти обычно подчеркивалась роль постоянного высшего советного органа при василевсах – Синклита. О таких советах и их роли и значении было сказано в «Наставлении» (Поучении) Агапита, считавшего, что «премудрейший Государь, полезное государству твоему [должен] изыскивать... при содействии благоразумнейших советников и усерднейших молитв» [30]. Подбирать своих советников государю следует осмотрительно, ибо, «приняв от Господа царство мирское, не определяй к управлению делами людей порочных, потому что за все преступления, которые они сделают, Богу отвечать будет тот, кто дал им власть. Итак, избрание лиц к должностям должно производимо быть с великою осмотрительностью» (VI в.) [30]. Позитивно этот вопрос изложен в «Послании Константинопольского патриарха Фотия к болгарскому князю Михаилу» (IX в.), где утверждалась необходимость существования постоянного Совета при Правителе: «...всякого деяния совет да предваряет... Яко убо руце многих и многи не съделаша, сиа совет един и единою съдействова, тем же благосоветие предпочитай многоручиа» [31, с. 117].

Совет при носителе верховной власти в глазах всех византийских авторов не только в V–X вв., но и последующих веках, вплоть до завоевания Византии Османской империей в 1453 г., был привычным, издревле присущим совещательным и законодательным органом – Синклитом, почитаемым всеми византийскими историками и хронистами, независимо от того, были ли они членами Синклита, как, например, Михаил Пселл, Михаил Атталиат и Иоанн Скилица, или лицами, тесно связанными с правительственными кругами по должности, как Лев Диякон, или вообще находились вне Синклита и правительственных кругов, как, например, военный стратиг Кекавмен, или даже анонимным коллективом, объединившимся под псевдонимом «Продолжателя Феофана», причем авторство пятой книги «Жизнеописание Василия» при-

писывалось императору Константину VII Багрянородному (945–959 гг.) [32, с. 218].

Михаил Пселл даже считал, что гибель Синклита будет означать гибель каждого гражданина: «погублен Синклит, и каждый желающий [жить в государстве] гражданин» [33, с. 109]. Пселл описывает состав Синклита: совет, в который входило избранное сословие, затем чины второй и третьей степени, что позволяет предположить наличие определенной структуры в этом органе и, вероятно, процедуры обсуждения и принятия решений¹⁹. Он выражает недовольство введением Константином IX в Синклит людей «без рода и племени», «с улицы», утверждая, что этот император «...чуть ли не весь рыночный сброд причислил к синклиту, причем даровал эти милости не каким-то отдельным личностям, но всех скопом одним указом возвел на самые почетные должности», получив большое одобрение всего народа, устроившего по этому поводу «...тогда торжества и празднества, и весь город ликовал, радуясь тому, что к власти пришел самый щедрый царь, и настоящее казалось куда лучше прошлого» [33, с. 79]. Данный текст свидетельствует о том, что во времена жизни Пселла в Константинополе действительно были демократические порядки и состав Синклита не был полностью аристократическим, поскольку в него, по словам историка – современника событий, весьма свободно попадали люди «с уличных перекрестков» и даже «с рынка». Василевсом вполне мог быть избран крестьянин из Македонии (Василий I), и это далеко не единственный случай, когда люди «из низов» в результате выборов становились василевсами Византии.

Об активном участии всех сословий византийского общества в политической жизни государства свидетельствует и Лев Диакон. М. Я. Сюзюмов ссылается на мнение этого писателя «...о политическом влиянии столичного населения – о ремесленниках, торговцах, к которым присоединялся и плебс», считая, что «Лев Диакон вовсе не склонен преуменьшать их роль в развитии событий; нередко он даже придавал ему значение решающего фактора» [34, с. 139].

Синклит как высший законодательный и совещательный орган государства Михаил Пселл поддерживал в течение всей своей тридцатилетней службы в должности бессменного первого советника восьми императоров. Он утверждал, что верховная власть в Византии **«держится на трех опорах: народ, синклите и войске»** (выделено нами. – Авт.) [33, с. 137], перечисляя их значимость именно в таком порядке. Г. Г. Литаврин утверждает, что Михаил Пселл и Михаил Агталиат были за единоначалие, понимая при этом термины «единоначалие», «самовластие», «единовластие» и «самодержавие» как синонимы, причем в их современном, а не историческом значении, которое они на самом деле получили только в Новое время, а широкое распространение – уже в Новейший период. Вряд ли можно согласиться с Г. Г. Литавриным, утверждающим, что термин «демократия» почти безраздельно употреблялся византийцами в негативном смысле: «демократия» стала синонимом беспорядка, а «демократ» – определением «виновника беспорядка», что «почти безраздельно исходное значение этих понятий мыслится несовместимым с авторитарно-хри-

¹⁹ Я. Н. Любарский в Примечаниях к Хронографии Михаила Пселла сообщает, что «все византийское чиновничество было разделено на четыре класса. В состав Синклита, помимо носителей высших титулов (кесаря, новелисима и др.), входили также чины первого класса (протоспафарии и ниже). Чины второго класса – спафарокандидаты, третьего – спафарии» [33, с. 276].

стианским менталитетом византийцев» [35, с. 148–149]²⁰. Далее в этой же статье Г. Г. Литаврин пишет, что Пселл и Атталиат – самые крупные мыслители эпохи – не исключали «...положительной роли демократии, если не как системы правления, то как возможного казуса, эпизода в критических для империи обстоятельствах» [35, с. 156], а в другой своей работе отмечает: «Теоретически Пселл безусловный сторонник демократической формы правления, о чем он прямо пишет в своей Хронографии» [36, с. 89]²¹. На демократические взгляды Михаила Пселла по ряду вопросов, касающихся социальной и политической жизни общества, обращал внимание и Я. Н. Любарский, отмечая, что политический идеал Пселла – «своеобразное ограниченное самодержавие» [32, с. 205, 208, 210, 213], явно употребляя термин «самодержавие» в понимании монархии как таковой. При этом автором не учитывается то, что никакое ограничение самодержавия невозможно даже теоретически, поскольку в этом случае власть вообще перестает быть самодержавной.

Кроме Синклита в Византии, как и в Риме, имелся разветвленный аппарат чиновников, многие должности в котором носили выборный и срочный характер. Сам василевс мог быть как избранным, так и наследственным – эта ситуация не получила отражения в византийских законах. Каждый избранный василевс хотел не только удержаться в этой должности, но и закрепить свою династию, однако практически никому из них не удалось закрепиться династически на долгое время: наследственные (багрянородные) василевсы чередовались с избираемыми носителями верховной власти. Михаил Пселл, по-видимому, понимал, что наследственная власть и законный порядок воцарения не являются гарантией от возможного введения тем или иным ее носителем тиранического государственного режима, поэтому, будучи советником императора, он прилагал все свои усилия не к сохранению наследственного порядка царствований, а к упрочению значения и роли Синклита при любом носителе верховной власти.

Данте Алигьери (1265–1321), восхваляя форму правления при Августе, одним из первых обратил внимание на смысловую связь между терминами «мо-

²⁰ Следует отметить, что «демократия» – это не форма правления, а политический режим. Судя по высказываниям Михаила Пселла и Михаила Атталиата, оба они были сторонниками республики с демократическим государственным режимом: глава – василевс, избранный и ответственный перед синклитом, народом и армией, рассматривался ими как носитель высшей должности в государстве, опирающийся на Синклит и разветвленный государственный аппарат, обеспечивающий определенный уровень централизации: подчинения и соподчинения, учитывая огромные территориальные пространства Византии. В значительной степени, в качестве идеальной формы правления и ее идеологического обоснования, за образец принимался республиканский Рим, особенно принципат Августа, время нахождения которого у власти в качестве «первого среди равных» они, как и впоследствии Данте Алигьери, считали наилучшей формой политической организации общества.

²¹ Как мы отмечали выше, Пселл был сторонником республиканской формы правления с демократическим политическим режимом. Форма правления могла быть монархической или республиканской, но и при каждой из них могли быть разные политические режимы: демократический, олигархический и даже охлократический (Полибий).

нархия», «империя» и обозначаемыми ими понятиями, пытаясь определить их взаимодействие. Он писал: «светская монархия, называемая обычно империей», или «светская монархия, обозначаемая более привычным словом “империя”», или «монархия, или единственная власть, именуемая империей» [37, с. 305–306, 309, 311], подразумевающая под империей территориальное устройство государства, а не форму правления, которой вполне могла быть республика. Главными задачами такого государства Данте считал: 1) реализацию справедливости во всех сферах его деятельности; 2) мирное сосуществование внутри и вовне («всеобщий мир есть наилучшее из того, что создано человечеством»); 3) наличие «правого суда», способного искоренить все раздоры между населяющими его людьми [37, с. 308, 313].

Современный американский ученый Э. Калделлис повторил мысль, высказанную Данте, с некоторыми разъяснениями: «Под “империей” в отношении Византии я подразумеваю, что она управлялась правителем, которого мы традиционно называем императором, в действительности монархом – *basileus* римлян. Другими словами, в моем применении “империя” означает “монархия”», – дословно повторил Э. Калделлис определение Данте [38, с. 19].

В начале XX в. русский, а затем и советский ученый В. Е. Вальденберг отметил, что в отношении определения формы правления Византии в науке «царит большое разнообразие мнений... Одни определяют Византийское государство как деспотию, другие – как неограниченную монархию; третьи – как монархию ограниченную; некоторые находят возможность говорить о дуархии... Одни находят, что император был ограничен сенатом, другие – что его ограничивали традиции и обычаи, третьи – что ограничивающим моментом была церковь, и т. п.» [39, с. 341]. В. Е. Вальденберг не соглашается ни с одной из этих формулировок и предлагает назвать византийскую форму правления **монархией демократической**, видящей свое основание в воле народа [39, с. 354]. Но при этом он считал, что «демократическое обоснование императорской власти было не единственным, кроме него мы находим в источниках и теократическое обоснование». В дальнейшем, утверждает В. Е. Вальденберг, в принятых императорами Новеллах **«нет демократического обоснования власти, а одно только теократическое»** (курсив наш. – Авт.) [39, с. 356–357].

Э. Калделлис, проведя анализ всех институтов византийской формы правления, в отличие от В. Е. Вальденберга посчитал, что формой правления в Византии за весь период ее существования была *республика, а не монархия*. Опираясь на произведения византийских писателей, он пришел к выводу, что среди них отсутствуют теоретические положения, представляющие верховную власть как абсолютную, поскольку «...народ играл решающую роль в возведении и иногда в свержении императора... народ почти во всех случаях являлся первостепенным фактором в политической жизни Византийской республики» [38, с. 187]. Такая ситуация позволила исследователю называть византийский народ (ромеев) сувереном. «Ясно, что здесь мы имеем дело с политическим полем, фундаментальная и предшествующая идеологическая конструкция которого была республиканской, а на нее была наложена теократическо-риторическая» [38, с. 269]. Определение Э. Калделлиса в некоторой степени согласуется или, возможно, даже частично заимствуется у В. Е. Вальденберга, настаивающего на введении «теократии» в определение формы правления в поздней Византии. Но, в отличие от Э. Калделлиса, у В. Е. Вальденберга в этом определении сохраняется «монархия». Соглашаясь с первой частью определения, данного Э. Кал-

деллисом, мы не можем принять добавления к ней «теократическо-риторической» идеологии по следующим основаниям.

Во-первых, понятие «теократия» изначально определялось двухчастным составом этого сложносочиненного слова: Бог и власть, означающим, что Бог безраздельно *властвует* в созданной Им вселенной, не имея никого равного Себе Самому. Вряд ли люди, жившие в Средние века, решились бы переносить эту всепоглощающую Божественную функцию на какое-либо другое, тем более мирское лицо, причем в абсолютном значении.

Во-вторых, не может оправдать «теократическое обоснование власти» и ссылка на распространенное в христианской религии утверждение о том, что все власти от Бога и, следовательно, возможно на этом основании считать, что «избранный народом император рассматривается как получивший власть от Бога» (В. Е. Вальденберг). От Бога, согласно христианскому вероучению, происходит все в сотворенной Им Вселенной, например победа в войне той или иной из воюющих сторон, всякие положительные и отрицательные события: стихийные бедствия, потопа, землетрясения, эпидемии и т. п., но они не считаются теократическими.

Кроме того, следует отметить, что в византийском обществе получили распространение и другие теории о происхождении политической власти в человеческом обществе. Например, Иоанн Зонара, следуя Аристотелю, большое внимание уделял естественным причинам, «трансцендентные силы отодвинуты на второй план» [40, с. 190, 191]. Тенденция к рациональному осмыслению истории, интерес к реальным предпосылкам событий заметны также в сочинении Продолжателя Феофана. Михаилом Пселлом вся история возникновения и развития человеческого общества рассматривается одновременно и как проявление воли Всевышнего, и как следствие естественного развития.

Третье немаловажное обстоятельство, наверное, следовало бы поставить на первое место: сам вопрос о происхождении государства имеет **теологический**, а не **теократический** характер. Термин «теократия» возник и утвердился в науке отнюдь не для определения происхождения верховной власти, а для наименования одной из форм правления. В учебниках по теории государства и права теократия определяется, например, как «...особая разновидность абсолютных монархий... в которых государственная и религиозная власть сливаются воедино. Монарх одновременно выступает и главой государства, и главой церкви, выполняя функции государственного и религиозного лидера»²². К числу современных теократических форм правления отнесены не только монархии, но и республики. Если «во главе государства находится религиозный лидер, а государственная власть осуществляется в соответствии с религиозными предписаниями. Например, в Исламской Республике Иран глава государства – высший руководитель является духовным лидером страны, защитником-богословом, определяющим общую политику государства, обладающим огромными полномочиями (к компетенции высшего руководителя отнесено назначение должностных лиц на ключевые позиции системы государственного управления)»²³.

В-четвертых: еще одно возражение против якобы господствующей в византийском обществе «теократической» идеологии. Византийские писатели XI–

²² Теория государства и права : учеб. / под ред. В. В. Ершова, отв. ред. Т. В. Владова, Т. С. Лесовая. М. : РГУП, 2023. С. 92–93.

²³ Там же. С. 95–96.

XIII вв., оценивая деятельность своего василевса за время его царствования, не ставили свою оценку в зависимость от религиозности самого властителя, а также от выполнения (или невыполнения) им правил, соответствующих этическим и обрядовым нормам поведения, предусмотренным православной конфессией христианского вероучения. Например, в «Продолжателе Феофана» автор (или авторы), анализируя плюсы и минусы императорства Льва V (813–820) – иконоборца, отметил(и), что, с одной стороны, он был злодеем и нечестивцем, «отличался жестокостью и, как ни один из предшественников, – нечестием» [41, с. 21]. Но, с другой стороны, было обращено внимание и на положительные качества этого «нечестивого императора», который, «...болея честолюбием, принялся за государственные дела: словно оса, никогда не расстающаяся со своим жалом, он сам упражнял свое воинство, во многих местах Фракии и Македонии собственными стараниями возвел от основания города, объезжал земли, дабы вселить страх и ужас во врагов. Потому-то, как рассказывают, и сказал после его кончины святой Никифор, что не только злодея, но и рачителя общего блага потерял город в его лице. Весьма волновался он о чинах и должностях, причем не только о гражданских, но и о воинских. Сам же он был выше сребролюбия и потому из всех предпочитал людей неподкупных и отличал всех по доблести, а не по богатству». Лев V был не чужд и правосудию, «...сам восседал в Лавсиаке и многие судебные дела рассматривал самолично» [41, с. 17]. Из содержания этой обширной цитаты очевидно, что анонимный автор (или авторы) данного высказывания не обладал(и) «теократическим мышлением», не оправдывал(и) злые дела императора божественным происхождением его власти. То же можно сказать и о Михаиле Пселле, допускавшем весьма нелицеприятную критику действий некоторых императоров в своей «Хронографии», совершенно не считаясь при этом с их божественным происхождением. Пселл даже позволил себе настоять на жестоком и позорном наказании отважного императора Романа Диогена, внушив Михаилу VII – своему воспитаннику, что Романа следует не только лишить трона, но и сослать, чтобы он никогда не смог претендовать на возвращение ему звания и должности василевса, хотя сам Пселл понимал, что злосчастную битву при Манцикерте, вменявшуюся ему в вину, Роман проиграл «из-за злонаправленных советчиков» [33, с. 181, 187].

Возвращаясь к определению формы правления на Руси домонгольского периода, повторим, что существуют разночтения в определении ее от раннефеодальной монархии до республики с выборными высшими должностными лицами. Особенно ярко это проявляется в отношении периода политической раздробленности. Основания для этого исследователи находят в письменных свидетельствах: летописях, сочинениях различных авторов.

В период Киевской Руси со времен Святослава монархическое начало укреплялось. Особенно это заметно во времена Владимира и Ярослава. Появляются элементы вотчинного хозяйства, начиная с княжеских сел, вотчин бояр и церковных иерархов и монастырей, что явно подтверждает зарождение феодальных отношений. Так что условно термин «раннефеодальная монархия» вполне применим. Можно, конечно, говорить о ранних, переходных государственных формах, которые пришли на смену военной демократии (это будет даже более корректно), но они все имели монархическое начало, хотя и не отрицается демократический и аристократический элемент. В процессе централизации усиливалась власть князей, в пиковый период ее развития распространившаяся практически на всю территорию Руси. В период раздробленности центральная власть ослабла, соответственно возросло влияние вече и княжеского совета. Но

как только наметилась централизация власти, все вернулось на круги своя. Особенно этот процесс ускорился под внешним влиянием, прежде всего ордынским.

Что касается соотношения властей (светской и церковной), то в литературе того времени этот вопрос на Руси не обсуждался. Константинопольская патриархия, определяя митрополитов на Русь, в известной мере оставляла за собой контроль не только за их назначением, но и деятельностью, а также духовной жизнью людей на Руси, что выражалось в распространении литературы: философско-религиозной, вероучительной, обрядовой и даже светской. Основы славянской письменности и литературы были заложены в результате деятельности христианских миссионеров Кирилла (827–869) и Мефодия (815–885). В 863 году Византийским императором они были направлены для проповеди христианства в Моравию. Для выполнения этой миссии ими была разработана славянская азбука и сделан перевод нескольких богослужебных книг. Это значительно облегчило и ускорило распространение среди населения грамотности, приобщение к чтению и письму, а следовательно, и осознанному восприятию учения Иисуса Христа. Дело Кирилла и Мефодия продолжили ученики, распространившие учение на новые территории, в том числе и русские земли.

Идея о необходимости создания постоянного советного органа при Правителе, восходящая к Даниилу Заточнику (конец XII – начало XIII в.), более не исчезала из политической мысли России, а, напротив, была постоянно востребованной. Модели подобного совета мы находим практически у всех мыслителей XVI в. Тему совета при великом князе, а затем и царе подробно рассматривал И. С. Пересветов [42, с. 147, 183 и др.], обращался к ней князь А. М. Курбский [43, стб. 54–55]. А анонимный автор (или авторы) «Валаамской беседы» и «Иного сказания тоя же Беседы» предложили создать постоянный «Единомысленный вселенский совет», *избранный* «ото всех градов своих и от уездов градов тех», который царям следует «беспрестанно всегда держати погодно при собе», включив в него «...ото всяких мер всяких людей, и на всяк день их добре и добре распросити царю самому о всегоднем посту и покаянии мира всего, и про всякое дело мира сего» (т. е. о соблюдении подданными требований православной конфессии христианской религии и *«разрешении всех дел мира сего»*) [44, с. 191–192].

На рубеже Средних веков и Нового времени на эту тему вполне определено и конструктивно высказался государев дьяк Иван Тимофеев, пожелавший видеть при царе «Многочисленного собрания лик» в виде «Вселюдского собора», но именно «Многочисленного людособрания», способного оказать «возбранение чего-либо неудобного народу» или каким-либо «нововведениям через законы бываемым». Мыслитель также пожелал, чтобы это «Людособрание» было «единомысленным» и «крепким» (никогда бы не покрывалось позорным «бессловесным молчанием, глядя на невинных погибели»). Он связывал деятельность такого органа с жизнеспособностью государства и благоденствием народа, полагая, что если народу не удастся создать «такое всенародное совокупление», то он сам понесет ответственность «...за всеобщую погибель... и не чужие [будут] земли нашей разорители, а мы есмы сами той потребители» [45, с. 161–163, 339–340].

В XVII, а затем и в XVIII–XIX вв. такие проекты продолжали создаваться многими мыслителями²⁴, среди них наиболее известны предложения А. Н. Ра-

²⁴ Одними из первых в XVII в. были Кондиции, составленные Д. М. Голицыным и В. Л. Долгоруким, надорванные Анной Иоанновной при ее восшествии на русский престол в 1730 г.

дищева, Я. П. Козельского, В. Н. Татищева и, особенно, декабристов П. И. Пестеля и Н. М. Муравьева.

Много проектов ограничения власти российского императора было создано либеральными мыслителями и даже высокими чиновниками во второй половине XIX – начале XX в. Однако реально постоянный законодательный орган при российском императоре был учрежден «Манифестом об усовершенствовании государственного порядка» 17 октября 1905 г. и провозглашен Государственной Думой²⁵. Так наш далекий предок Даниил Заточник смог предвидеть пути развития российской государственности, предложив создать орган, существующий и поныне, даже под тем же названием. Над его созданием работали несколько поколений наших соотечественников, передав нам эстафету, предусматривающую дальнейшие пути усовершенствования его организации и деятельности, направленной на благо всего народа.

Обсуждение и заключение

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Вопрос семантики и этимологии основных политико-правовых терминов является одним из важнейших в любой отрасли гуманитарной науки, особенно в историко-политической, так как содержание соответствующего понятийно-категориального аппарата определяется теми политическими, социальными и иными факторами, в условиях которых он сформировался и используется. Применение к Средневековью современного понятийно-категориального аппарата недопустимо без соответствующей аргументации.

2. При анализе формы государства, относящейся к далекому прошлому (в нашем случае к Средним векам), достижениями и инструментарием современной науки теории государства и права можно пользоваться, если различать при этом все элементы, входящие в состав понятия «форма государства», не путая, не подменяя, не совмещая один с другим, учитывая при этом терминологические особенности понятийного аппарата средневековых мыслителей и законодателей. Только это позволит достичь наиболее адекватного представления об организации государственной власти в тот или иной исторический период.

3. Комплексное исследование устройства и организации государственной власти в Средневековье на Руси и в Византии не дает оснований для отнесения их к монархии как форме государственного правления.

Список источников

1. Чичуров И. С. Политическая идеология Средневековья (Византия и Русь). М. : Наука, 1991. 176 с.
2. Юшков С. В. История государства и права СССР. Ч. 1. М. : Госюриздат, 1950. 672 с.
3. Горский А. А. Русское средневековье. Традиционные представления и данные источников. М. : АСТ, 2022. 256 с.

²⁵ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. XXV. Отд. 1. 1905, № 26803. СПб. : Гос. тип., 1908.

4. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М. : Территория будущего, 2005. 800 с.
5. Лукин П. В. Вече в домонгольское время: социальный состав // А. А. Горский, В. А. Кучкин, П. В. Лукин, П. С. Стефанович. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М. : Индрик, 2008. С. 33–147.
6. Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII в. М. : Территория будущего, 2006. 368 с.
7. Ключевский В. О. О государственности в России. М. : Мысль, 2003. 604 с.
8. Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. Т. 2 : Курс русской истории. Ч. 2 / послесл. и коммент. В. А. Александрова, В. Г. Зиминой. М. : Мысль, 1987. 447 с.
9. История государства и права СССР. Ч. 1 / под. ред. О. И. Чистякова, И. Д. Мартысевича. М. : МГУ, 1985. 280 с.
10. Климов Е. В. Титулатура правителя Древней Руси // Вопросы истории. 2013. № 8. С. 153–157.
11. Повесть о Темир Аксаке. Подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века / вступ. ст. Д. С. Лихачева ; сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М. : Худож. лит., 1981. С. 230–243.
12. Павленко Н. И., Кобрин В. Б., Федоров В. А. История СССР с древнейших времен до 1861 года / под ред. Н. И. Павленко. М. : Просвещение, 1989. 558 с.
13. Рабинович Е. Г. «Всея Руси самодержец» // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2012. № 16. С. 698–711.
14. Штамм С. И. Исторические условия развития русского государства в XIV–XV вв. и создание Судебника // С. И. Штамм Судебник 1497 г. М. : Госюриздат, 1955. С. 3–16.
15. Князьков С. А. Самодержавие въ его исконномъ смысле. СПб., 1906. 37 с.
16. Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России: изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л. : Наука, 1969. 601 с.
17. Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М. : Наука, 1978. 417 с.
18. Скрынников Р. Г. Русская история IX–XVII вв. СПб. : СПбГУ, 2006. 580 с.
19. Саенко М. Н. История семантики праславянских лексем *edinъ и *samъ // Slovene. 2017. № 1. С. 76–94.
20. Ермолаев И. П. Становление российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2004. 392 с.
21. Асонов Н. В. Политические доктрины российского самодержавия: генезис, эволюция и современный дискурс : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М. : РАГС, 2009. 43 с.
22. Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси. (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 54–64.

23. Коллманн Н. Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени / пер. с англ. А. Б. Каменского. М. : Древлехранилище, 2001. 459 с.
24. Аристотель. Афинская полития / пер. и примеч. С. И. Радцига. М. : Соц-эгиз, 1937. 255 с.
25. Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л. : Наука, 1990. 198 с.
26. Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М. ; Л. : АН СССР, 1949. 687 с.
27. Кассий Дион Коккейн. Римская история. Кн. LI–LXIII / пер. с древнегреч. под ред. А. В. Махлаюка ; предисл. и коммент. А. В. Махлаюка. СПб. : Нестор-История, 2014. 680 с.
28. Корнелий Тацит. Сочинения : в 2 т. Т. 1 : Анналы. Малые произведения. Л. : Наука, 1969. 444 с.
29. Гаспаров М. А. Светоний и его книга // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / изд. подготовили М. А. Гаспаров, Е. М. Штаерман. М. : Наука, 1964. С. 263–278.
30. Агапит Римский. Увещательные главы, написанные Агапитом, Дьяконом святейшей великия церкви Божие // Христианское чтение. 1827. Ч. XXVII. С. 245–273. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Agapit_Rimskij/uveshhatelnye-glavy-k-imperatoru-justinianu/.
31. Синицына Н. В. Послание Константинопольского патриарха Фотия князю Михаилу Болгарскому в списках XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л. : АН СССР, 1965. Т. XXI. С. 96–125.
32. Любарский Я. Н. Историограф Михаил Пселл // Михаил Пселл. Хронография / пер., ст. и примеч. Я. Н. Любарского. М. : Наука, 1978. С. 209–264.
33. Михаил Пселл. Хронография / пер., ст. и примеч. Я. Н. Любарского. М. : Наука, 1978. 319 с.
34. Сюзюмов М. Я. Лев Диакон и его время // Лев Диакон. История. М. : Наука, 1988. 244 с.
35. Литаврин Г. Г. Византийские интеллектуалы XI века «о демократии» и «аристократии» // Византийские очерки. Труды российских ученых к XXI Международному конгрессу. СПб. : Алетейя, 2006. С. 148–161.
36. Литаврин Г. Г. Кекавмен и его поучение // Кекавмен. Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века. СПб. : Алетейя, 2003. С. 13–131.
37. Данте Алигьери. Малые произведения. М. : Наука, 1968. 652 с.
38. Каделлис Э. Византийская республика: народ и власть в Новом Риме / [пер. и отв. ред. В. И. Земскова]. СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2016. 448 с.
39. Вальденберг В. Е. Государственное устройство Византии до конца VII в. // Каделлис Э. Византийская республика: народ и власть в Новом Риме / [пер. и отв. ред. В. И. Земскова]. СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2016. С. 339–437.
40. Черноглазов Д. А. О мировоззрении Иоанна Зонары и его современников // Византийские очерки. Труды российских ученых к XXI Международному конгрессу. СПб. : Алетейя, 2006. С. 187–204.

41. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб. : Наука, 1992. 347 с.
42. Сочинения И. Пересветова / под ред. Д. С. Лихачева. М. ; Л. : АН СССР, 1956. 388 с.
43. Князя А. М. Курбского История о великомъ князе Московскомъ. СПб. : Император. Археогр. комис., 1913. VIII с., 194 стб.
44. Моисеева Г. Н. Валаамская беседа. Памятник русской публицистики середины XVI в. М. ; Л. : АН СССР, 1958. 199 с.
45. Временник Ивана Тимофеева / подг. к печати, пер. и коммент. О. А. Державиной ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М. ; Л. : АН СССР, 1951. 512 с.

References

1. Chichurov, I. S. *The political ideology of the Middle Ages (Byzantium and Russia)*. Moscow: Nauka; 1991. 176 p. (In Russ.)
2. Yushkov, S. V. *History of the State and law of the USSR*. Pt. 1. Moscow: State Publishing House of Legal Literature; 1950. 672 p. (In Russ.)
3. Gorsky, A. A. *The Russian Middle Ages. Traditional representations and data from sources*. Moscow: AST; 2022. 256 p. (In Russ.)
4. Vladimirsky-Budanov, M. F. *Review of the history of Russian law*. Moscow: Territoriya budushchego; 2005. 800 p. (In Russ.)
5. Lukin, P. V. Veche in pre-Mongol times: the social composition. In: A. A. Gorsky, V. A. Kuchkin, P. V. Lukin, P. S. Stefanovich. *Ancient Rus: essays on the political and social system*. Moscow: Indrik; 2008. Pp. 33–147. (In Russ.)
6. Valdenberg, V. E. *Ancient Russian teachings on the limits of Tsarist power: essays on Russian political literature from St. Vladimir to the end of the 17th century*. Moscow: Territoriya budushchego; 2006. 368 p. (In Russ.)
7. Klyuchevsky, V. O. *On statehood in Russia*. Moscow: Mysl'; 2003. 604 p. (In Russ.)
8. Klyuchevsky, V. O. *Essays*. In 9 vols. Vol. 2: The course of Russian history. Pt. 2. Afterword. and comment. by V. A. Alexandrov, V. G. Zimina. Moscow: Mysl'; 1987. 447 p. (In Russ.)
9. Chistyakov, O. I., Martysevich, I. D., eds. *History of the State and law of the USSR*. Pt. 1. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 1985. 280 p. (In Russ.)
10. Klimov, E. V. Titulature of the ruler of Ancient Russia. *Voprosy istorii = Questions of History*. 2013;(8):153-157. (In Russ.)
11. The story of Temir Aksak. Text prep., transl. and comment. by V. V. Kolesov. In: L. A. Dmitriev, D. S. Likhachev, comp. and eds. *Monuments of literature of Ancient Russia. XIV – the middle of the XV century*. Introd. art. by D. S. Likhachev. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1981. Pp. 230–243. (In Russ.)
12. Pavlenko, N. I., Kobrin, V. B., Fedorov, V. A. *History of the USSR from Ancient times to 1861*. Ed. N. I. Pavlenko. Moscow: Prosveshchenie; 1989. 558 p. (In Russ.)

13. Rabinovich, E. G. "The autocrat of All Russia". *Indoeuropejskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* = *Indo-European Linguistics and Classical Philology*. 2012;(16):698-711. (In Russ.)
14. Shtamm, S. I. Historical conditions of the development of the Russian state in the XIV-XV centuries and the creation of the Judicial Code. In: S. I. Shtamm. *Judicial Code of 1497*. Moscow: State Publishing House of Legal Literature; 1955. Pp. 3-16. (In Russ.)
15. Knyazkov, S. A. *Autocracy in its original sense*. St. Petersburg; 1906. 37 p. (In Russ.)
16. Nosov, N. E. *The formation of estate-representative institutions in Russia: research on the zemstvo reform of Ivan the Terrible*. Leningrad: Nauka; 1969. 601 p. (In Russ.)
17. Cherepnin, L. V. *Zemsky sobors of the Russian state in the XVI-XVII centuries*. Moscow: Nauka; 1978. 417 p. (In Russ.)
18. Skrynnikov, R. G. *Russian history of the IX-XVII centuries*. St. Petersburg: St. Petersburg State University; 2006. 580 p. (In Russ.)
19. Saenko, M. N. The history of the semantics of the Proto-Slavic lexemes *edinъ and *samъ. *Slovene*. 2017;(1):76-94. (In Russ.)
20. Ermolaev, I. P. *The formation of the Russian autocracy. The origins and conditions of its formation: a look at the problem*. Kazan: Publishing House of Kazan University; 2004. 392 p. (In Russ.)
21. Asonov, N. V. *Political doctrines of the Russian autocracy: genesis, evolution and modern discourse*. Abstract of Dr. Sci. (Political) Dissertation. Moscow: Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation; 2009. 43 p. (In Russ.)
22. Kobrin, V. B., Yurganov, A. L. The formation of despotic autocracy in Medieval Russia. (Towards the formulation of the problem). *Istoriya SSSR = History of the USSR*. 1991;(4):54-64. (In Russ.)
23. Kollmann, N. Sh. *United by honor. The state and society in Early Modern Russia*. Transl. from Engl. by A. B. Kamensky. Moscow: Drevlekhraishche; 2001. 459 p. (In Russ.)
24. Aristotle. *Athenian politics*. Transl. and notes by S. I. Radzig. Moscow: Publishing House of Social and Economic Literature; 1937. 255 p. (In Russ.)
25. Shifman, I. Sh. *Caesar August*. Leningrad: Nauka; 1990. 198 p. (In Russ.)
26. Mashkin, N. A. *The Principate of Augustus. Origin and social essence*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences; 1949. 687 p. (In Russ.)
27. Cassius Dio Cocceianus. *Roman history*. Bks. LI-LXIII. Transl. from Ancient Greek. Ed. A. V. Makhlayuk. Preface and comment by A. V. Makhlayuk. St. Petersburg: Nestor-Istoriya; 2014. 680 p. (In Russ.)
28. Cornelius Tacitus. *Essays*. In 2 vols. Vol. 1: The Annals. Small works. Leningrad: Nauka; 1969. (In Russ.)
29. Gasparov, M. L. Suetonius and his book. In: Gaius Suetonius Tranquillus. *The life of the twelve Caesars*. Ed. prepared by M. L. Gasparov, E. M. Shterman. Moscow: Nauka; 1964. P. 263-278. (In Russ.)

30. Agapit of Rome. Exhortatory chapters written by Agapit, Deacon of the Most Holy Great Church of God. *Khristianskoe chtenie = Christian Reading*. 1827. Pt. XXVII. Pp. 245–273. (In Russ.) URL: https://azbyka.ru/otechnik/Agapit_Rimskij/uveshhatelnye-glavy-k-imperatoru-justinianu/.
31. Sinitsyna, N. V. The Epistle of Patriarch Photius of Constantinople to Prince Michael of Bulgaria in the lists of the XVI century. *Works of the Department of Old Russian Literature*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences; 1965. Vol. XXI. Pp. 96–125. (In Russ.)
32. Lyubarsky, Ya. N. The historiographer Mikhail Pselle. In: Mikhail Pselle. *Chronography*. Transl., art. and notes by Ya. N. Lyubarsky. Moscow: Nauka; 1978. Pp. 209–264. (In Russ.)
33. Mikhail Pselle. *Chronography*. Transl., art. and notes by Ya. N. Lyubarsky. Moscow: Nauka; 1978. 319 p. (In Russ.)
34. Suzumov, M. Ya. Leo the Deacon and his time. In: Leo the Deacon. *History*. Moscow: Nauka; 1988. 244 p. (In Russ.)
35. Litavrin, G. G. Byzantine intellectuals of the XI century “on democracy” and “aristocracy”. *Byzantine essays. Proceedings of Russian scientists for the XXI International Congress*. St. Petersburg: Aletejya; 2006. Pp. 148–161. (In Russ.)
36. Litavrin, G. G. Kekavmen and his teaching. In: Kekavmen. *Tips and stories. The teaching of the Byzantine commander of the XI century*. St. Petersburg: Aletejya; 2003. Pp. 13–131. (In Russ.)
37. Dante Alighieri. *Small works*. Moscow: Nauka; 1968. 652 p. (In Russ.)
38. Valdenberg, V. E. The state structure of Byzantium until the end of the 7th century. In: E. Kaldellis. *The Byzantine Republic: people and power in the New Rome*. Transl. and ed. by V. I. Zemskova. St. Petersburg: DMITRY BULANIN; 2016. Pp. 339–437. (In Russ.)
39. Kaldellis, E. *The Byzantine Republic: people and power in the New Rome*. Transl. and ed. by V. I. Zemskova. St. Petersburg: DMITRY BULANIN; 2016. 448 p. (In Russ.)
40. Chernoglazov, D. A. On the worldview of John Zonara and his contemporaries. *Byzantine essays. Proceedings of Russian scientists for the XXI International Congress*. St. Petersburg: Aletejya; 2006. Pp. 187–204. (In Russ.)
41. *The successor of Theophanes. Biographies of the Byzantine Tsars*. St. Petersburg: Nauka; 1992. 347 p. (In Russ.)
42. *The writings of I. Peresvetov*. Ed. by D. S. Likhachev. Moscow: USSR Academy of Sciences; 1956. 388 p. (In Russ.)
43. Prince A. M. Kurbsky's *The Story of the Grand Duke of Moscow*. St. Petersburg: Imperial Archeographic Commission; 1913. VIII p., 194 col. (In Russ.)
44. Moiseeva, G. N. *The Valaam Conversation. A monument to Russian journalism in the middle of the XVI century*. Moscow: USSR Academy of Sciences; 1958. 199 p. (In Russ.)
45. *The Time of Ivan Timofeev*. Prep. to print, transl. and comment. by O. A. Derzhavina. Ed. V. P. Adrianova-Peretz. Moscow: USSR Academy of Sciences; 1951. 512 p. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Золотухина Наталья Михайловна, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушkinsкая, д. 69).

Natalia M. Zolotukhina, Dr. Sci. (Law), Professor, Chief Researcher at the Theory of Law, State and Judicial Power Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Власова Татьяна Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушkinsкая, д. 69).

Tatiana V. Vlasova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Theory of Law, State and Judicial Power Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Колунтаев Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории права и государства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушkinsкая, д. 69).

Sergey A. Koluntaev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the History of Law and State Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 10.03.2025; одобрена после рецензирования 18.03.2025; принята к публикации 24.11.2025.
The article was submitted 10.03.2025; approved after reviewing 18.03.2025; accepted for publication 24.11.2025.

Научная статья

УДК 347.73

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.64-76

Обязательность некоторых налоговых льгот (вычетов, расходов, освобождений) как конституционная доктрина и условие стабильности финансовой системы

Имеда Анатольевич Цинделиани¹, Татьяна Дмитриевна Садовская², Жанна Георгиевна Попкова³

^{1, 2} Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

³ Приволжский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Нижний Новгород, Российская Федерация

¹ imeda_pravo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3975-295>

² std-tsu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6628-3101>

³ zhp75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2318-112>

Аннотация

Введение. Вопросы обязательности (факультативности) налоговых льгот (вычетов, расходов, освобождений) продолжают оставаться предметом пристального научного интереса со стороны экспертного сообщества. Периодически такие категории дел рассматриваются на уровне высших судебных органов. Цель исследования заключается в определении исключительно факультативности либо возможной необходимости в определенных случаях налоговых льгот (вычетов, расходов, освобождений). Для достижения обозначенной цели проанализированы правовые позиции высших судебных инстанций.

Теоретические основы. Методы. Настоящая работа подготовлена в рамках продолжения имеющихся научных исследований. Учтены опубликованные работы, однако здесь авторы предлагают исходить из общего подхода справедливости налогообложения при решении вопроса о наличии (отсутствии) налоговых льгот (вычетов, расходов).

При написании статьи применялись общенаучные (обобщение, анализ, синтез) и частнонаучные методы.

Результаты исследования. Проведенный анализ показал, что в ряде случаев справедливость налогообложения может быть достигнута только при наличии в определенных налогах льгот (вычетов, расходов, освобождений).

Обсуждение и заключение. Авторы выявляют противоречие между жесткой судебной доктриной, признающей установление льгот исключительной прерогативой законодателя, и исторической изменчивостью этой позиции. Догматическое следование принципу факультативности может препятствовать достижению справедливого и соразмерного налогообложения в конкретных ситуациях. Доктрина факультативности налоговых льгот не абсолютна и должна интерпретироваться через фундаментальные правовые принципы (справедливость, соразмерность). Налоговые льготы не просто преференции, а необходимый системный элемент, обеспечивающий сбалансированность фискальной нагрузки и стабильность финансовой системы. Решение этих фундаментальных противоречий возможно в балансе через системный анализ конкретных механизмов, где формальное право законодателя согласуется с требованием экономически обоснованного и справедливого налогообложения.

Ключевые слова: финансовая система, налоговые обязательства, налогоплательщик, налоговые льготы, высшие судебные инстанции, конституционная доктрина, принципы права

Для цитирования: Цинделиани И. А., Садовская Т. Д., Попкова Ж. Г. Обязательность некоторых налоговых льгот (вычетов, расходов, освобождений) как конституционная доктрина и условие стабильности финансовой системы // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 4. С. 64–76. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.64-76.

Original article

The Obligation of Certain Tax Benefits (Deductions, Expenses, Exemptions) as a Constitutional Doctrine and a Condition for the Stability of the Financial System

Imeda A. Tsindeliани¹, Tatyana D. Sadovskaya², Zhanna G. Popkova³

^{1, 2} *Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation*

³ *Volga Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

¹ *imeda_pravo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3975-295>*

² *std-tsu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6628-3101>*

³ *zhp75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2318-112>*

Abstract

Introduction. The issues of mandatory (optional) tax benefits (deductions, expenses, exemptions) continue to be the subject of close scientific interest from the expert community, periodically such categories of cases are considered at the level of the

highest judicial authorities. The purpose of the study is to determine whether tax benefits (deductions, expenses, exemptions) are exclusively optional or possible in certain cases.

Theoretical Basis. Methods. This work has been prepared as part of the continuation of existing scientific research, however, the authors propose to proceed from a general approach of tax fairness when deciding on the availability (absence) of tax benefits (deductions, expenses).

When writing the article, general scientific (generalization, analysis, synthesis) and private scientific methods were used.

Results. The analysis has shown, among other things, that in some cases, tax fairness can be achieved only if certain taxes have benefits (deductions, expenses, exemptions).

Discussion and Conclusion. The authors identify a conflict between the legal doctrine, which acknowledges the establishment of benefits as the sole prerogative of lawmakers, and the historical fluctuation of this stance. Adhering dogmatically to the principle of electivity can hinder the attainment of fair and proportional taxation in certain situations. The concept of optional tax benefits is not absolute, and must be interpreted in light of fundamental legal principles such as fairness and proportionality. Tax benefits are not mere preferences, but rather a necessary system component that ensures a balanced financial burden and stability of the fiscal system. Resolving these fundamental conflicts is possible through a balanced approach, through a systematic examination of specific mechanisms where the formal legislation of lawmakers aligns with the requirement for economically sound and equitable taxation.

Keywords: financial system, tax obligations, taxpayer, tax benefits, highest judicial authorities, constitutional doctrine, principles of law

For citation: Tsindeliani, I. A., Sadovskaya, T. D., Popkova, Zh. G. The obligation of certain tax benefits (deductions, expenses, exemptions) as a constitutional doctrine and a condition for the stability of the financial system. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(4):64-76. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.64-76.

Введение

В настоящее время вопросы создания в ответ на новые вызовы и потребности стабильной финансовой системы, способной гармонично обеспечить баланс частных и публичных интересов, приобретают особую актуальность и социальную значимость. Налоговые льготы, являясь действенным инструментом поддержки как хозяйствующих субъектов, так и отдельных категорий налогоплательщиков – физических лиц, в современных реалиях имеют важное социально-экономическое значение и заслуживают отдельного внимания в контексте рассматриваемой темы.

Различные аспекты налогового льготирования активно обсуждаются на различных экспертных площадках, совещаниях органов власти всех уровней, не остаются без внимания Счетной палаты Российской Федерации¹.

¹ См., например: Круглый стол Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам «Налоговые льготы и преференции: их влияние на доходы бюджетов бюджетной системы Российской Федерации», 21 июня 2016 г. URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/69411/>; Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Оценка результативности

Среди обсуждаемых проблем – отсутствие единообразного системного подхода в части регламентации процесса установления и предоставления налоговых льгот в действующем налоговом законодательстве. Актуальность заявленной тематики обусловлена также и недостаточной изученностью в финансово-правовой науке налогового льготирования как самостоятельной научной категории.

Большой научный интерес представляют вопросы обязательности (факультативности) налоговых льгот (вычетов, расходов, освобождений), соответствующие дела периодически решаются на уровне высших судебных органов. Данный вопрос будет рассмотрен в рамках настоящего исследования.

Теоретические основы. Методы

Вопросы налогового льготирования нашли отражение в трудах А. В. Азархина, А. С. Баландиной, И. С. Барзиловой (Морозовой), Е. М. Бачилова, Д. Ю. Заниздры, О. О. Журавлевой, А. Б. Клинцева, А. А. Копиной, Р. К. Костаняна, И. В. Липатовой, В. Н. Назарова, В. Г. Панскова, Р. В. Петрова, К. А. Сасова, Е. В. Тарибо, М. В. Титовой, И. А. Цинделиани, О. А. Черкашиной и др. Из них выделим работы, написанные в последнее время, – монографию Б. А. Федосимова «Правовое регулирование налогового льготирования в Российской Федерации» [1], а также работы, посвященные анализу судебной практики по заявленной тематике [2; 3; 4; 5].

Настоящая статья подготовлена в рамках продолжения вышеуказанных научных исследований, однако авторы предлагают исходить из общего подхода справедливости налогообложения при решении вопроса о наличии (отсутствии) налоговых льгот (вычетов, расходов).

При написании статьи применялись общенаучные (обобщение, анализ, синтез) и частнонаучные методы.

Результаты исследования

Подход к регулированию налоговых льгот характеризуется значительной широтой. Как справедливо отмечает С. Г. Пепеляев, ключевым следствием любой налоговой льготы неизменно выступает снижение объема фискальных обязательств плательщика. Значительно реже льготы преследуют иную цель – предоставление отсрочки или рассрочки платежа. Однако, учитывая, что та-

деятельности акционерного общества “Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики”, результатов реализации федеральной целевой программы “Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2016–2025 годы” и применения преференциального режима на Курильских островах в 2021–2023 годах (с учетом информации Контрольно-счетной палаты Сахалинской области)». URL: <https://ach.gov.ru/checks/korporatsiya-razvitiya-dalnego-vostoka-i-arktiki>; Экспертно-аналитическое мероприятие «Оценка результативности предоставления налоговых льгот, установленных на федеральном уровне законодательством Российской Федерации, с точки зрения их влияния на финансово-экономические показатели деятельности организаций – получателей налоговых льгот в отдельных отраслях экономики за 2019–2024 годы» (3.2.0.4) запланировано в Плане работы Счетной палаты Российской Федерации на 2025 год. С. 51. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf> (дата обращения: 30.05.2025).

кая отсрочка или рассрочка представляет собой беспроцентный или льготный налоговый кредит, ее конечный экономический результат также сводится к уменьшению совокупной налоговой нагрузки на налогоплательщика в релевантном периоде [6, с. 384].

Конституционно-правовая природа льгот раскрывается в ряде решений Конституционного Суда Российской Федерации². Суд постулирует, что освобождение от налога по своей сути является изъятием из конституционных принципов всеобщности и равенства налогообложения (ст. 19 и 57 Конституции Российской Федерации), в соответствии с которыми каждый обязан уплачивать законно установленные налоги. Будучи адресной мерой, предоставляемой конкретным категориям субъектов, установление льгот отнесено к исключительной компетенции законодателя. Только он правомочен определять как круг бенефициаров таких изъятий, так и объем предоставляемых преимуществ. Поскольку фискальные льготы не составляют обязательного элемента правового механизма регулирования налога, их отсутствие при установлении существенных элементов налогообложения не свидетельствует о незаконности соответствующего фискального режима. Более того, как указано в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2000 г. № 36-О³, освобождение законодателем одной группы субъектов от уплаты налога (на примере земельного) не может трактоваться как нарушение конституционных прав иных плательщиков.

Судебная практика последовательно подтверждает данный подход. Так, в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2012 г.⁴ подчеркивается, что формирование перечня льгот и определение круга их получателей, равно как и расширение этого круга, всецело входят в дискреционные полномочия законодательной власти.

Судебная практика высших инстанций последовательно акцентирует законодательную природу налоговых преференций. Прямо опираясь на позиции Конституционного Суда Российской Федерации, решения Верховного Суда Российской Федерации⁵ подчеркивают адресность налоговых изъятий и их установление как исключительную прерогативу парламента. В ряде актов Высшего

² См. постановления от 21 марта 1997 г. № 5-П и от 28 ноября 2017 г. № 34-П, определения от 21 июля 2022 г. № 1761-О и от 30 мая 2023 г. № 1340-О и др. Здесь и далее доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс», если не указано иное.

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2000 г. № 36-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ОАО «Нефтегазстройкурорт» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 15 части первой статьи 12 Закона Российской Федерации от 11 октября 1991 года «О плате за землю»».

⁴ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2012 г. (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 апреля 2013 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 6.

⁵ См. Решение от 30 марта 2023 г. № АКПИ23-19, Апелляционное определение от 20 сентября 2017 г. № 85-АПГ17-6, Определение от 24 июня 2022 г. № 310-ЭС22-2242 и др.

Арбитражного Суда Российской Федерации⁶ также констатировалось, что требования заявителей по сути направлены на расширение льготного перечня по единому социальному налогу или распространение их механизма на страховые взносы на обязательное пенсионное страхование; разрешение же подобных вопросов находится вне компетенции исполнительных органов и судов, относясь исключительно к сфере законодательного усмотрения.

Таким образом, сложившаяся практика высших судов демонстрирует консенсус: решение о введении, отмене, определении объема и круга бенефициаров налоговых преимуществ (включая вычеты, признаваемые расходы, освобождения и т. д.) составляет неотъемлемое дискреционное полномочие законодателя, разумность реализации которого презюмируется. Следовательно, судебные попытки оспорить отсутствие льготных механизмов или их ограниченный характер признаются юридически несостоятельными.

Данный подход находит отражение и в доктрине. Как указывал Е. В. Тарибо [4, с. 12], опираясь на практику Конституционного Суда Российской Федерации, *к налоговым льготам традиционно относят любые преимущества, избирательно предоставляемые категориям плательщиков*. При этом Конституционный Суд последовательно исходит из того, что отмена льготы не тождественна умалению конституционных прав. Однако, как аргументированно отмечает автор, существует риск некритичного (инерционного) применения в конституционном судопроизводстве доктрины факультативности налоговых изъятий, что может порождать правовые коллизии [3].

Анализируя определения Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2021 г. № 608-О и 609-О, а также от 30 ноября 2021 г. № 2384-О, Е. М. Бачилова интерпретирует позицию высшего суда следующим образом: налоговые льготы, будучи «необязательными» (факультативными) элементами налога, лишены прямой связи с конституционными принципами [5, с. 52]. Следствием данной позиции является исключение судебной компетенции по оценке допустимости законодательных ограничений при применении таких льгот. Одновременно, основываясь на аргументации В. Н. Назарова [3, с. 24], Е. М. Бачилова подчеркивает, что ограничение компетенции Конституционного Суда Российской Федерации отнюдь не означает предоставления законодателю неограниченного права на немотивированное регулирование экономических льгот [5].

Важным аспектом проблемы выступает вопрос о пределах судебного вмешательства в законодательный процесс. Теоретически недопустимо предполагать, что требование о разделении властей позволяет суду обязать законодателя принять конкретный нормативный акт о введении налоговых льгот. Данный тезис находит подтверждение в практике Верховного Суда Российской Федерации⁷, который, ссылаясь на ст. 10 Конституции России, разъясняет самостоятельность и недопустимость вмешательства ветвей власти в компетен-

⁶ См. решения от 4 июня 2004 г. № 4091/04, от 27 октября 2004 г. № 4115/04, Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 21 июля 2009 г. № 3513/09.

⁷ См., в частности: Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2006 года (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 7 и 14 июня 2006 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 9.

цию друг друга. Таким образом, судебные органы лишены полномочий по принуждению законодательной или исполнительной власти к принятию или изменению нормативных актов.

Однако данная концепция не является абсолютной. Ярким примером служит Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 января 2001 г. № 2-П. В нем, признав отдельные положения Закона Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» неконституционными из-за неопределенности регулирования налога с продаж, Суд одновременно обязал законодателя привести их в соответствие с Конституцией России, установив предельный срок утраты силы оспоренных норм (не позднее 1 января 2002 г.)⁸. Это свидетельствует о возможности судебного предписания законодателю в целях устранения конституционных нарушений.

Дополнительную перспективу предлагает сравнительный анализ. Как отмечает Ш. Рекцигель, в германской правовой практике иски, оспаривающие непредоставление льгот, доступных другим лицам, иногда обозначаются как «иски из зависти» [7, с. 229] (Neidklagen). Примечательно, что удовлетворение подобных исков не является в Германии исключительным явлением, что ставит под сомнение тезис об их абсолютной бесперспективности.

Российская судебная практика также содержит знаковые прецеденты удовлетворения так называемых «исков из зависти» в пользу плательщиков. В частности, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 23 декабря 1999 г. № 18-П проанализирована законодательная норма, освобождавшая от страховых взносов лишь общероссийские общественные организации инвалидов⁹. Суд констатировал ее дискриминационный характер,

⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 января 2001 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта “д” пункта 1 и пункта 3 статьи 20 Закона Российской Федерации “Об основах налоговой системы в Российской Федерации” в редакции Федерального закона от 31 июля 1998 года “О внесении изменений и дополнений в статью 20 Закона Российской Федерации “Об основах налоговой системы в Российской Федерации”, а также положений Закона Чувашской Республики “О налоге с продаж”, Закона Кировской области “О налоге с продаж” и Закона Челябинской области “О налоге с продаж” в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами общества с ограниченной ответственностью “Русская тройка” и ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2001. № 3.

⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 декабря 1999 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 1, 2, 4 и 6 Федерального закона от 4 января 1999 года “О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1999 год” и статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1999 года “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1998 год” в связи с жалобами граждан, общественных организаций инвалидов и запросами судов» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2000. № 1.

указав, что установленные различия в предоставлении государственной поддержки между объединениями федерального и регионального уровней не имеют объективного обоснования и нарушают принцип равенства. Вследствие этого оспариваемое положение было признано неконституционным в части, лишающей такой льготы локальные организации инвалидов.

Аналогичная правовая позиция отражена в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2002 г. № 13-О¹⁰. Предметом рассмотрения стали нормы закона о налоге с имущества, переходящего по наследству, освобождавшие от уплаты лишь жилые дома, наследуемые инвалидами I и II групп, но не квартиры. Суд указал, что подобное избирательное исключение одного вида имущества (квартиры), обладающего равным правовым титулом, из общего льготного режима лишено логики и подрывает конституционные принципы равенства и справедливости. Соответственно, оспариваемая норма не могла служить основанием для отказа в освобождении от налога при наследовании инвалидами квартир.

Приведенные решения Конституционного Суда Российской Федерации убедительно демонстрируют, что доктрина факультативности налоговых льгот (включая вычеты, расходы, освобождения) не обладает абсолютной неизменностью и обнаруживает свою пластичность в исторической ретроспективе.

Примечательно, что, как обосновывает Д. В. Тютин, для налогоплательщика критически значим вопрос о невозможности применения вычетов и расходов. Отсутствие права на налоговые вычеты по НДС или учет расходов по налогу на прибыль функционально трансформирует эти платежи в квазиштрафные инструменты. Это проявляется в том, что: 1) налог на прибыль, вместо базы в виде чистого дохода, фактически взимается с валовой выручки; 2) НДС, лишенный механизма зачета входного налога, де-факто превращается в налог с оборота. Ключевым фактором, усиливающим этот штрафной эффект, выступают изначально высокие ставки соответствующих налогов. Совокупное действие невозможности уменьшения базы и сохранения значительных ставок приводит к чрезмерной фискальной нагрузке. Подобное положение, по мнению автора, потенциально нарушает принцип экономической обоснованности налогообложения (п. 3 ст. 3 НК РФ)¹¹.

Таким образом, в части, соответствующей экономическому содержанию объекта налогообложения, такие платежи сохраняют природу налога, тогда как избыточное бремя, обусловленное неприменением вычетов/расходов, приобретает характер фискальной санкции [8, с. 123].

Следует оговориться, что российская система знает и легитимные налоги без аналогичных механизмов компенсации (например, упрощенная система налогообложения «доходы» по ставке 6%). Однако их принципиальное отличие заключается в заведомо пониженной ставке, нивелирующей эффект отсутствия вычетов.

¹⁰ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2002 г. № 13-О «По жалобе гражданки Кулаковой Маргариты Ильиничны на нарушение ее конституционных прав абзацем пятым статьи 4 Закона Российской Федерации «О налоге с имущества, переходящего в порядке наследования или дарения»» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2002. № 4.

¹¹ Тютин Д. В. Налоговое право : учеб. 2021. Доступ из справочной правовой системы «Гарант».

Следовательно, в ряде ситуаций институты льгот (вычетов, расходов, освобождений) предстают не просто факультативными, а структурно необходимыми для сохранения правовой природы налога. Тем не менее сложившаяся судебная практика высших инстанций свидетельствует о малой перспективности оспаривания их отсутствия или недостаточности.

В поисках решения обозначенного противоречия представляется продуктивным обращение к фундаментальным правовым принципам. Путь к решению проблемы, вероятно, лежит через их системный анализ и поиск оптимального баланса в контексте конкретных фискальных механизмов.

Современная правовая наука констатирует присущую общеправовым принципам внутреннюю сложность. Как отмечает Д. В. Тютин, даже наиболее общепризнанные принципы, несмотря на их фундаментальное значение, способны вступать в явное или скрытое противоречие друг с другом¹². Схожую проблематику в сфере конституционного права подчеркивает Г. А. Гаджиев, указывая на нередкие коллизии между различными интерпретациями конституционных принципов, а также на их потенциальную внутреннюю противоречивость [9, с. 22]. Разрешение подобных конфликтов между конкурирующими конституционными принципами посредством их толкования Конституционным Судом Российской Федерации в процессе рассмотрения конкретных дел составляет, по его мнению, сущностное ядро конституционной политики, ориентированной на достижение гражданского консенсуса.

Теоретическая возможность и нормативная необходимость гармонизации противоборствующих начал обосновывается Р. Алекси [10, с. 89], утверждающим, что принципы подлежат сбалансированному соотношению, причем именно баланс выступает типичной формой их реализации. Н. А. Власенко, в свою очередь, признает факт конкуренции правовых принципов, акцентируя ее многогранный и комплексный характер [11, с. 52], что объективно усложняет задачу их согласования, возложенную на Конституционный Суд Российской Федерации [12, с. 48].

Практическое воплощение этой сложной задачи – «балансировки» принципов – демонстрируется Д. В. Тютиным на примере Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2017 г. № 39-П. В данном решении, как отмечает исследователь, требование правовой определенности (производное от принципа законности) было скорректировано в пользу принципов справедливости и равенства. Суд, рассматривая вопрос о продлении действия признанных неконституционными налоговых норм, принял во внимание не только права налогоплательщиков, но и охраняемые законом ожидания иных членов общества, связанные с реализацией бюджетных программ¹³.

Приоритет, хотя и временный, был отдан принципу справедливости перед принципом правовой определенности. Д. В. Тютин подчеркивает особый статус справедливости среди правовых принципов: разумный правоприменитель не допускает ее «принижения», а любое решение, связанное с балансировкой, по сути, обосновывается именно соображениями справедливости¹⁴. Данный

¹² Тютин Д. В. Указ. соч.

¹³ В том числе постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 30 января 2001 г. № 2-П, от 24 февраля 1998 г. № 7-П.

¹⁴ Тютин Д. В. Указ. соч.

взгляд, однако, контрастирует с позицией Федерального конституционного суда ФРГ, которую приводит Р. Алекси, согласно которой справедливость не относится к сфере законодательного усмотрения [10, с. 5–7].

Применительно к упомянутым актам (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 декабря 1999 г. № 18-П и Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2002 г. № 13-О) ретроспективный анализ в рамках обозначенного подхода позволяет выявить аналогичную корректировку приоритетов. В данных решениях требование правовой определенности (как проявление принципа законности) было скорректировано в пользу принципов справедливости и равенства. Основанием для подобного смещения акцентов послужило то, что, несмотря на четкость правового регулирования, законодатель необоснованно не освободил от уплаты страховых взносов (налога) определенную категорию плательщиков.

Соответственно, рассматриваемая проблема «безграничных возможностей» законодателя в регулировании некоторых налоговых льгот (вычетов, расходов, освобождений) сводится, по существу, к вопросу наличия (отсутствия) выявления необходимости «балансировки» принципов справедливости и законности (его следствия – требования правовой определенности) и (или) юридического равенства в случае их конфликта (противоречия).

Одна из причин, по которой пока не наблюдается судебных актов высших судебных органов, в которых бы был сделан вывод о неконституционности (несправедливости) отсутствия (недостаточности) в конкретном налоге льгот (вычетов, расходов, освобождений), по всей видимости, может быть раскрыта через подходы, высказанные Р. Алекси и Г. Радбрухом. Согласно концепции Р. Алекси, правовая система предполагает нормативный минимум, исключающий положения, достигающие уровня крайней несправедливости [10, с. 157]. Г. Радбрух, в свою очередь, аргументирует приоритет справедливости перед правовой стабильностью в ситуациях, когда действующая норма вступает в непримиримое противоречие с требованиями справедливости [13, с. 233, 234].

Анализ доктринальных позиций¹⁵ данных мыслителей позволяет заключить, что их подход не сводится к абсолютизации справедливости как ритуально-го требования (особенно с учетом широкого плюрализма мнений относительно справедливости конкретных норм или отраслей). Фундаментальный тезис заключается в установлении порога допустимости: правовые нормы не должны носить интолерантного характера, т. е. выходить за рамки минимально приемлемой справедливости.

Таким образом, представляется, что пока в позициях отечественных высших судебных органов отсутствие (недостаточность) некоторых налоговых льгот (вычетов, расходов, освобождений) в подавляющем объеме рассмотренных ими дел (за исключением, например, Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 23 декабря 1999 г. № 18-П и Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2002 г. № 13-О) не было крайне несправедливым. Разумеется, конкретные специалисты могут иметь (и зачастую имеют) на этот счет иное мнение. Однако следует полагать, что подобный вопрос так или иначе вполне может еще возникнуть в рамках конкретного дела, рассматриваемого, например, Конституционным Судом Рос-

¹⁵ См.: Тютин Д. В. Указ соч.

сийской Федерации, и именно тогда идея об отсутствии по существу компетенции данного Суда в рассматриваемом аспекте может быть скорректирована.

Во всяком случае, как отмечает Н. А. Власенко, в философии предлагается понимание принципа в прагматическом значении: нормативное веление, определенное аккумулированным знанием и целеполаганием [14, с. 64]. С этой точки зрения, по всей видимости, «аккумулированное знание» и «целеполагание» в правовой науке и в практике высших судебных органов по вопросам налоговых льгот (вычетов, расходов, освобождений) еще должны достичь некой «критической массы» для того, чтобы через «балансировку» принципов права признать ограниченной компетенцию законодателя в этой сфере.

Обсуждение и заключение

Настоящее исследование затрагивает ключевые проблемы правового регулирования налоговых льгот преимущественно в интерпретации высших судебных органов. Хотя сложившая судебная практика признает установление налоговых преференций (льгот, вычетов, расходов, освобождений) исключительно прерогативой законодателя, в работе приведена и иная позиция.

Авторы утверждают, что отдельные правовые конструкции налога способны обеспечить справедливость налогообложения только при наличии адекватных налоговых преференций. Критическая значимость последних проистекает из их роли как фактора стабильности государственной финансовой системы: отсутствие необходимых механизмов налогового смягчения приводит к формированию фискальной нагрузки, несоразмерной экономическим результатам деятельности налогоплательщика.

Подобная диспропорция, нарушая принцип разумности при изъятии доли дохода в пользу государства, потенциально дестабилизирует финансовую систему, подрывая баланс между фискальными интересами и экономической жизнеспособностью субъектов хозяйствования.

Список источников

1. Федосимов Б. А. Правовое регулирование налогового льготирования в Российской Федерации : моногр. Чебоксары : Среда, 2025. 220 с.
2. Сасов К. А. Налоговые льготы в свете решений Конституционного Суда РФ // Налоговые споры: теория и практика. 2006. № 4. С. 9–15.
3. Назаров В. Н. О противоречиях в правовой позиции Конституционного Суда РФ в спорах о налоговых льготах // Налоги. 2008. № 3. С. 23–26.
4. Тарибо Е. В. Судебно-конституционная доктрина «факультативности налоговых льгот»: пределы применения // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 2. С. 10–17.
5. Бачилова Е. М. Компетенция КС РФ в отношении законодательства о налоговых льготах: где пределы? // Налоговед. 2022. № 5. С. 51–57.
6. Энциклопедия российского финансового права / под ред. Е. Ю. Грачевой, Р. Е. Артюхина. М. : Проспект, 2024. 1138 с.
7. Рекцигель Ш. Выступление на «круглом столе» с участием иностранных гостей // Налоговое право в решениях Конституционного Суда РФ 2007 г. М. : Статут, 2009. 400 с.

8. Попкова Ж. Г. «Штрафные налоги» в правовой системе России // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 9. С. 121–128. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.73.9.121-128.
9. Гаджиев Г. А. Принципы права и право из принципов // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2. С. 22–45.
10. Алекс Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) : пер. с нем. М. : Инфотропик Медиа, 2011. 192 с.
11. Власенко Н. А. Конкуренция принципов права // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 46–53.
12. Гаджиев Г. А., Баренбойм П. Д., Лафитский В. И. и др. Конституционная экономика / отв. ред. Гаджиев Г. А. М. : Юстицинформ, 2010. 256 с.
13. Радбрух Г. Философия права : пер. с нем. М. : Междунар. отнош., 2004. 240 с.
14. Власенко Н. А. Методологические основания исследования правовых ценностей: моногр. М. : Норма, 2023. 200 с.

References

1. Fedosimov, B. A. *Legal regulation of tax incentives in the Russian Federation*. Monograph. Cheboksary: Sreda; 2025. 220 p. (In Russ.)
2. Sasov, K. A. Tax benefits in the light of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Nalogovye spory: teoriya i praktika = Tax Disputes: Theory and Practice*. 2006;(4):9-15. (In Russ.)
3. Nazarov, V. N. On contradictions in the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation in disputes on tax benefits. *Nalogi = Taxes*. 2008;(3):23-26. (In Russ.)
4. Taribo, E. V. Judicial and constitutional doctrine of “optional tax benefits”: limits of application. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya = Journal of Constitutional Justice*. 2013;(2):10-17.
5. Bachilova, E. M. Competence of the Constitutional Court of the Russian Federation in relation to legislation on tax benefits: where are the limits? *Nalogoved = Tax Specialist*. 2022;(5):51-57. (In Russ.)
6. Gracheva, E. Yu., Artyukhin, R. E., eds. *Encyclopedia of Russian financial law*. Moscow: Avenue; 2024. 1138 p. (In Russ.)
7. Reczigel, S. Speech at the “round table” with the participation of foreign guests. *Tax law in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, 2007*. Moscow: Statute; 2009. 400 p. (In Russ.)
8. Popkova, Zh. G. “Penal taxes” in the Russian legal system. *Courier of Kutafin Moscow State University (MSAL)*. 2020;(9):121-128. (In Russ.) DOI: 10.17803/2311-5998.2020.73.9.121-128.
9. Gadzhiev, G. A. Principles of law and law of principles. *Comparative Constitutional Review*. 2008;(2):22-45. (In Russ.)
10. Alexi, R. *The concept and validity of law (a response to legal positivism)*. Transl. from Germ. Moscow: Infotropic Media; 2011. 192 p. (In Russ.)
11. Vlasenko, N. A. Competition of the principles of law. *Legal Technology*. 2020;(14):46-53. (In Russ.)

12. Gadzhiev, G. A., Barenboim, P. D., Lafitskiy, V. I., et al. *Constitutional economics*. Ed. G. A. Gadzhiev. Moscow: Yustitsinform; 2010. 256 p. (In Russ.)
13. Radbruch, G. *Philosophy of law*. Transl. from Germ. Moscow: Mezhdunaronye ontosheniya; 2004. 240 p. (In Russ.)
14. Vlasenko, N. A. *Methodological foundations of the study of legal values*. Monograph. Moscow: Standard; 2023. 200 p. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Цинделиани Имеда Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой финансового права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Imeda A. Tsindeliani, Cand. Sci (Law), Associate Professor, Head of the Financial Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Садовская Татьяна Дмитриевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Tatyana D. Sadovskaya, Cand. Sci (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Financial Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Попкова Жанна Георгиевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 603022, Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 17а).

Zhanna G. Popkova, Cand. Sci (Law), Associate Professor, Associate Professor at the State and Legal Disciplines Department, Volga Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (17a Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 11.06.2025; одобрена после рецензирования 01.07.2025; принята к публикации 24.11.2025.

The article was submitted 11.06.2025; approved after reviewing 01.07.2025; accepted for publication 24.11.2025.

Научная статья

УДК 347.941.5

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.77-94

Коллективный административный иск: расширение условий обращения

**Светлана Закошуовна Женетль¹,
Сергей Андреевич Митрачков²**

*^{1, 2} Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация*

¹ 25.12@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3632-8134>

² mitrachkov.s@mail.ru

Аннотация

Введение. Работа посвящена исследованию путей совершенствования условий обращения в суд с коллективным административным иском и роли судейского усмотрения в регулировании таких исков.

Методы. При подготовке статьи использовались общенаучные методы познания (анализа, синтеза, абстрагирования, функционального подхода, системного подхода), а также частноправовые методы (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Результаты исследования. Авторы оценивают предложения о совершенствовании оснований обращения с коллективным административным иском путем включения: условия географической разобщенности членов группы, условия финансовой возможности предъявления административными истцами самостоятельных административных исков, а также полномочие суда оставить коллективный административный иск без рассмотрения по собственной инициативе даже при наличии формальных оснований для его принятия к производству. **Обсуждение и заключение.** Авторы приходят к выводу о целесообразности внедрения дополнительных требований географической разобщенности участников группы при выработке соответствующих указаний судами первой кассации и финансовой возможности предъявления самостоятельного административного иска, а также определяют пределы судейского усмотрения в их регулировании. При этом отстаивается позиция, согласно которой суд не должен иметь права оставлять коллективный административный иск без рассмотрения ввиду его нецелесообразности по делам об оспаривании нормативных правовых актов, ненормативных актов или о защите избирательных прав.

Ключевые слова: коллективный административный иск, судейское усмотрение, географическая разобщенность участников группы, финансовая возможность предъявления самостоятельного административного иска

Для цитирования: Женетль С. З., Митрачков С. А. Коллективный административный иск: расширение условий обращения // Правосудие. 2025. Т. 7, № 4. С. 77–94. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.77-94.

Original article

Class Administrative Action: Extention of the Conditions of Recourse

Svetlana Z. Zhenetl¹, Sergey A. Mitrachkov²

^{1, 2} *Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation*

¹ *25.12@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3632-8134>*

² *mitrachkov.s@mail.ru*

Abstract

Introduction. The study is devoted to improving the conditions of recourse to the court with class administrative action and focuses on the role of judicial discretion in their regulation.

Methods. In the preparation of article were used the general scientific methods (analysis, synthesis, abstraction, functional approach, system approach) as well as private law methods (formal-legal, comparative-legal).

Results. The authors assess the proposals to improve the legal grounds for filing a class administrative action by including: condition of geographical separation of members of the group, condition of financial possibility for administrative claimants to file independent administrative actions, as well as the authority of the court to dismiss a class action on its own initiative, even if there are formal grounds for bringing it.

Discussion and Conclusion. The authors conclude that it is reasonable to introduce additional requirements of geographical separation of members of the group and the financial possibility of filing an independent administrative claim, and also determine the limits of judicial discretion in their regulation. It is argued that the court should not have the right to leave a collective administrative action out of consideration because of its impracticability in cases of challenge of normative legal acts, non-regulatory acts or protection of electoral rights.

Keywords: class administrative action, judicial discretion, geographical separation of members of the group, the financial possibility of filing an independent administrative claim

For citation: Zhenetl, S. Z., Mitrachkov, S. A. Class administrative action: extention of the conditions of recourse. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(4):77-94. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.77-94.

Введение

15 сентября 2015 г. в законную силу вступил Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, ст. 42 которого была посвящена нормативному регулированию обращения в суд группы лиц с коллективным исковым заявлением. Таким образом, в российское административное судопро-

производство была привнесена конструкция группового иска, с 2009 г. известная арбитражному процессу.

За последние годы вышло несколько важных исследований, посвященных производству по групповым искам и ставящих вопрос о расширении состава оснований их принятия¹, которые при текущих условиях правового регулирования будут основаны на широкой судебской дискреции.

На исследование выносятся вопрос целесообразности данных предложений в административном судопроизводстве, ориентированном на построение наиболее эффективного регулирования споров, связанных с проверкой законности и обоснованности осуществления государственных и иных публичных полномочий.

Методы

При подготовке статьи использовались общенаучные методы познания (анализа, синтеза, абстрагирования, функционального подхода, системного подхода), а также частноправовые методы (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Результаты исследования

В. В. Долганичев предлагает дополнить действующие положения закона условиями пространственной (географической) разобщенности и финансовой возможности предъявления самостоятельных исков. При этом автор оговаривает, что указанные условия должны носить субсидиарный характер и учитываться лишь дополнительно к количественному фактору, если число участников группы не соответствует минимальному размеру, установленному законом [1, с. 75–76].

С точки зрения Д. А. Туманова, суд должен обладать возможностью «...определять целесообразность рассмотрения требований в рамках группового иска (даже при наличии или отсутствии установленных в законе условий для этого)» [2, с. 167].

В. А. Колотов в диссертационном исследовании разделяет данную позицию, добавляя, что суд должен обладать правом оставить групповой иск без рассмотрения в тех случаях, когда необходимо установление значительного числа фактов, входящих в предмет доказывания и относящихся к конкретным членам группы, а также если возможно рассмотреть дело в порядке соучастия и это не будет обременительно для участников в части судебных расходов, удаленности от суда и иных обстоятельств [3, с. 7].

Указанные условия отличаются нечеткостью, абстрактностью и общим характером, что в случае закрепления их в процессуальном законодательстве будет являться основанием отнесения их к оценочным понятиям.

Подобное «свободное» законодательное регулирование А. В. Кононова рассматривает в качестве отдельного вида руководства процессом – оценочного, отданного на усмотрение суда [4, с. 170]. Аналогичным образом М. Б.-А. Экажев указывает, что оценочные нормы позволяют суду проявить собственную свободу [5, с. 285]. Следовательно, вопрос о внедрении новых условий коллективного административного иска тесно связан с проблематикой категории «судейское усмотрение», содержание которой в юридической науке по-прежнему является дискуссионным.

¹ Конкретные позиции будут рассмотрены нами далее.

В доктрине усмотрение рассматривается в качестве дискреционного полномочия уполномоченного лица на принятие решения в рамках, определенных законом [6].

М. К. Истомина указывает, что судебское усмотрение связано с «...толкованием правовой нормы и выбором варианта решения из нескольких альтернатив» при использовании судьей своего мировоззрения и личного опыта².

Судебное усмотрение в административном судопроизводстве по правилам КАС РФ стало предметом отдельного исследования Т. В. Федоровой. Автор указывает, что судебское усмотрение в административном судопроизводстве можно рассматривать в двух аспектах: в аспекте толкования права и в аспекте целесообразного выбора процессуальных действий из предлагаемых в законе [7, с. 37].

С точки зрения Е. В. Михайловой, судебное усмотрение определяется как субъективная позиция суда по возникшему в ходе отправления правосудия, прямо не урегулированному вопросу, основанная как на нормах и принципах права, так и на морали и нравственности [8, с. 16–17].

Проблема судебного усмотрения была предметом рассмотрения ряда диссертационных исследований теоретиков права. А. Н. Берг под судебным усмотрением понимает элемент судебного правоприменения, представляющий собой выбор мотивированного, законного и обоснованного решения, совершаемого судьей по конкретному юридическому делу в пределах, установленных нормой права [9, с. 8].

К. П. Ермакова рассматривала указанную категорию как властную деятельность суда по осуществлению правосудия, состоящую в использовании интеллектуально-волевого механизма, позволяющего суду произвести выбор варианта решения юридического дела [10, с. 8].

А. А. Никитин, не разграничивая понятий «правовое усмотрение» и «усмотрение в праве», понимал усмотрение как «...выбранное на основе представлений и (или) знаний о предписаниях правовых норм решение по вопросу, имеющему юридическое значение, и выраженное в определенных деяниях в правотворческой, правореализационной, правоинтерпретационной сферах, либо в общей модели правового поведения данного субъекта» [11, с. 9–10].

К вопросу о содержании понятия «судебное усмотрение» тесно примыкает вопрос об определении «дискреционных полномочий суда». Например, М. И. Клеандров [12, с. 315; 2, с. 9] и К. В. Пронин [13, с. 9] отождествляют эти понятия. Н. Ш. Гаджиалиева рассматривает дискреционные полномочия не только как возможность выбора одного из нескольких вариантов решения, указанных в законе, но и как средство преодоления коллизий и пробелов в правовом регулировании, обеспечения правовой определенности права и правоприменительной практики [14, с. 103].

Для целей настоящей работы мы исходим из того, что *судебское усмотрение* – это интеллектуальная и творческая деятельность суда, которая а) предусмотрена и ограничена правовыми нормами; б) направлена на выбор вариан-

² Истомина М. К. Судебное усмотрение в гражданском судопроизводстве. URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fesb.rgup.ru%2Frimg%2Ffiles%2F112%2F1%2F6.docx&wdOrigin=BROWSELINK> (дата обращения: 02.12.2025).

та решения правового вопроса [15, с. 143], а также из тождественности понятия судебного усмотрения и дискреционного полномочия суда.

Рассматривая вопрос о возможности привнесения фактора географической разобщенности в состав условий коллективного административного иска, можно увидеть, что его применимость не может носить универсального характера для всех категорий споров, регулируемых КАС РФ. По некоторым типам споров, выделяемым по подсудности или по предмету оспаривания, он не нужен.

Если в случае оспаривания нормативного правового акта федерального уровня вполне возможно использование условия географической разобщенности, то в случае оспаривания нормативного правового акта представительного органа муниципального образования или органа государственной власти субъекта Российской Федерации уже возможны разные варианты, зависящие от площади, степени развития дорожной и транспортной инфраструктуры рассматриваемого субъекта Федерации.

Очевидно, что в небольшой по площади Калининградской области (15,1 тыс. кв. км³) условие пространственной разобщенности участников коллективного административного иска не будет иметь смысла при оспаривании нормативного правового акта, нарушающего права жителей и юридических лиц данного субъекта Российской Федерации.

В. В. Долганичев не видел необходимости в применении данного условия в том случае, если «потенциальные участники находятся в одном субъекте Российской Федерации» [1, с. 75], опираясь на критический анализ американского опыта. Вместе с тем в случае подачи коллективного административного иска, например, об оспаривании нормативного правового акта органа государственной власти, нарушающего права жителей и юридических лиц Республики Саха (Якутия), в Верховный суд указанной Республики рассматриваемый фактор уже может играть важную роль, поскольку субъект Федерации имеет большую площадь (3083,5 тыс. кв. км⁴) при общем отставании в развитии дорожно-транспортной инфраструктуры, фиксируемом на 2024 г.⁵ Представляется, что при принятии пространственной (географической) разобщенности в качестве субсидиарного условия коллективного административного иска нельзя исходить из формального представления о ней как о местах жительства (нахождения) истцов в разных субъектах Российской Федерации. В противном случае сложится ситуация, при которой лица, проживающие (находящиеся) рядом, хотя и в разных субъектах Российской Федерации, в условиях развитой дорожно-транспортной инфраструктуры смогут определяться в качестве членов группы лиц в соответствии со ст. 42 КАС РФ, но в то же время лица, проживающие (находящиеся) в одном субъекте Федерации, не будут признаваться та-

³ Портал Правительства Калининградской области. URL: <https://gov39.ru/press/region/> (дата обращения: 03.12.2025).

⁴ Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/services/reference/9377/> (дата обращения: 03.12.2025).

⁵ Глава Якутии заявил о необходимости развития транспортной инфраструктуры // ТАСС : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20240903/yakutiya-1970238280.html> (дата обращения: 30.11.2025).

ковыми, даже если их разделяют большие расстояния и неудовлетворительная транспортная доступность.

Схожее положение может складываться при рассмотрении дел о защите избирательных прав граждан и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации в порядке главы 24 КАС РФ на уровнях родовой подсудности Верховного Суда Российской Федерации и областных или равных им по компетенции судов.

Вместе с тем по делам об оспаривании избирателями (участниками референдума) решений, действий (бездействия) органа местного самоуправления, иного органа, избирательной комиссии, комиссии референдума, должностного лица, нарушающих избирательные права граждан, о назначении местного референдума, рассматриваемым в качестве суда первой инстанции районным судом, условие пространственной разобщенности бесполезно, поскольку участники группы лиц будут проживать на территории одного муниципалитета.

В спорах, рассматриваемых по правилам главы 22 КАС РФ, критерий географической разобщенности участников группы также может применяться. Однако нужно принять во внимание, что уместность рассматриваемого условия в подобных делах зависит от специфики предмета оспаривания. Так, в делах об оспаривании действия (бездействия) или решения судебного пристава-исполнителя значительный географический разброс истцов, затрудняющий полноценное участие в процессе, встречается на практике, поскольку в силу ч. 1 ст. 22 КАС РФ подсудность данных споров определяется по месту нахождения органа принудительного исполнения. Кроме того, ч. 1.1 ст. 22 КАС РФ устанавливает особую подсудность при оспаривании решения судебного пристава-исполнителя, принятого в автоматическом режиме, по месту совершения исполнительных действий или применения мер принудительного исполнения либо по месту ведения исполнительного производства, по которому принято оспариваемое решение. В соответствии с ч. 1, 2 ст. 33 Федерального закона «Об исполнительном производстве»⁶ местом совершения исполнительного действия и применения мер принудительного исполнения является место жительства, пребывания гражданина, юридический адрес организации (ее представительства, филиала) или местонахождение имущества должника, которое, как и место нахождения органа службы судебных приставов, может не совпадать с географическим положением взыскателей. Места нахождения последних могут быть разбросаны по всей территории государства.

С другой стороны, например, по делам о признании незаконным решения представительного органа муниципального образования о реорганизации муниципальных образовательных учреждений географическую разобщенность участников едва ли целесообразно признавать в качестве условия коллективного административного иска, поскольку группа будет формироваться из местных жителей, в первую очередь родителей детей, обучающихся в реорганизуемом учреждении.

Анализ судебной практики показывает, что еще одной категорией дел административного судопроизводства, по которой возможно обращение в суд с коллективным иском, является производство об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости недвижимого имущества, об оспарива-

⁶ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

нии решений и действий (бездействия) бюджетного учреждения, связанных с определением кадастровой стоимости в порядке главы 25 КАС РФ. Учитывая, что споры, связанные с определением кадастровой стоимости, затрагивают интересы их правообладателей не только в сфере налоговых или земельных отношений, но и в сфере гражданского оборота (на что в свое время обращал внимание Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации⁷), участники коллективного административного иска по данной категории споров в условиях единства экономического пространства и свободы экономической деятельности (ч. 1 ст. 8 Конституции Российской Федерации) также могут быть широко разбросаны по территории Российской Федерации.

Таким образом, в ряде категорий споров по коллективному административному иску применение фактора географической разобщенности членов группы в качестве условия принятия данного иска может быть вполне целесообразным. Однако остается открытым вопрос о том, каким образом определять выполнение данного условия. Как нами было указано, привязка к федеративному устройству несостоятельна вследствие как пространственной разницы между субъектами Российской Федерации, так и неравномерности развития их дорожно-транспортной инфраструктуры.

Другой вариант проистекает из специфики критерия географической разобщенности как оценочного понятия и заключается в отнесении данного условия к сфере судейского усмотрения с возложением бремени доказывания соответствия коллективного административного иска этому критерию на группу административных истцов. Однако здесь нужно отметить, что в настоящее время сложилась практика⁸, при которой суды неверно трактуют смысл условий принятия коллективного административного иска, уже закрепленных в КАС РФ и сформулированных достаточно четко. При таком положении возникают обоснованные опасения относительно того, что судьи, не будучи готовыми в каждом конкретном деле оценивать степень географической разобщенности без опоры на некие ориентирующие указания, станут массово отказывать в рассмотрении таких коллективных административных исков.

Представляется, что решение проблемы должно лежать в сфере установления определенных пределов судейского усмотрения, что обеспечит обоснованность и справедливость его применения [16, с. 283].

Проблема пределов судейского усмотрения также была в фокусе внимания ученых-правоведов.

Так, А. Н. Берг дает следующее определение: «...правовые рамки, установленные управомоченными субъектами с помощью правовых юридических средств, четко ограничивающие объем применения права» [9, с. 9].

В свою очередь, К. П. Ермакова добавляет, что правовые пределы судебного усмотрения могут быть связаны в том числе с практикой применения норм и принципов права, а также выделяет отдельную категорию нравственно-правовых пределов судебного усмотрения, которые, впрочем, должны быть формально закреплены [10, с. 8–9].

⁷ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2011 г. № 12651/2011 по делу № А46-13112/2010. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Примеры подобной практики будут рассмотрены нами далее.

Позиция А. А. Никитина, по сути, синтезирует вышеприведенные определения. Вместе с тем наряду с правовыми и морально-правовыми им выделяются и внеправовые пределы судебного усмотрения – политические, экономические, социальные и другие условия, ограничивающие свободу выбора субъектом права варианта правового поведения [11, с. 11–12].

Вместе с тем О. А. Папкова в своей монографии выстраивает целую систему пределов усмотрения суда, которые подразделяются на общие и специальные. К общим пределам – нормативно закрепленным, обобщающим и встречающимся при рассмотрении практически любого дела в суде – автор относит: предмет усмотрения, субъекта усмотрения, процессуальные сроки, независимость судей и задачи судопроизводства. Специальные же пределы отражают особенности судебской дискреции в рамках производства по конкретному делу в суде. К ним О. А. Папкова относит условия альтернативных юридических норм, условия относительно-определенных норм, а также категории добросовестности, справедливости, разумности, целесообразности и нравственности [17, с. 75–76].

Как можно увидеть, инструментарий ограничения судебного усмотрения предельно широк. Однако далеко не все варианты смогут эффективно установить пределы судебного усмотрения в принятии решения о соблюдении условия географической разобщенности участников коллективного административного иска. С. В. Потапенко указывает, что использование нравственных категорий применительно к регулированию процессуальных правоотношений спорно⁹. Мы солидарны с данным утверждением применительно к установлению фактора географической разобщенности, поскольку процессуальная форма характеризуется, в числе прочего, свойством нормативности, которое проявляется в том, что судопроизводство осуществляется только в правовой форме¹⁰. Нравственные категории, облеченные в правовую форму, нерелевантны с точки зрения достижения поставленной цели. Применение же нелегализованных внеправовых пределов прямо противоречит положению ч. 4 ст. 1 Федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации»¹¹ и ст. 7 КАС РФ.

Таким образом, методом исключения мы приходим к тому, что эффективным регулятором судебного усмотрения может быть только установление правовых пределов. Указанные пределы могут быть установлены не только законом, но и актом, содержащим толкование закона [8, с. 15]. Следовательно, кассационные суды общей юрисдикции, действуя на территории соответствующих кассационных округов и занимаясь в том числе анализом и обобщением сложившейся судебной практики в пространственных пределах своей компетенции, должны обладать наиболее точными сведениями о факторах, которые могут обусловить географическую разобщенность административных истцов, а потому смогут выработать наиболее релевантные указания для нижестоящих судов общей юрисдикции.

⁹ Потапенко С. В. Правовые пределы судебного усмотрения в гражданском судопроизводстве. URL: <https://pro-sud-123.ru> (дата обращения: 25.11.2025).

¹⁰ Андреева Т. К., Аргунов В. В., Борисова Е. А. и др. Гражданский процесс : учеб. / под ред. В. В. Молчанова. М. : Статут, 2025. С. 39.

¹¹ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Подобное решение проистекает и из организационно-правовых проблем, возникших в результате проведения реформы судоустройства, на которые указывается в науке. Так, Е. А. Борисова отмечает, что при проведении реформы судоустройства следовало создать больше кассационных судов общей юрисдикции, поскольку текущее их количество не в состоянии обеспечить оптимизацию судебной нагрузки и повышение качества отправления правосудия [18, с. 132–134]. Кроме того, автор указывает и на неудачность выбора мест постоянного пребывания некоторых кассационных судов общей юрисдикции, ограничивающую доступность правосудия, иллюстрируя это примером Восьмого кассационного суда общей юрисдикции [2, с. 136–137].

Представляется, что такие обстоятельства могут послужить своеобразными «источниками» для выработки наиболее объективных указаний относительно выполнения условия географической разобщенности коллективных административных истцов: сталкиваясь с ними каждый день в своей работе, указанные суды формируют своими актами ценный эмпирический материал, который может быть использован их президиумами для этой цели.

Исторически сложившаяся в американских судах практика исходит в том числе из того, что для выполнения рассматриваемого условия необходимо, чтобы места нахождения членов группы были рассредоточены по разным судебным округам¹². Однако специфика российского судоустройства такова, что даже находящиеся в пределах одного кассационного округа члены группы могут быть настолько разобщены в пространстве при неудовлетворительном состоянии транспортной инфраструктуры, что их местоположение помешает им участвовать в судебном разбирательстве на общих основаниях процессуального соучастия.

Вместе с тем необходимо оговориться, что КАС РФ в действующей редакции содержит особенность применительно к кассационному обжалованию дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации. Кассационная жалоба по указанной категории административных дел в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 319 КАС РФ подается в Судебную коллегию по административным делам Верховного Суда Российской Федерации. Фактически такие дела рассматриваются в кассационном порядке только один раз, что само по себе неправомерно, поскольку, как отмечает Е. А. Борисова, противоречит ст. 23.6 Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [18, с. 147–148]. В контексте же наших рассуждений это означает невозможность формулирования указаний относительно выполнения условия географической разобщенности коллективных административных истцов на уровне кассационных судов общей юрисдикции.

Что касается условия финансовой возможности предъявления самостоятельного административного иска, то, на наш взгляд, оно весьма актуально. Более того, в какой-то степени уже созданы условия для учета этого фактора, поскольку в соответствии с ч. 5 ст. 42 КАС РФ в случае обращения в суд еще одного лица с административным исковым заявлением, требование которого аналогично требованию коллективного иска, уже находящегося в производстве суда, суд предлагает ему присоединиться к коллективному заявлению. Подчеркиваем – не может предложить, а именно предлагает, косвенным образом влияя на оптимизацию судебных расходов. А дальше административный истец, реализуя принцип диспозитивности, уже сам решает, как ему

¹² 197 F. Supp. 866; 23 F.R.D. 64; 361 F. Supp. 235; 73 F.R.D. 131.

выгоднее: в порядке производства по коллективному или индивидуальному иску.

Если мы обратимся к англо-американской практике, то увидим, что финансовая оптимизация является одним из важнейших оснований использования коллективных или групповых исков (можно вспомнить, например, фундаментальное исследование Ричарда Познера «Экономический анализ права» [19, с. 761, 767]).

Подобный взгляд в целом соответствует и духу позиции, выраженной в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 10 апреля 2025 г. № 16-П, в котором указано: «Некоторые граждане все равно могут быть лишены фактической возможности, несмотря на льготы, предоставленные налоговым законодательством, в связи с чем федеральным законодателем также предусмотрено право суда освободить от уплаты государственной пошлины, уменьшить ее размер, предоставить отсрочку или рассрочку ее уплаты по ходатайству того лица, которое полагает, что его имущественное положение не позволяет произвести уплату государственной пошлины в полном или даже частичном размере при обращении в суд»¹³. Важен контекст принятия данного Постановления: в 2024 г. государственные пошлины по делам, рассматриваемым судами, пропорционально возросли. Например, в соответствии с подп. 6 п. 1 Налогового кодекса Российской Федерации при подаче индивидуального административного иска об оспаривании нормативного правового акта государственная пошлина для физических лиц составляет 4000 руб. Это примерно четверть прожиточного минимума (с 1 января 2025 г. размер федерального прожиточного минимума на душу населения – 17 733 руб. в месяц) и примерно шестнадцатая часть медианной зарплаты¹⁴. Представляется, что в оценке финансовой возможности обращения в суд с индивидуальным административным иском суд может быть ограничен только специальными пределами усмотрения, установленными в соответствующей относительно-определенной норме, а также исходя из внутреннего убеждения, основанного на разумности, справедливости, нравственности и т. д.

В отличие от положений ГПК РФ и АПК РФ о групповых исках, п. 1 ч. 1 ст. 42 КАС РФ уже с момента его принятия содержит (в буквальном истолковании) предписание суду оценивать, насколько многочисленность или неопределенность членов группы затрудняет рассмотрение требований в индивидуальном порядке или в порядке соучастия.

Как считает В. А. Колотов, «данная норма ориентирует суды при решении вопроса о соблюдении условий для возбуждения группового производства руководствоваться не только формальным количественным критерием группы, но и проверять, насколько затруднительно членам группы будет защитить свои права путем предъявления самостоятельных исков или в порядке соучастия» [3, с. 36]. При этом то, что «подобных положений не содержится в аналогичном институте арбитражного и гражданского судопроизводства... может привести некоторых судей к... выводу о том, что групповое производство должно вос-

¹³ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ По данным исследования «Сбераналитики» и «Работы.ру», в первом квартале 2025 г. медианная зарплата в России составила 66 700 руб. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23978579> (дата обращения: 01.12.2025).

приниматься как процедура, альтернативная соучастию» [3, с. 36–37]. Таким образом, автор рассматривает указанное положение как безусловно позитивное и призывает к реформированию группового производства по правилам ГПК РФ и АПК РФ в соответствующем направлении.

А. Ф. Воронов, напротив, отмечает сложность доказывания наличия обстоятельств, затрудняющих производство по коллективному административному иску, предлагая изъять данное указание из ст. 42 КАС РФ [20, с. 58].

Большая часть исследователей при интерпретации положения исходит из того, что сама множественность лиц инициаторов процесса свидетельствует о затруднительности разрешения требований в индивидуальном порядке или в порядке соучастия [21, с. 38; 22, с. 13; 23, с. 54]. Данная позиция представляется более верной исходя из системного толкования норм ГПК РФ и АПК РФ о групповых исках и ст. 42 КАС РФ. Кроме того, буквальное истолкование рассматриваемого положения вступает в некоторое противоречие с логикой построения ст. 42 КАС РФ, поскольку в ч. 2 ст. 42 прямо указано, что дела по коллективному административному иску рассматриваются, если к такому иску присоединилось двадцать или более лиц. Тем самым количественно раскрывается категория многочисленности как обязательное условие такого иска. При этом отсутствует даже приблизительный перечень фактов, при которых подобная многочисленность или неопределенность круга лиц могут затруднить рассмотрение индивидуальных дел. Также неясно, почему законодатель, «желая» отвести важную роль в регулировании условий коллективного административного иска усмотрению судьи, связывает факт затруднительности именно с многочисленностью или неопределенностью круга лиц, не сформулировав его в качестве отдельного пункта или условия.

Возвращаясь к возможности оставления группового иска без рассмотрения по инициативе суда, необходимо иметь в виду, что некоторые суды, несмотря на отсутствие ее формального закрепления, де-факто оставляют без рассмотрения коллективные административные иски, указывая, что по существу защищается не коллективный интерес, а индивидуальные интересы и что «коллективное исковое заявление по смыслу положений ст. 42 КАС РФ не предполагает необходимости судебного установления фактических обстоятельств, связанных с каждым из административных истцов, для рассмотрения такого иска достаточно лишь заявления лица о его присоединении к уже заявленным и находящимся в производстве суда требованиям, такое заявление может быть сделано на любом этапе до рассмотрения судом спора (ч. 2 ст. 42 КАС РФ)»¹⁵.

Как показывает анализ судебной практики, подобного подхода могут придерживаться и кассационные суды общей юрисдикции.

Так, Третий кассационный суд общей юрисдикции в определении по делу о признании проекта планировки территории с проектом межевания недействительным в части установления красных линий и линии допустимого размещения зданий указал: «Заявляя коллективный административный иск, граждане по существу защищают не общий, а индивидуальный интерес, направленный на восстановление земельных прав каждого в отдельности, что не

¹⁵ Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 10 ноября 2021 г. № 66а-1720/2021. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

соответствует понятию коллективного обращения, содержащемуся в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации, и исключает возможность подачи коллективного административного иска»¹⁶. Кассационным судом также указывается, что «однородность предмета спора и оснований как критерий означает, что все члены группы имеют совпадающие по характеру требования». При этом содержание понятия «характер требования» не раскрывается.

Здесь нужно отметить следующее. Суды, указывая, что коллективным административным иском должен защищаться некий общий коллективный интерес, очевидно, исходят из концепции единого правоотношения, придавая коллективному иску характер, близкий к обязательному соучастию. И такой подход трудно связать с действующим регулированием, построенным на идее не единства, но однородности предмета и оснований спора (п. 2 ч. 1 ст. 42 КАС РФ). Аргумент о том, что ст. 42 КАС РФ не предполагает установления фактических обстоятельств, связанных с каждым из группы лиц, представляется ошибочным, так как в соответствии с ч. 3 ст. 42 КАС РФ группа лиц поручает ведение дела в своих интересах определенному лицу, которое, являясь истцом-представителем группы лиц, «посредником» между административными истцами и административным ответчиком, а также судом, и выполняет доказательственную функцию, возложенную на сторону административных истцов в процессе.

Изучение указанных судебных актов подводит нас к новому вопросу, касающемуся пределов судебского усмотрения в производстве по коллективному административному иску: может ли суд в административном судопроизводстве обладать правом оставить коллективный административный иск без рассмотрения ввиду, по его мнению, нецелесообразности?

На наш взгляд, подобный вопрос скрывает в себе проблему соотношения публичных и частноправовых начал в регулировании коллективного административного иска, проблему метода регулирования. Насколько судебское усмотрение, являющееся проявлением частного в процессе, вообще характерно для метода административного судопроизводства (по сути скорее публичного), что буквально растворено в предусматриваемом КАС РФ процессуальном порядке?

Здесь нужно вспомнить, что важная роль в определении или даже, в каком-то смысле, в предопределении процессуального регулирования принадлежит характеру материального спора.

Исследования взаимного влияния материально-правового регулирования и процессуальной формы уже далеко не новы для науки гражданского и арбитражного процесса. Необходимость подобных работ была обоснована еще в прошлом веке. Так, Р. Е. Гукасян и Н. В. Ченцов указывали, что подобные исследования, «во-первых... полезны для практики в силу своего прикладного значения. Во-вторых, они полезны для развития теории советского гражданского процессуального права, совершенствования процессуальных институтов. При исследовании отдельных категорий гражданских дел полнее и всесто-

¹⁶ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17 марта 2021 г. № 88а-3485/2021. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

роннее выявляется богатство содержания процессуальных норм, особенности их действия в отдельных ситуациях» [24, с. 114]. В настоящее время С. А. Курочкин утверждает, что «последовательное развитие материального права стимулирует процесс изменения процессуальных форм его защиты» [25, с. 31–32]. В. М. Шерстюк добавляет, что «изучение процессуальных особенностей рассмотрения и разрешения гражданских дел может осуществляться по двум направлениям. Первое из них связано с исследованием соотношения общих процессуальных норм, закрепленных в ГПК РФ, и специальных процессуальных норм, включенных в непроцессуальные нормативные акты, второе – с анализом подлежащих применению норм материального права с целью правильного решения основных вопросов процессуального права по каждому конкретному гражданскому делу» [26, с. 327]. Вместе с тем следует согласиться также с Р. О. Опалевым, считающим неконструктивным механический перенос значения понятий одной отрасли права на толкование сходных норм другой отрасли без их необходимого переосмысления [27, с. 125].

Нами наблюдается определенное отличие между порядками, предусмотренными главами 21, 22, 24, и порядком оспаривания кадастровой стоимости в рамках производства по коллективному административному иску. На наш взгляд, группа лиц, выступающая в защиту своих прав, свобод и законных интересов, образует или должна образовывать целостность, основанную на осознании членами коллектива общности своих интересов, активном взаимодействии в рамках этой защиты и внутреннем распределении ролей. Можно сказать, что субъекты, обращающиеся в суд общей юрисдикции в порядке ст. 42 КАС РФ, представляют собой не что иное как гражданское общество на более низком уровне организации, являясь его элементом – составной частью, которая может существовать относительно самостоятельно [28, с. 185].

При такой постановке вопроса по делам, предусмотренным главами 21, 22, 24 КАС РФ, суд едва ли должен иметь право оставлять без рассмотрения коллективный иск вследствие нецелесообразности использования коллективной формы защиты по собственной инициативе. В противном случае окажется, что он блокирует возможность общественной самоорганизации по защите своих прав от злоупотреблений органов государственной власти и должностных лиц. Кроме того, подобное положение вступает в противоречие с ч. 1 ст. 30 Конституции России, закрепляющей право граждан на объединение для защиты своих общих интересов.

Что касается оспаривания кадастровой стоимости: как нами отмечалось, согласно указанию Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации споры, связанные с определением кадастровой стоимости земельных участков, затрагивают интересы их правообладателей не только в сфере налоговых или земельных отношений, но и в сфере гражданского оборота. Суд выразил позицию, что данные требования, по существу, направлены на изменение стоимости, а не на оспаривание действий органа оценки. И здесь уже целостность, основанная на самоорганизации лиц для защиты своих прав от злоупотреблений органов власти, не образуется. Каждый преследует свой имущественный интерес. И оспаривается не злоупотребление исполнительного органа, а ошибки, объективно возникающие вследствие сложности системы массовой оценки. Поэтому здесь оценка целесообразности рассмотрения дела в порядке производства по коллективному административному иску вполне возможна.

Обсуждение и заключение

Таким образом, в ходе исследования нами были сделаны следующие выводы. Целесообразность использования фактора географической разобщенности группы лиц в качестве условия обращения в суд с коллективным административным иском зависит от конфигурации родовой и территориальной подсудности спора, а также от особенностей предмета оспаривания. Представляется, что при подобной вариативности эффективное регулирование возможно путем выработки специальных указаний на базе судов первой кассационной инстанции.

При повышении госпошлин и значительных издержках использование условия финансовой возможности предъявления самостоятельного административного иска в качестве дополнительного требования предъявления коллективного административного иска также вполне рационально. Суд должен признать его соблюденным при приложении к коллективному административному иску документов, подтверждающих финансовую затруднительность обращения в суд с индивидуальным иском.

На наш взгляд, потенциал указанных условий будет раскрываться только в случае их субсидиарного применения, если количество участников группы не соответствует минимуму, установленному ч. 2 ст. 42 КАС РФ.

Что же касается предоставления суду возможности оставления коллективного административного иска без рассмотрения по собственной инициативе ввиду нецелесообразности рассмотрения дела по правилам ст. 42 КАС РФ, то, по нашему мнению, подобная свобода суда допустима только по делам об оспаривании кадастровой стоимости. По делам же об оспаривании нормативных правовых актов, ненормативных актов или о защите избирательных прав суд такой возможностью обладать не должен вследствие недопустимости ограничения права граждан на объединение с целью защиты своих прав.

Список источников

1. Долганичев В. В. Возбуждение и подготовка дел группового производства. М. : Статут, 2017. 176 с.
2. Жуйков В. М., Афанасьев С. Ф., Улетова Г. Д. и др. Реформа гражданского процесса 2018–2020 гг.: содержание и последствия : коллектив. моногр. / под общ. ред. М. А. Фокиной. М. : Городец, 2021. 368 с.
3. Колотов В. А. Защита прав и законных интересов группы лиц в гражданском и арбитражном судопроизводствах : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 216 с.
4. Кононова А. Н. Судейское руководство в системе гражданских процессуальных правоотношений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 223 с.
5. Экажев М. Б.-А. Судейское усмотрение в правоприменительной деятельности в РФ // Инновационная наука. 2016. № 5. С. 284–287.
6. Мельник С. В., Гомозова О. Ю. Правовые пределы судейского усмотрения в гражданском судопроизводстве. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=151771#CR5Go4VU5MK6XmP51> (дата обращения: 01.12.2025).

7. Федорова Т. В. Дискуссионные вопросы дискреции судьи в доказывании по административным делам // Административное право и процесс. 2023. № 1. С. 33–38. DOI: 10.18572/2071-1166-2023-1-33-38.
8. Михайлова Е. В. Судебное усмотрение в российском гражданском процессе // Российский судья. 2023. № 2. С. 13–17. DOI: 10.18572/1812-3791-2023-2-13-17.
9. Берг А. Н. Судебное усмотрение и его пределы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 23 с.
10. Ермакова К. П. Пределы судебного усмотрения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 27 с.
11. Никитин А. А. Правовое усмотрение: теория, практика, техника : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2021. 49 с.
12. Клеандров М. И. Статус судьи: правовой и смежные компоненты. М. : Норма, 2008. 446 с.
13. Пронин К. В. Дискреционные полномочия суда в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 26 с.
14. Гаджиалиева Н. Ш. Понятие, сущность и правовая природа дискреционных полномочий суда в гражданском судопроизводстве // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 3. общественные науки. 2021. № 4. С. 98–106. DOI: 10.21779/2500-1930-2021-36-4-98-106.
15. Женетль С. З., Тхазеплов К. А. Судейское усмотрение в делах, возникающих из публичных правоотношений // Исковое производство в цивилистическом судопроизводстве: проблемы теории, законодательства, судебной практики и обеспечения судебной деятельности : сб. науч. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 7 июня 2024 г.) / ред. Л. В. Войтович. СПб. : Астерион, 2024. С. 142–148.
16. Суворов А. А. Пределы судейского усмотрения в условиях современного информационного общества // Образование и право. 2021. № 4. С. 283–287. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-4-283-287.
17. Папкина О. А. Усмотрение суда. М. : Статут, 2005. 413 с.
18. Борисова Е. А. Кассация по гражданским делам : моногр. М. : Городец, 2020. 208 с.
19. Познер Р. А. Экономический анализ права : в 2 т. Т. 2 / пер. с англ. под ред. В. Л. Тамбовцева. СПб. : Экон. шк., 2004. X + 454 с.
20. Воронов А. Ф. Практика применения законодательства о коллективном административном иске // Российский судья. 2018. № 5. С. 54–58.
21. Долганичев В. В. Групповой иск: сравнительный анализ нормативных конструкций АПК, ГПК и КАС РФ // Закон. 2021. № 2. С. 36–45. DOI: 10.37239/0869-4400-2021-16-2-36-45.
22. Корякин В. М. Коллективные формы защиты прав военнослужащих // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 8. С. 9–13.
23. Ярков В. В. Групповой иск в административном судопроизводстве: краткий комментарий // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 11. С. 52–58.

24. Гукасян Р. Е., Ченцов Н. В. Некоторые проблемы науки советского гражданского процессуального права на современном этапе // Материально-правовые и процессуальные средства охраны и защиты прав и интересов хозяйствующих субъектов : межвуз. темат. сб. науч. тр. Калинин : КГУ, 1987. С. 109–119.
25. Курочкин С. А. Частные и публичные начала в цивилистическом процессе. М. : Инфотропик Медиа, 2012. 560 с.
26. Шерстюк В. М. Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации. М. : Городец, 2021. 400 с.
27. Опалев Р. О. Право на эффективную судебную защиту в административном судопроизводстве : моногр. М. : Городец, 2023. 432 с.
28. Митрачков С. А. О соотношении коллективного административного иска как правового явления с философской категорией гражданское общество // Философские проблемы сознания : материалы методолог. семинара (Москва, 20 апр. 2023 г.). М. : РГУП, 2023. С. 180–186.

References

1. Dolganichev, V. V. *Initiation and preparation of class proceedings*. Moscow: Statut; 2017. 176 p. (In Russ.)
2. Zhuykov, V. M., Afanasyev, S. F., Uletova, G. D., et al. *Civil procedure law reform in 2018–2020: origins and implications*. Collective monograph. Ed. M. Fokina. Moscow: Gorodets; 2021. 368 p. (In Russ.)
3. Kolotov, V. A. *Protection of rights and legitimate interests of groups of persons in civil and arbitral proceedings*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2021. 216 p. (In Russ.)
4. Kononova, A. N. *Judicial guidance in the system of civil procedure legal relations*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2024. 223 p. (In Russ.)
5. Ekazhev, M. B.-A. Judicial discretion in law-enforcement activities in the Russian Federation. *Innovatsionnaya nauka = Innovation Science*. 2016;(5):284–287. (In Russ.)
6. Melnik, S. V., Gomosova O. Ju. *Legal limits of judicial discretion in civil proceedings*. (In Russ.) Accessed from the legal reference system “Consultant-Plus”. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=151771#CR5Go4VU5MK6XmP51> (Accessed 1 December 2025).
7. Fedorova, T. V. Deliberative issues of the judge’s discretion in administrative proving. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Proceeding*. 2023;(1):33–38. (In Russ.) DOI: 10.18572/2071-1166-2023-1-33-38.
8. Mihailova, E. V. Judicial discretion in Russian civil proceeding. *Rossijskij sud’ya = Russian Judge*. 2023;(2):13–17. (In Russ.) DOI: 10.18572/1812-3791-2023-2-13-17.
9. Berg, L. N. *Judicial discretion and its limits*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Yekaterinburg; 2008. 23 p. (In Russ.)
10. Ermakova, K. P. *The limits of judicial discretion*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2010. 27 p. (In Russ.)

11. Nikitin, A. A. *Legal discretion: theory, practice, technique*. Abstract of Doct. Sci. (Law) Dissertation. Saratov; 2021. 49 p. (In Russ.)
12. Kleandrov, M. I. *Status of the judge: legal and related components*. Moscow: Norma; 2008. 446 p. (In Russ.)
13. Pronin, K. V. *Discretionary powers of the court in criminal proceedings*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Chelyabinsk; 2010. 26 p. (In Russ.)
14. Gadzhialieva, N. Sh. The concept, essence and legal nature of discretionary powers of the court in civil proceedings. *Herald of Dagestan University. Serial 3. Social Sciences*. 2021;36(4):98-106. (In Russ.) DOI: 10.21779/2500-1930-2021-36-4-98-106.
15. Zhenetl, S. Z., Tkhezeplov, K. A. Judicial discretion in cases arising from public legal relations. In: L. V. Vojtovic, ed. *Litigation in the civil proceedings: problems of theory, legislation, judicial practice and provision of judicial activity*. A collection of scientific articles on the materials of the All-Russia Science and Practice Conference (St. Petersburg, June 7, 2024). St. Petersburg: Asterion; 2024. Pp. 142–148. (In Russ.)
16. Suvorov, A. A. Limits of judicial discretion in the conditions of modern information society. *Obrasovanie i pravo = Education and Law*. 2021;(4):283-287. (In Russ.) DOI: 10.24412/2076-1503-2021-4-283-287.
17. Papkova, O. A. *The court's discretion*. Moscow: Statut; 2005. 413 p. (In Russ.)
18. Borisova, E. A. *Cassation in civil cases*. Monograph. Moscow: Gorodets; 2020. 208 p. (In Russ.)
19. Posner, R. A. *Economic analysis of law*. In 2 bks. Bk. 2. St. Petersburg: Economicheskaya shkola; 2004. X + 454 p. (In Russ.)
20. Voronov, A. F. Practice of application of the law on a collective administrative claim. *Rossijskij sud'ya = Russian Judge*. 2018;(5):54-58. (In Russ.)
21. Dolganichev, V. V. Class action: comparative analysis of the regulatory models of the Arbitrazh Procedure Code, Civil Procedure Code and Administrative Procedure Code of the Russian Federation. *Zakon = Law*. 2021;(2):36-45. (In Russ.) DOI: 10.37239/0869-4400-2021-16-2-36-45.
22. Koryakin, V. M. Collective forms of protection of the rights of military personnel. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh = Law in the Armed Forces*. 2015;(8):9-13. (In Russ.)
23. Yarkov, V. V. Class action in administrative legal proceedings: a brief comment. *Arbitrazhnyi i grazhdanskiy protsess = Arbitration and Civil Proceedings*. 2015;(11):52-58. (In Russ.)
24. Gukasyan, R. E., Chentsov, N. V. Some problems of the science of Soviet civil procedure law at the present stage. *Substantive and procedural tools of safeguarding and protecting the rights and interests of economic entities*. Inter-university thematic collection of scientific papers. Kalinin; 1987. Pp. 109–119. (In Russ.)
25. Kurochkin, S. A. *Private and public fundamentals in the civil process*. Moscow: Infotropic Media; 2012. 560 p. (In Russ.)

26. Sherstuk, V. M. *Theoretical problems of development of civil procedure, arbitration procedure law and enforcement proceedings in the Russian Federation*. Moscow: Gorodets; 2021. 400 p. (In Russ.)
27. Opalev, R. O. *The right to effective judicial protection in administrative judicial proceedings*. Monograph. Moscow: Gorodets; 2023. 432 p. (In Russ.)
28. Mitrachkov, S. A. On the relationship of the collective administrative action as a legal phenomenon with the philosophical category of civil society. *Philosophical problems of consciousness*. Materials for the methodological seminar (Moscow, April 20, 2023). Moscow: Russian State University of Justice; 2023. Pp. 180–186. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Женетль Светлана Закошуовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Svetlana Z. Zhenetl, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Civil and Administrative Procedure Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Митрачков Сергей Андреевич, аспирант кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Sergey A. Mitrachkov, Postgraduate Student at the Civil and Administrative Procedure Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 08.09.2025; одобрена после рецензирования 17.09.2025; принята к публикации 24.11.2025.

The article was submitted 08.09.2025; approved after reviewing 17.09.2025; accepted for publication 24.11.2025.

Научная статья

УДК 341.63

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.95-109

Третейский суд и правосудие в транснациональном имущественном обороте

Юрий Эдуардович Монастырский^{1, 2}

¹ Юридический институт, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская Федерация

² Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
monastyrsky@mzs.ru

Аннотация

Введение. Статья содержит юридические размышления о различных правовых режимах третейских производств на основе отечественных и нероссийских законов. Процедура международного коммерческого арбитража в зависимости от территориального происхождения либо регулируется специальными нормами Российской Федерации, либо нет. Признание и принудительное исполнение наших обычных или иностранных арбитражных решений получает различное правовое сопровождение в России и подчинение (или нет) процедурам отмены, содействия и т. д.

Результаты исследования. Автор высказывается за необходимость выделить третейские продукты на основе применения собственного либо иностранного права в России. Он подчеркивает кардинально различающиеся способы контроля правоприменения в Российской Федерации. Автор критикует правовую позицию, согласно которой западные концепции должны иметь неограниченное влияние на уяснение сути фундаментальных юридических категорий, таких как «место арбитража», «фикции», что противоречит введенному в 2015 г. российскому законодательству об арбитраже.

Обсуждение и заключение. Из действующих норм национального регулирования невозможно вывести неограниченную автономию сторон и арбитров и беспрепятственно создавать привязки к иностранным правовым порядкам. Для этого требуются реальное производство не по российским нормам и иностранная национальность третейского трибунала. Собственное, иностранное или чужое материальное право также определяют правовой режим арбитражных решений.

Ключевые слова: третейский суд, арбитраж, признание, приведение в исполнение, решения, судебный контроль, юридическое содействие

Для цитирования: Монастырский Ю. Э. Третейский суд и правосудие в транснациональном имущественном обороте // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 4. С. 95–109. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.95-109.

Original article

Arbitral Tribunals and Justice in Transnational Property Turnover

Yuri E. Monastyrsky^{1, 2}

¹ Law Institute, Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

² Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
monastyrsky@mzs.ru

Abstract

Introduction. The present article puts forward the juridical comments on different legal regimes of arbitral proceedings on the basis of domestic and non-Russian laws. The international commercial arbitration may or may not be subject to Russian special norms. The different legal support is granted to recognition and enforcement of awards both foreign and domestic.

Results. The author stands for differentiation of arbitration products into those made under national and non-Russian applicable laws. The columnist emphasizes that the western doctrine states that seat of arbitration is fiction by nature. The allegation contradicts to statutes of 2015 in Russian Federation.

Discussion and Conclusion. It cannot be possible to draw a sense of unlimited autonomy of both parties and arbitrators to create a connection to foreign jurisdiction without actions to that extent. Foreign and domestic applicable laws also predetermine the specific features of arbitration awards.

Keywords: arbitral tribunals, arbitration, recognition, enforcement, awards, judicial control, legal support

For citation: Monastyrsky, Yu. E. Arbitral tribunals and justice in transnational property turnover. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(4):95-109. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.95-109.

Введение

Арбитраж как правовой институт давно известен в России и имеет глубокие исторические корни. Еще до Свода законов Российской империи 1835 г. арбитраж был закреплен в таком общенациональном акте, как Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г.¹ Названная правовая категория прошла че-

¹ Статья 5 «О третейском суду» главы XV «О вершенных делах» // Соборное уложение 1649 года : текст, комментарий. Л. : Наука, 1987. С. 73–74; «...Соборное Уложение общим законом признало силу третейского приговора и каждому предоставило ведаться пред третьими по обоюдному соглашению с противником. Кратко, неполно определение Уложения о нашем предмете, всего одна статья посвящена ему, но она подала повод к дальнейшему развитию учреждения последующего

рез века, сохранив базовое значение важнейшего альтернативного средства разрешения споров, субститута юрисдикционного органа, всегда имеющего власть над определенными субъектами и вершащего наряду с государством правосудие (исторический метод). По меткому выражению В. А. Дозорцева, терминология «...в праве более чем существенна, ибо она не только выражает содержание правовых категорий, но и влияет на них», т. е. категориальный аппарат играет особую регулирующую роль, создавая общеправовой смысловой контекст [3, с. 53, 140, 143]. При этом влияние семантики возрастает, удерживая термин в его влиянии на развивающиеся общественные институты (систематический метод).

Можно убедиться, что за арбитражем как особым процессом разрешения спора закрепилась специализация третейской деятельности применительно к внешней торговле, что являло собой важный шаг к усовершенствованию правового режима и охраноспособности транснационального экономического оборота².

Одно за другим государства на законодательном уровне приняли систему императивных коллизионных норм с почти единственной целью – создать возможность для сопровождения деятельности, происходящей за рубежом, собственным известным правом. Второй революционный этап в развитии рассматриваемого института ознаменовался принятием конвенций: Женевского протокола 1923 г. об арбитражных оговорках³ и Женевской конвенции 1927 г. о приведении в исполнение иностранных арбитражных решений⁴, Конвен-

деятельностью законодательной власти» [1, с. 8–9]; «Третейское производство, бывшее в древнем русском праве в тени института целовальников, с упразднением его снова появляется со всей явственностью в Уложении, и соответствующий суд получает название третейского, каковым и пользуется до сих пор. Истец и ответчик могли полюбовно договориться передать свое дело на рассмотрение третьего и должны были сделать в адрес последнего письменное заявление (запись), что они хотят “слушать приговору”...» [2, с. 30].

² «Международный коммерческий арбитраж... является признанным инструментом разрешения трансграничных коммерческих споров. С каждым годом число обращений за проведением арбитражного разбирательства в постоянно действующие институциональные арбитражные центры, как правило, растет. Этому способств[е]т... усиление процессов глобализации, выражающееся в росте объема международных торговых связей, что приводит к размыванию жестких границ между государствами и к необходимости чаще обращаться в случае возникновения споров не к государственным судьям, а к нейтральному, заслуживающему высокого доверия форуму» [4, с. 440–441]; «Во взаимосвязанном мире торговли без границ арбитраж стал прочно утвердившейся и общественно признанной альтернативой судебному разбирательству в государственных судах» [5, с. 90].

³ Протокол об арбитражных оговорках. Принят Лигой Наций, Женева, 24 сентября 1923 г., перевод на русский язык. Текст: электронный // Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли : в 2 т. Т. II. Нью-Йорк : Организация Объединенных Наций, 1973. С. 9–13. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/register_texts_vol_ii.pdf (дата обращения: 28.11.2025).

⁴ Конвенция об исполнении иностранных арбитражных решений. Принята Лигой Наций, Женева, 26 сентября 1927 г., перевод на русский язык. Текст: элек-

ции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 г.)⁵ (далее – Нью-Йоркская конвенция), Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже (Женева, 1961 г.)⁶. Посредством этих международных документов установился новый, более тесный уровень взаимодействия национальных юрисдикций, когда в арбитраже разрешался имущественный спор через процедуру последующего судебного контроля в странах-участницах. Как утверждает Я. Поллсон, «отныне арбитражные решения могли быть приведены в исполнение во всех государствах, подписавших Конвенцию, под их судебным контролем и без предварительного заявления суда страны, где было вынесено решение, о его исполнимости» [6, с. 61]. При этом речь идет о важных правоприменительных актах, меняющих имущественное состояние экстерриториально.

Результаты исследования

Неизбежность национальности третейских производств

Более развитая практика обращения к иностранному праву в судах Европы привела к возвеличиванию третейского негосударственного форума, работающего в области международной торговли на базе равноудаленности или одинакового значения правил, либо избранных сторонами⁷, либо определенных посредством применения коллизионных норм национального права той или иной страны. Идея, поддержанная проарбитражными авторитетами западных стран, об истинно международном, автономном характере коммерческого арбитража [6, с. 48; 7, р. 66] укоренилась в российской доктрине и получила теоретическое обоснование⁸. Более того, благодаря разрабатываемым международным модельным рекомендательным правилам на основе вышеупомянутых западных воззрений принималось и российское законодательство.

В большинстве стран ратифицированы законы, освобождающие арбитраж от обязательности подчинения разрешаемых споров национальным нормам в пользу *lex mercatoria*⁹. Так, согласно ст. 28 Закона Российской Федерации от

тронный // Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли : в 2 т. Т. II. Нью-Йорк : Организация Объединенных Наций, 1973. С. 14–19. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/register_texts_vol_ii.pdf (дата обращения: 28.11.2025).

⁵ Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901063> (дата обращения: 28.11.2025).

⁶ Европейская конвенция о внешнеторговом арбитраже (Женева, 21 апреля 1961 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900049> (дата обращения: 28.11.2025).

⁷ Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 / пер. с англ. А. С. Комарова. М. : Статут, 2013. С. 3–4.

⁸ Костин А. А. и др. Современный международный коммерческий арбитраж : учеб. пособие. М. : МГИМО-Университет, 2012. С. 183. См. также: [8, с. 43–75; 9, с. 140–141; 10; 11, с. 342].

⁹ См., например, ст. 1511 ГПК Франции, ст. 187 Закона Швейцарии о международном частном праве, ст. 46 Закона Англии об арбитраже.

7 июля 1993 г. № 5338-I «О международном коммерческом арбитраже»¹⁰ (далее – Закон о МКА) арбитры руководствуются коллизионной системой, в соответствии с которой они уполномочены, например, определять, насколько должна иметь правовое значение реализованная автономия воли участников внешнеэкономической деятельности.

Концепция обособления международного коммерческого арбитража от национальных юрисдикций побуждает не видеть разницы между третейскими решениями, вынесенными с применением отечественного и иностранного права. Данный вопрос действующими международными конвенциями не затрагивается, а регулируется национальным правом: отечественными законами о международном коммерческом арбитраже, процессуальными нормами кодексов.

Представители европейского юридического дискурса и российские специалисты, впитавшие логику западных доктрин, в этом случае подчеркивают важность правовой категории места арбитража, избираемого сторонами или арбитрами [12; 13; 14]. И тогда целый ряд вопросов якобы разрешается на основе поправки *lex loci arbitri*: процедура арбитража, арбитрабельность спора и т. п.¹¹

Locus арбитража

Правильная трактовка российского законодательства имеет результатом следующие выводы: номинально назвать иное место арбитража, чем на это указывает складывающаяся правовая связь с третейской процедурой, стороны не вправе. *Lex loci arbitri* устанавливается в зависимости от расположения учреждения, администрирующего спор. Последнее слово в этом имеет контролирующий государственный суд: он вправе исследовать третейскую процедуру на предмет соответствия российским стандартам и отменить арбитражное решение, руководствуясь ст. 34 Закона о МКА. Содействовать иностранному третейскому производству, т. е. с местом вне России, суд не обязан, но и отменять решения без соответствующих оснований не вправе.

Другое дело, что термин «место арбитража» может использоваться в фактическом, а не в юридическом значении, и тогда оно почти без ограничений определимо сторонами и арбитрами. Статья 20 Закона о МКА регулирует этот вопрос в указанном смысле, в том числе закрепляя изменение места слушаний и заседаний в ходе третейского производства. Таким образом, не может быть арбитражей без места, а в другом отношении – национальности. С точки зрения российского Закона о МКА третейские суды, проводимые в России и за ее пределами, имеют различный правовой режим.

Применение панелью арбитров собственных и иностранных норм также сильно различается – в первую очередь потому, что это вытекает из толкования российских материальных и коллизионных норм. Более того, несоблюдение предписанных различий должно сопровождаться правовой реакцией контролирующих органов, а именно судов. Третейские трибуналы не являются частью судебной системы. В случае с национальным материальным правом они не от-

¹⁰ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 32. Ст. 1240.

¹¹ Международный коммерческий арбитраж : учеб. / под ред. О. В. Скворцова, М. Ю. Савранского, Г. В. Севастьянова. 3-е изд., перераб. и доп. СПб. ; М. : АНО «Редакция журнала «Третейский суд», 2025. § 22.2.1.

вечают за единообразие соответствующей практики [15, р. 47; 16, с. 346], которая временно может придерживаться особых подходов¹² в русле текущей политики права, транслируемой через принципы, продвигаемые доктриной и высшими судебными инстанциями, не связаны ею [17, с. 90]. Неарбитрабельность и публичный порядок суть единственные материальные условия неисполнения либо отмены арбитражных решений, задействуемые компетентным судом.

Чужие материальные нормы в третейской деятельности

Российский арбитраж применяет и иностранное право. Согласно ст. 1191 ГК РФ иностранное право императивно, и при его применении суд устанавливает содержание его норм в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем государстве. Необходимо понять, как соотносится эта норма со ст. 244 АПК РФ о закрытом перечне оснований, по которым решение арбитражного суда не признается и не исполняется.

Одно из таких оснований состоит в том, что исполнение решения иностранного суда противоречило бы публичному порядку Российской Федерации. Однако подобный исход неприемлем. Публичный порядок задействуется для исключения нежелательного результата применения иностранного права в Российской Федерации¹³. Чтобы признать нарушение публичного порядка, подчеркивают зарубежные ученые, «необходимо доказать, что имеется некий элемент незаконности, либо что признание или приведение в исполнение арбитражного решения будет явно во вред общественному благу, либо, возможно, что признание или приведение в исполнение будет в полной мере оскорбительно для обычного, разумного и полностью осведомленного члена общества, от лица которого государство осуществляет свои полномочия» [18, р. 896]. Само по себе решение, отклоняющееся от судебной практики в своей стране, не колеблет публичный порядок и систему законодательства [19, р. 261]. Вместе с тем, если стороны сами избрали право, неправильное его применение третейским судом – не в соответствии с согласованной процедурой в широком смысле этого слова – означает нарушение (п. 4 ч. 3 ст. 233 АПК РФ).

С другой стороны, большинство скажет, что если иностранное право применяется в результате отсылки российской коллизионной привязки, то отечественный закон не позволяет оспаривать материально-правовое видение арбитражного трибунала, содержание, смысл и действие иностранных норм¹⁴. Если

¹² Идеология, лежащая в основе данного подхода, была выражена в форме манифеста в арбитражном решении по делу Dow Chemical 1982 г.: «Решения, [выносимые арбитрами], постепенно составляют свод прецедентного права, который необходимо принимать во внимание, поскольку он отражает последствия экономической реальности и соответствует потребностям международной торговли, которая нуждается в конкретных правилах, также постепенно разрабатываемых, международного арбитража» [15, р. 47].

¹³ Международное частное право : учеб. / отв. ред. Н. И. Марышева. 4-е изд., перераб. и доп. М. : ИЗИСП ; Юрид. фирма «Контракт», 2018. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ См., в частности, п. 1 и 5 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2013 г. № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о

юридические результаты не стыкуются с публичным порядком, то неприемлемый с точки зрения базовых принципов правовой системы итог правоприменения может быть отменен.

Иностранный арбитражный суд, институционный либо *ad hoc*, применив российское право, ставит вопрос о выдаче исполнительного листа ввиду надобности истца. А вот здесь обязательным является предписание обратиться к вопросу применения российского права строго в соответствии с отечественными практикой и доктриной (ст. 1191 ГК РФ).

Далее, первая задача состоит в установлении национальности арбитража, если контролирующие инстанции, которые также оказывают содействие третейскому суду, должны сохранять контроль в российской правовой системе в той мере, в какой соблюдается наше национальное право. Если оно применено неправильно, это не может не затрагивать основы российской правовой системы. Иностранные третейские судьи не должны пользоваться свободой правоприменения, выводимой из российского арбитражного регулирования (ст. 34 Закона о МКА).

К иностранным арбитражам применимы только ст. 8, 9, 35, 36 Закона о МКА. А третейские продукты не должны, если они «произведены» вне российской правовой системы, основываться на недолжном использовании российского права, которое есть производная государственного суверенитета Российской Федерации [20, с. 62].

Согласно важному обобщению основоположника советской и российской науки международного частного права Л. А. Лунца государства ревностно относятся к своей судебной юрисдикции [21, с. 810–812, 814], что приводит почти всегда к положению, когда международный спор имущественного характера может быть разрешен несколькими национальными судами по месту нахождения ответчика, причинения вреда, исполнения контрактных обязательств и т. д. Процессуальные кодексы содержат нормы об исключительной компетенции рассматривать дела о недвижимости, корпоративных взаимоотношениях и т. п.

То регулирование, за которым стоит правовая политика, в частности, настаивание на отечественных гражданско-правовых положениях или их продвижение, например ст. 1189 ГК РФ, основывается на более эластичной норме. Здесь речь идет о взаимности: неприменение иностранных норм государства, игнорирующего применение российского права, может быть обусловлено принятием специального закона. Упомянутое положение выражает отсутствие государственного интереса и политики стимулирования действия своего права на других территориях. Когда обстановка изменится в зависимости от по-

публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений»:

«1. Оценка арбитражным судом последствий исполнения иностранного судебного или арбитражного решения на предмет нарушения публичного порядка Российской Федерации не должна вести к его пересмотру по существу.

<...>

5. Признание и приведение в исполнение иностранного судебного или арбитражного решения не может нарушать публичный порядок Российской Федерации на том лишь основании, что в российском праве отсутствуют нормы, аналогичные нормам примененного иностранного права». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

литического курса, будет разработан и внесен закон о взаимности, которым должны руководствоваться суды, отказывая в применении права конкретного государства. Такая модель поощрения применения отечественного права объясняется невозможностью диктовать условия равному суверену в его судебной деятельности, кроме как заключив с ним соглашение о правовой помощи.

В этой области устойчивая практика уже существует. Заключено свыше 100 соглашений о правовой помощи¹⁵, в том числе ждущих ратификации. Некоторые из них содержат нормы об обязательном применении определенного права в отдельных случаях межнациональных браков, наследственных отношений, внедоговорного вреда, реже – при рассмотрении споров субъектов и стран – участниц соглашений или конвенций, вытекающих из договоров. Вместе с тем возможность не реагировать на такую практику иностранных третейских судов, которая основана на другом видении правового регулирования и формирует альтернативу нашим судебным прецедентам, должна поддерживаться механизмом непризнания или дисквалификации соответствующих решений.

De jure u de facto

Разделение юридического и фактического понятий «место арбитража» необходимо и даже неизбежно, поскольку существуют разные правовые режимы с точки зрения российской юрисдикции для арбитражей в Российской Федерации и вне ее¹⁶. Эти процессы должны соответствовать требованиям Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», Закона о МКА, АПК РФ и ГПК РФ, где предусмотрена процедура отмены решения, после которой отсутствуют какие-либо юридические последствия спора и его можно начинать заново. Кроме того, что важно, нет презумпции и процедуры непризнания российского третейского решения, и, например, покинуть российскую контролируемую юрисдикцию только путем заключения частного соглашения участники третейской процедуры не вправе. Для этого они должны договориться об арбитраже *ad hoc*, выехать за пределы России или избрать зарубежное администрирующее учреждение, т. е. соответствующая третейская деятельность должна стать неподведомственной российским судам и Минюсту России.

Поэтому теория «фикции» места арбитража, за которую ратуют пропагандисты западных подходов в международном коммерческом арбитраже, звучит нелепо и подозрительно¹⁷. *De facto* заседания могут проводиться где угодно: в

¹⁵ См.: Перечень многосторонних и двусторонних международных договоров Российской Федерации по вопросам оказания правовой помощи по гражданским, семейным, административным и уголовным делам, а также по делам об административных правонарушениях (по состоянию на 30 июня 2023 г.) URL: https://www.vsr.fu.ru/documents/international_practice/32706/ (дата обращения: 28.11.2025).

¹⁶ Международный коммерческий арбитраж : учеб. / под ред. О. В. Скворцова, М. Ю. Савранского, Г. В. Севастьянова ; отв. ред. Т. А. Лунаева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : АНО «Редакция журнала «Третейский суд» ; М. : Статут, 2018. С. 631–638. См. также: [13].

¹⁷ Международный коммерческий арбитраж. 2-е изд. С. 570.

месте, наиболее приемлемом для всех участников, например на яхте в открытом море. Европейский администрирующий орган может снять для этого зал заседаний в Калининграде. Однако это случаи нероссийского арбитража, к которому применима процедура непризнания, невыдачи исполнительного листа, но в отношении которого отсутствует возможность отменить решение (и по АПК РФ, и по ГПК РФ), а также повторить процесс в государственном суде. Администрирования спора силами иностранного арбитражного учреждения достаточно для признания третейского разбирательства нероссийским.

Российские государственные суды определяют национальность арбитража в зависимости от преимущественного места его проведения. Особое значение имеет вопрос о контроле над решениями иностранных арбитражных трибуналов, применивших российское право. Важно отметить, что в предыдущей редакции АПК РФ такие решения в соответствии с международным договором могли быть отменены¹⁸. Эта норма – своего рода исключение из правила о том, что юрисдикция национальных судов не позволяет эффективно лишить юридической силы правоприменительный акт другой страны.

Собственно признание

В АПК РФ в связи с реформой арбитража 2015 г. появилась ст. 245.1 о признании третейских судебных решений, не требующих принудительного исполнения.

Вместе с тем остается матрица непризнаний в случае неарбитрабельности, несоответствия публичному порядку или согласованной процедуре. В иных случаях признание предписывается. Нарушение должно презюмироваться при любой заинтересованности российских субъектов и возможности повторного рассмотрения дела.

Сегодня в ГПК РФ закрепляется инициативный порядок непризнания и судебных, и арбитражных решений: путем обращения заинтересованного лица (ст. 413). В АПК РФ же третейское решение признается только ввиду того, что такая процедура предусмотрена в международном договоре и законе (ст. 245.1). Так, универсальная Нью-Йоркская конвенция, участниками которой являются большинство стран мира, устанавливает признание и принудительное исполнение иностранных арбитражных решений¹⁹. Относительно сферы действия этого документа можно предположить: простого признания решений, не требующих принудительного исполнения, названная Конвенция не касается, поскольку она предусматривает признание как первый шаг к принудительному исполнению. Согласно другой точке зрения, Нью-Йоркская конвенция распространяется на случай обычного признания [22, р. 966; 23, р. 93; 24, р. 243–245]. Этот вопрос

¹⁸ Согласно ч. 5 ст. 230 АПК РФ «в предусмотренных международным договором Российской Федерации случаях... может быть оспорено иностранное арбитражное решение, при принятии которого применены нормы законодательства Российской Федерации...».

¹⁹ «Нью-Йоркская конвенция не определяет термины “признание” и “приведение в исполнение”, а примеров толкования этих терминов в прецедентном праве недостаточно» (Руководство по Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 г.). Руководство в редакции 2016 г. Нью-Йорк : ООН, 2016. С. 10 (п. 7).

целесообразно было бы урегулировать таким образом, чтобы в указанной Конвенции вместо «и» был бы и в названии, и в самом тексте союз «или».

Так, с позиции российского законодателя, который внес в 2015 г. поправку в ст. 36 Закона о МКА, соответствующая процедура применяется к признанию или принудительному исполнению решения. Обычное признание установлено в конвенциях о правовой помощи для правоприменительных актов судов и органов юстиции. Таким образом, процедура простого признания иностранных третейских решений не урегулирована и ждет законодательного закрепления.

В свете сказанного мы полагаем, что разнообразную и сложную зарубежную доктрину о природе международного коммерческого арбитража можно использовать в учебном и законотворческом процессах. Однако в правоприменительной деятельности необходимо учитывать только российские законы «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (2015 г.) и «О международном коммерческом арбитраже» (1993 г.), где должны определяться базовые правовые категории.

Проблема применимого права и места арбитража имеет конкретное российское регулирование на основе установления различных режимов иностранного и отечественного третейского суда.

Обсуждение и заключение

Концепция договорной природы и делокализации арбитража не имеет нормативного обоснования в российском праве. Первое объяснение заключается в изложенных в настоящей статье российских правовых традициях, в соответствии с которыми третейский суд осуществляет правосудие особого рода и является субститутом судов.

Дефиниция места арбитража при преподавании научной дисциплины и при создании законопроектов должна раскрываться на основе научной компаративистики, потому что международный коммерческий арбитраж как институт оценивается как имеющий наднациональный статус [15, р. 45–46; 25, с. 18; 26, с. 12]. Однако судебная практика и правоприменительная деятельность показывают, что это не так.

Международный коммерческий арбитраж есть национальный общественный подинститут третейского производства или шире – альтернативного разрешения споров. Поэтому введение в обиход понятия, нарацивающего свой смысл и значение, – прерогатива законодателя. Статьи 20 обоих законов «Об арбитраже» и «О международном коммерческом арбитраже» определяют понятие места арбитража как фактический адрес, где разрешение споров должно происходить. Но такие акты, как АПК РФ и ГПК РФ, в ст. 241–246 и других понимают под «местом арбитража» его национальность.

Таким образом, место арбитража в юридическом смысле определяет страну и даже область, которая создает привязку к компетентному суду. Правовая трактовка арбитража долгое время обуславливалась назначением этого инструмента разрешения и улаживания споров как раз в области международного экономического оборота. Многие идеи происходили из западного про-арбитражного дискурса и получали восприятие в Советском Союзе, а затем в современной России.

Сначала установилось, что третейское производство может происходить за границей при нейтральном форуме. Затем с принятием конвенций было установлено, что судебный контроль не должен касаться существования арбитражного

решения. Здесь нужно сделать оговорку о том, что если иностранный арбитраж применяет не собственное право, то согласно норме ст. 1191 ГК РФ он делать это должен, относясь к этому праву как к продукту суверенитета, не искажая и придерживаясь того выражения, которое оно имеет в практике и доктрине соответствующего, производящего это право государства.

После ратификации большинством стран Нью-Йоркской конвенции о принудительном исполнении арбитражных решений 1958 г. было установлено, что арбитраж может работать как внутренний и по процедуре международного коммерческого арбитража, подчиняющегося обычаям, применяя иностранное право и избирая любой иностранный регламент.

Затем в научный дискурс вошло понимание того, что арбитраж есть, по сути, процесс, а не отдельно взятый орган, который имеет ограниченное бытие во времени, и может быть администрируем определенными специализированными органами и арбитражными учреждениями. И наконец, на последнем этапе распространилась теория о том, что арбитраж вообще может находиться вне каких-либо юрисдикционных влияний и рассматривать спор в качестве дружеских посредников и определять без ограничений свой форум простым соглашением сторон или ввиду самоопределения состава третейского трибунала, продолжая оставаться в российской юрисдикции.

Сегодня отправной точкой логики о юридическом существовании арбитража могут быть только российские законодательные акты, обрастающие непротиворечивой практикой применения и задающие направления научным теориям в Российской Федерации.

Список источников

1. Вицын А. И. Третейский суд по русскому праву: историко-догматическое рассуждение. М. : Тип. В. Готье, 1856. 96 с.
2. Reese W. Das schiedsgerichtliche Process-Verfahren nach Russischem Rechte. Dorpat : J. C. Schünmann's Wittwe, 1847. 74 S.
3. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации : сб. ст. / Исслед. центр част. права им. С. С. Алексеева при Президенте Рос. Федерации. М. : Статут, 2005. 416 с.
4. Евсеев Е. Е. Границы юрисдикций государств в отношении международного коммерческого арбитража // Правоведение. 2019. Т. 63, № 3. С. 440–459.
5. Белоглазев А. Й., Карфилова М. Коммерческий арбитраж: роль и место в процессе глобализации торговли и экономики // Государственная служба. 2019. № 1. С. 89–95.
6. Поллсон Я. Идея арбитража / пер. с англ., под ред. Н. А. Бабаджаняна. М. : Рос. ин-т современ. арбитража, 2021. 528 с.
7. Gaillard E. International arbitration as a transnational system of justice // Arbitration – The next fifty years (= ICCA Congress Series. No. 16) / ed. A. J. van den Berg. The Hague : Kluwer Law International, 2012. P. 66–73.
8. Астахова Д. О. Тенденция децентрализации международного коммерческого арбитража : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 228 с.

9. Ломакина Е. В. Негосударственное регулирование международных коммерческих отношений : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2015. 195 с.
10. Плеханов В. В., Усоскин С. В. Автономия международного коммерческого арбитража: к вопросу о координации между различными юрисдикциями в процессе признания и приведения в исполнение решений международного коммерческого арбитража // Вестник международного коммерческого арбитража. 2012. № 1. С. 31–60.
11. Ярков В. В. Оспаривание решений международных коммерческих арбитражей и третейских судов (отдельные вопросы) // Развитие основных идей Гражданского кодекса России в современном законодательстве и судебной практике : сб. ст., посвящ. 70-летию С. А. Хохлова / Исслед. центр частн. права ; Ин-т частн. права ; отв. ред. С. С. Алексеев. М. : Статут, 2011. С. 319–342.
12. Монастырский Ю. Э. Арбитраж как место конкуренции национальных юрисдикций // Современное право. 2023. № 12. С. 93–105.
13. Монастырский Ю. Э. *Lex loci arbitri* в российской законодательной концепции альтернативного разрешения споров // Третейский суд. 2023. № 1/2. С. 146–162.
14. Муранов А. И. Место международного коммерческого арбитража. Особенности этой категории в российском праве // Вестник международного коммерческого арбитража. 2017. № 2 (15). С. 67–96.
15. Gaillard E. Legal theory of international arbitration. Leiden ; Boston : Martinus Nijhoff Pub., 2010. 194 p.
16. Алимова Я. О. Практика международного коммерческого арбитража как источник *lex mercatoria* // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3 (16). С. 340–349.
17. Монастырский Ю. Э. Принципы и основные начала в российском гражданском праве и законодательстве // Труды Института государства и права РАН. 2024. Т. 19, № 4. С. 66–100.
18. Dicey A. V., Morris J. H. C., Collins L. The conflict of laws. 15th ed. London : Sweet & Maxwell, 2012. 2385 p.
19. Mayer P., Sheppard A. Final ILA Report on Public Policy as a Bar to Enforcement of International Arbitral Awards // Arbitration International. 2003. Vol. 19, issue 2. P. 249–263.
20. Монастырский Ю. Э. Российская гражданско-правовая концепция взаимодействия с иностранными юрисдикциями // Право между Востоком и Западом. 2024. № 4. С. 56–66.
21. Лунц Л. А. Курс международного частного права : в 3 т. М. : Спарк, 2002. 1007 с.
22. Fouchard P., Gaillard E., Goldman B. International commercial arbitration / eds. E. Gaillard, J. Savage. The Hague ; Boston ; London : Kluwer Law International, 1999. 1280 p.
23. Rubinstein J., Fabian G. The territorial scope of the New York Convention and its implementation in common and civil law countries // Enforcement of arbitration agreements and international arbitral awards: the New York Con-

- vention in practice / eds. E. Gaillard, D. Di Pietro. London : Cameron May, 2008. 988 p.
24. Berg A. J. van den. The New York Arbitration Convention of 1958: Towards a Uniform Judicial Interpretation. Deventer : Kluwer Law & Taxation Pub., 1981. 466 p.
25. Мистелис Л. А. Предисловие // С. А. Курочкин. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж : моногр. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2021. С. 16–20.
26. Кордеро Мосс Дж. Автономия воли в практике международного коммерческого арбитража : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 26 с.

References

1. Vitsyn, A. I. *Arbitration court under Russian law: historical and dogmatic reasoning*. Moscow: Printing House of V. Got'e; 1856. 96 p. (In Russ.)
2. Reese, W. *Das schiedsgerichtliche Process-Verfahren nach Russischem Rechte*. Dorpat: J. C. Schünmann's Wittwe; 1847. 74 S.
3. Dozorcev, V. A. *Intellectual rights: Notion. System. Codification tasks*. Collection of articles. Research Centre of Private Law named after S. S. Alekseev under the President of the Russian Federation. Moscow: Statut; 2005. 416 p. (In Russ.)
4. Evseev, E. E. The boundaries of the jurisdictions of states in relation to international commercial arbitration. *Pravovedenie = Jurisprudence*. 2019;63(3):440-459. (In Russ.)
5. Beloglavek, A. J., Karfikova, M. Commercial arbitration: role and place in the process of globalisation of trade and economy. *Gosudarstvennaja sluzhba = Public Service*. 2019;(1):89-95. (In Russ.)
6. Paulsson, J. *The idea of arbitration*. Transl. from Engl. Ed. N. A. Babajanyan. Moscow: Russian Institute of Modern Arbitration; 2021. 528 p. (In Russ.)
7. Gaillard, E. International arbitration as a transnational system of justice. *Arbitration – The Next Fifty Years (= ICCA Congress Series. No. 16)*. Ed. A. J. van den Berg. The Hague: Kluwer Law International; 2012. Pp. 66–73.
8. Astakhova, D. O. *The tendency of delocalisation of international commercial arbitration*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2019. 228 p. (In Russ.)
9. Lomakina, E. V. *Non-state regulation of international commercial relations*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Chelyabinsk; 2015. 195 p. (In Russ.)
10. Plekhanov, V. V., Usoskin, S. V. Autonomy of international commercial arbitration: to the issue of coordination between different jurisdictions in the process of recognition and enforcement of international commercial arbitration awards. *Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha = Bulletin of International Commercial Arbitration*. 2012;(1):31-60. (In Russ.)
11. Yarkov, V. V. Challenging the decisions of international commercial arbitration and arbitration courts (some issues). In: S. S. Alekseev, ed. *Development of the main ideas of the Civil Code of Russia in modern legislation and judicial practice*. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of S. A. Khokhlov. Research Centre of Private Law; Institute of Private Law. Moscow: Statut; 2011. Pp. 319–342. (In Russ.)

12. Monastyrsky, Yu. E. Arbitration as a place of competition of national jurisdictions. *Sovremennoe pravo = Modern Law*. 2023;(12):93-105. (In Russ.)
13. Monastyrsky, Yu. E. Lex loci arbitri in the Russian legislative concept of alternative dispute resolution. *Tretejskij sud = Court of Arbitration*. 2023;(1/2):146-162. (In Russ.)
14. Muranov, A. I. Place of international commercial arbitration. Features of this category in Russian law. *Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha = Bulletin of International Commercial Arbitration*. 2017;(2):67-96. (In Russ.)
15. Gaillard, E. *Legal theory of international arbitration*. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Pub.; 2010. 194 p.
16. Alimova, Ya. O. Practice of international commercial arbitration as a source of lex mercatoria. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Current Problems of Russian Law*. 2010;(3):340-349. (In Russ.)
17. Monastyrsky, Yu. E. Principles and basic principles in Russian civil law and legislation. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2024;19(4):66-100. (In Russ.)
18. Dicey, A. V., Morris, J. H. C., Collins, L. *The conflict of laws*. 15th ed. London: Sweet & Maxwell; 2012. 2385 p.
19. Mayer, P., Sheppard, A. Final ILA Report on Public Policy as a Bar to Enforcement of International Arbitral Awards. *Arbitration International*. 2003;2(19):249-263.
20. Monastyrsky, Yu. E. Russian civil law concept of interaction with foreign jurisdictions. *Pravo mezhdru Vostokom i Zapadom = Law Between East and West*. 2024;(4):56-66. (In Russ.)
21. Lunts, L. A. *Course of international private law*. In 3 vols. Moscow: Spark; 2002. 1007 p. (In Russ.)
22. Fouchard, P., Gaillard, E., Goldman, B. *International commercial arbitration*. Eds. E. Gaillard, J. Savage. The Hague; Boston; London: Kluwer Law International; 1999. 1280 p.
23. Rubinstein, J., Fabian, G. The territorial scope of the New York Convention and its implementation in common and civil law countries. In: E. Gaillard, D. Di Pietro, eds. *Enforcement of arbitration agreements and international arbitral awards: The New York Convention in practice*. London: Cameron May; 2008. 988 p.
24. Berg, A. J. van den. *The New York Arbitration Convention of 1958: Towards a Uniform Judicial Interpretation*. Deventer: Kluwer Law & Taxation Pub.; 1981. 466 p.
25. Mistelis, L. A. Preface. In: S. A. Kurochkin. *Arbitration proceedings and international commercial arbitration*. Monograph. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Statut; 2021. Pp. 16-20. (In Russ.)
26. Kordero Moss, J. *Autonomy of the will in the practice of international commercial arbitration*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 1995. 26 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Монастырский Юрий Эдуардович, доктор юридических наук, профессор кафедры «Гражданское право и процесс» Юридического института СевГУ (Российская Федерация, 299053, Севастополь, ул. Университетская, 33), профессор кафедры международного частного и гражданского права имени С. Н. Лебедева МГИМО МИД России (Российская Федерация, 119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76).

Yuri E. Monastyrsky, Dr. Sci. (Law), Professor of the Civil Law and Procedure Department, Law Institute, Sevastopol State University (Russian Federation, 299053, Sevastopol, 33 Universitetskaya St.), Professor at the International Private and Civil Law Department named after S. N. Lebedev, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 22.03.2025; одобрена после рецензирования 02.07.2025; принята к публикации 24.11.2025.

The article was submitted 22.03.2025; approved after reviewing 02.07.2025; accepted for publication 24.11.2025.

Научная статья

УДК 347.626

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.110-121

Отступление от равенства долей при разделе общего имущества супругов: к вопросу об эффективности нововведений

Елена Анатольевна Низамова

Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация
nizamovaea@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1653-3277>

Аннотация

Введение. Защита прав добросовестного супруга при разделе общего имущества приобретает особую значимость и актуальность в свете новых изменений семейного законодательства. Супругу, чьи права нарушены недобросовестными действиями другого супруга, повлекшими уменьшение общего имущества, предоставлено право на увеличение его доли при разделе супружеского имущества. Нововведение выступает способом защиты прав супруга-собственника и имеет целью достижение баланса интересов добросовестного приобретателя супружеского имущества и пострадавшего супруга. Однако анализ и оценка эффективности новых положений свидетельствуют о недостаточной правовой защищенности супруга, права которого нарушены.

Методы. Цель исследования предопределила комплекс методов: использованы общенаучный метод познания, частнонаучные и специальные методы. В частности, метод моделирования, системного толкования и сравнительный метод позволили оценить перспективы использования новых положений.

Результаты исследования. Выявлены и охарактеризованы условия отступления от равенства долей при разделе общего имущества супругов. Анализ нововведений в системной связи с иными нормами семейного и гражданского законодательства, а также подходами в правоприменении позволил оценить их эффективность в аспекте защиты имущественных прав добросовестного супруга. Обосновано, что сформулированные в законе правила не позволяют в полной мере обеспечить восстановление нарушенных прав.

Обсуждение и заключение. В результате исследования выявлены пробелы и неточности правового регулирования, снижающие защищенность прав добросовестного супруга. Предложены пути их решения, направленные на повышение эффективности новых положений. Обоснована необходимость в выработке комплексного подхода обеспечения имущественных прав супруга-собственника с помощью норм публичного и частного права.

Ключевые слова: добросовестный приобретатель, раздел имущества супругов, отступление от равенства долей, увеличение доли в общем имуще-

стве, уменьшение общего имущества, недобросовестность, толкование права

Для цитирования: Низамова Е. А. Отступление от равенства долей при разделе общего имущества супругов: к вопросу об эффективности нововведений // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 4. С. 110–121. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.110-121.

Original article

Departure from the Equality of Shares in the Division of Common Property of Spouses: On the Issue of the Effectiveness of New Legal Rules

Elena A. Nizamova

*North-West Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, St. Petersburg, Russian Federation
nizamovaea@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1653-3277>*

Abstract

Introduction. The protection of the rights of a bona fide spouse in the division of joint property acquires special importance and relevance in the light of the new amendments to the family law. A spouse whose rights have been violated by unfair actions of the other spouse, resulting in a reduction of the joint property, is entitled to increase his or her share in the division of the marital property. This innovation is a way of protecting the rights of the co-owner spouse and is aimed at achieving a balance between the interests of a bona fide purchaser of marital property and the injured spouse. However, the analysis and evaluation of the effectiveness of the new provisions show that the spouse whose rights have been violated is not sufficiently protected by the law.

Methods. The purpose of the study predetermined a set of methods. Both general scientific method of cognition, and private-scientific and special methods were used. In particular, the method of modeling, system interpretation and comparative method allowed to assess the prospects for the use of new provisions.

Results. The conditions of deviation from the principle of equality of shares in the division of common property of spouses have been identified and characterized. The analysis of innovations in systematic connection with other norms of family and civil legislation allowed to evaluate their effectiveness from the point of view of protection of property rights of a bona fide spouse. It is substantiated that the rules formulated in the law do not allow to fully ensure the restoration of violated rights.

Discussion and Conclusion. As a result of the study revealed gaps and inaccuracies of legal regulation, reducing the protection of the rights of a bona fide spouse. The ways of their solution aimed at increasing the effectiveness of new provisions are proposed. The necessity to develop a comprehensive approach to ensure the property rights of the spouse-co-owner with the help of public and private law norms is substantiated.

Keywords: bona fide purchaser, division of property of spouses, deviation from equality of shares, increase of share in common property, reduction of common property, bad faith, interpretation of the law

For citation: Nizamova, E. A. Departure from the equality of shares in the division of common property of spouses: on the issue of the effectiveness of new legal rules. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(4):110-121. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.110-121.

Введение

Изменения правового регулирования распоряжения общим имуществом супругов, внесенные Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 310-ФЗ в Семейный кодекс Российской Федерации¹ (СК РФ), на первый взгляд, решили давно существующую и активно обсуждаемую в науке проблему защиты прав добросовестного приобретателя супружеского имущества [1, с. 45–46; 2, с. 12; 3, с. 95–98].

Напомним, что до изменений норма абз. 2 п. 3 ст. 35 СК РФ не содержала указания на то, что оспаривание сделки супругом, нотариально удостоверенное согласие которого не было получено, осуществляется по правилам ст. 173.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). Ранее и после появления ст. 173.1 ГК РФ в практике устоялся подход, согласно которому для признания сделки недействительной по заявлению супруга, права которого нарушены, достаточно было доказать отсутствие его нотариально удостоверенного согласия на совершение сделки, при этом фигура приобретателя супружеского имущества с позиций его объективного и субъективного незнания о несогласии супруга не оценивалась. Верховный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на то, что добросовестность приобретателя не имеет юридического значения для данной категории дел².

В рамках реформирования семейного законодательства защита прав добросовестного приобретателя общего имущества супругов получила законодательное закрепление и в области семейного права.

Новая редакция абз. 2 п. 3 ст. 35 СК РФ устанавливает: «Супруг, чье нотариально удостоверенное согласие на совершение сделки не было получено, вправе требовать признания сделки недействительной в судебном порядке в течение года со дня, когда он узнал или должен был узнать о совершении данной сделки, по правилам статьи 173.1 Гражданского кодекса Российской Федерации». Нормы ст. 173.1 ГК РФ предусматривают, что для признания недействительной сделки, совершенной без необходимого в силу закона согласия третьего лица, требуется доказать, что другая сторона сделки знала или должна была знать об отсутствии согласия такого лица.

Действующая позиция законодателя, отраженная в норме абз. 2 п. 3 ст. 35 СК РФ, заслуживает поддержки. Приобретатель супружеской собственности, проявивший добрую волю, разумную осмотрительность и осторожность, должен быть защищен законом. Супруг, будучи собственником, обладает больши-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 29 (ч. III). Ст. 5277.

² См., например, Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2011 г. № 67-В11-5, Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 сентября 2016 г. № 18-КГ16-97, Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 мая 2021 г. № 20-КГ21-4-К5. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

ми возможностями по контролю за общим имуществом. Но и супруг, чьи права нарушены, должен иметь действенные меры защиты.

Для достижения баланса имущественных интересов добросовестного приобретателя и супруга законодатель предоставил возможность супругу, чьи права нарушены недобросовестными действиями другого супруга, просить суд отступить от равенства долей при разделе общего имущества. М. В. Ульянова считает отход от принципа равенства долей в подобных ситуациях «способом защиты имущественных прав другого супруга» [4, с. 70].

Методы

Комплекс методов, использованных в процессе исследования, был предопределен его целью. Оценка нововведений п. 2 ст. 39 СК РФ осуществлялась на основе общенаучного метода познания, частнонаучных и специальных методов исследования, таких как формально-юридический, сравнительно-правовой и др. В частности, методы моделирования, системного толкования и сравнительный метод позволили оценить перспективы применения новых правовых положений и их эффективность с позиций защиты прав супруга, права которого нарушены.

Результаты исследования

Новая редакция п. 2 ст. 39 СК РФ предусматривает, что при разделе общего имущества суд вправе отступить от равенства долей, если другой супруг совершал недобросовестные действия, которые привели к уменьшению общего имущества супругов. В частности, если он совершал без необходимого в силу п. 3 ст. 35 СК РФ согласия другого супруга на невыгодных условиях такие сделки по отчуждению общего имущества супругов, к которым судом не были применены последствия их недействительности по требованию другого супруга.

Анализ указанного положения позволяет выявить условия предъявления требования об увеличении доли при разделе общего имущества супругов. К ним относятся, во-первых, уменьшение общего имущества супругов и, во-вторых, недобросовестность действий супруга, повлекших такое уменьшение.

1. Уменьшение общего имущества супругов. В состав общего имущества согласно ст. 34 СК РФ входят движимые и недвижимые вещи, доходы от предпринимательской, трудовой и иной деятельности, разнообразные денежные выплаты, не имеющие целевого назначения, ценные бумаги, паи, доли в уставном капитале коммерческих корпораций, вклады, внесенные в кредитные организации и иные коммерческие организации, и любое другое нажитое в период брака за счет общих средств имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено или оформлено.

Уменьшение общего имущества в первую очередь предполагает выбытие определенного актива, например объекта недвижимости, автотранспортного средства, долей в уставном капитале хозяйственного общества. При этом необходимо отметить, что уменьшение общего имущества имеет место тогда, когда не предоставлен эквивалент выбывшему активу. Например, вещь подарена или отчуждена по иной безвозмездной сделке либо продана по заниженной цене. В ином случае, когда взамен выбывшему имуществу было встречное равноценное предоставление, уменьшение актива не состоится. Однако вопрос поступления в общую имущественную массу супругов равноценного встречного предоставления не всегда очевиден. Даже если по условиям сделки состоялся равноценный обмен, то встречное предоставление может и не поступить в

состав общего имущества, а быть скрытым или потраченным на личные нужды одного из супругов. Поэтому при установлении критерия уменьшения имущественной массы судам необходимо не только оценивать условия сделок, на основании которых произошло отчуждение общего имущества, но и устанавливать поступление встречного предоставления в общую собственность супругов.

Результатом уменьшения общего имущества могут быть гибель или повреждение вещи. В практике встречаются случаи, когда один из супругов на фоне семейного конфликта уничтожает или повреждает общее имущество. Безусловно, эти действия могут быть квалифицированы как деликт, и потерпевший супруг вправе требовать возмещения причиненного ему вреда. Но в силу свободы выбора способов защиты не исключаем возможности заявления им требования об увеличении доли при разделе общего имущества.

Буквальное толкование п. 2 ст. 39 СК РФ может привести к его ограничительному применению. Фраза «уменьшение общего имущества», а согласно п. 2 ст. 34 СК РФ к такому относится нажитое в браке (актив), и частный случай такого уменьшения, поименованный в п. 2 ст. 39 СК РФ как совершение без необходимого согласия второго супруга сделок по отчуждению общего имущества, свидетельствуют о том, что уменьшение имеет место только при выбытии из состава общего имущества отдельного объекта (вещи, права или иного имущества).

Вместе с тем нарушение имущественных прав супруга может быть следствием разнообразных действий другого супруга, напрямую не связанных с отчуждением объекта совместной собственности. В судебной практике к таким случаям относятся принятие супругом решения о введении в состав участников общества нового участника с внесением им неэквивалентного дополнительного вклада в уставный капитал общества и выход участника из общества с последующим распределением перешедшей к обществу доли другому участнику (или третьему лицу)³. Более того, общее имущество супругов включает в себя не только актив, но и общие долги [5, с. 25; 6, с. 36]. Такой подход можно считать достаточно устоявшимся в судебной практике⁴. Увеличение общих долгов, например, в результате несвоевременного возврата заемных средств, с одной стороны, не влечет в буквальном смысле уменьшения имущества супругов, но, с другой, нарушает имущественные права и интересы одного из них⁵.

Известны и другие случаи действий, нарушающих имущественные права супруга, в результате которых в общую собственность не поступают доходы.

³ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 21 января 2014 г. № 9913/13. URL: <https://www.vsrff.ru/documents/arbitration/17457/> (дата обращения: 11.02.2025).

⁴ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2016 г. № 39-КГ16-4; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 июня 2024 г. № 309-ЭС24-7128 по делу № А50-16246/2021.

⁵ Следует отметить, что долг одного из супругов, возникший хотя и в период брака, не является общим, если не доказано, что полученные средства были потрачены на нужды семьи. См., например: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 13 апреля 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 11. № 12; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 мая 2023 г. № 34-КГ23-1-К3. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс»; и др.

Например, единственный участник общества необоснованно не принимает решение о распределении прибыли, супруг-предприниматель в преддверии раздела имущества по соглашению с контрагентом изменяет сроки выплат и др.

Как мы видим, практика знает разнообразные способы нарушения имущественных прав и интересов одного из супругов, не всегда прямо связанных с уменьшением имущества. Однако нововведения не учитывают их, оставляя супруга незащищенным, а нарушителя – безнаказанным.

На наш взгляд, более верным было бы использование формулировки **«причинение вреда имущественным правам и законным интересам супруга»** вместо «уменьшение общего имущества», поскольку она позволяет охватить иные действия, причиняющие вред, но не связанные с уменьшением общего имущества.

2. Недобросовестность действий супруга, повлекших уменьшение общего имущества супругов. Не любое уменьшение общего имущества супругов является основанием для увеличения доли при его разделе. Супруг вправе заявить требование об увеличении доли, если уменьшение общего имущества стало результатом недобросовестных действий другого супруга.

В соответствии с п. 3 и п. 4 ст. 1 ГК РФ при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом) (п. 1 ст. 10 ГК РФ).

Недобросовестность действий – понятие оценочное и подлежит установлению в каждом конкретном деле. С учетом действия презумпции добросовестности, установленной п. 5 ст. 10 ГК РФ, недобросовестность действий подлежит доказыванию лицом, заявляющим о ее наличии. Согласно разъяснениям, данным в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», «оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны...»⁶.

Как верно отмечено, «оба супруга в одинаковом объеме считаются собственниками всего общего имущества, но равенство прав супругов исключает произвольное, единоличное распоряжение всем имуществом одним из супругов» [7, с. 168]. При осуществлении прав необходимы согласование интересов собственников, определение их единой воли, выражение которой вовне осуществляется одним из супругов. Супруги как сособственники являются сторонами относительного отношения обязательственного типа, которое не укладывается в классическую формулу, предусмотренную п. 1 ст. 307 ГК РФ [8, с. 163; 9, с. 38]. Этот вывод следует из существа особой обязательственной связи, возникающей между супругами по поводу их общего имущества.

Содержанием этого отношения является обязанность одного супруга осуществлять управление общим имуществом так, чтобы учитывались интересы другого супруга, и корреспондирующее право последнего требовать такого по-

⁶ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

ведения от обязанного лица. Здесь действия обязанного лица не направлены на непосредственное удовлетворение интереса управомоченного (как, например, в договорном обязательстве), но обеспечивают его учет и соблюдение прав другого супруга.

Поскольку имущественные отношения супругов производны от их личных отношений, основанных на супружестве, то обязательственные отношения супругов по поводу общего имущества имеют свою специфику. Статья 31 СК РФ закрепляет за супругами обязанности строить свои отношения в семье на основе взаимоуважения и взаимопомощи, содействовать благополучию и укреплению семьи, заботиться о благосостоянии и развитии своих детей. Семья как общность духовная не может существовать вне материальной основы. Следовательно, осуществление как личных, так и имущественных прав должно быть направлено на укрепление семьи, обеспечение ее благосостояния. Поэтому супруг не обладает безусловной свободой и полной автономией воли при распоряжении общим супружеским имуществом даже в силу действия презумпции согласия второго супруга: **он ограничен интересами последнего и семьи в целом.**

На наш взгляд, положения ст. 1 СК РФ – необходимость укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, а также п. 3 ст. 31 СК РФ – обязанность супругов строить свои отношения в семье на основе взаимоуважения и взаимопомощи, содействовать благополучию и укреплению семьи в совокупности следует рассматривать как стандарт добросовестного поведения супруга при осуществлении им личных и имущественных прав. Несоответствие поведения одного из супругов указанным положениям следует расценивать как недобросовестное. По справедливому утверждению В. В. Кулакова, положения ст. 1 СК РФ нельзя назвать декларативными, они должны «учитываться при разрешении конкретных семейных споров, в том числе и имущественных» [10, с. 17–18].

Таким образом, при осуществлении своих прав в отношении общего имущества супруг обязан действовать добросовестно, **учитывая права и законные интересы другого супруга и семьи в целом.**

Данный вывод находит поддержку в правоприменении. В пункте 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» (далее – Постановление № 15) действия супруга по расходованию имущества в ущерб интересам семьи относятся к случаям, позволяющим суду отступить от начала равенства долей в общем имуществе супругов⁷, т. е. расцениваются как недобросовестные.

В судебной практике выявлены отдельные примеры недобросовестного поведения супруга, причиняющего вред имущественным интересам другого:

- отчуждение имущества вопреки воле другого супруга по сделкам, для которых не требуется его нотариально удостоверенное согласие (отчуждение акций, автотранспортных средств и др.), и трата средств, полученных от продажи общего имущества, не в интересах семьи (п. 17 Постановления № 15);

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 (ред. от 06.02.2007) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 1.

- принятие супругом решения о введении в состав участников общества нового участника с внесением им неэквивалентного дополнительного вклада в уставный капитал общества⁸;
- внесение участниками (единственным участником) изменений в устав общества только для того, чтобы помешать вхождению в него супруга (бывшего супруга) участника при разделе их общего имущества или до него⁹;
- занижение действительной стоимости доли в уставном капитале хозяйственного общества и др.

Закон закрепляет частный случай недобросовестных действий супруга – совершенные «...без необходимого... согласия другого супруга на невыгодных условиях такие сделки по отчуждению общего имущества супругов, к которым судом не были применены последствия их недействительности по требованию другого супруга» (п. 2 ст. 39 СК РФ). Это положение, пожалуй, в большей степени вносит неясность в и без того громоздкую конструкцию п. 2 ст. 39 СК РФ.

Во-первых, речь идет исключительно о тех сделках по распоряжению общим имуществом, для которых в силу п. 3 ст. 35 СК РФ требуется нотариально удостоверенное согласие другого супруга. Следует полагать, что сделки, нарушившие права супруга, для совершения которых его согласия не требовалось (п. 2 ст. 35 СК РФ), не выпадают из-под действия п. 2 ст. 39 СК РФ, а охватываются иными недобросовестными действиями, повлекшими уменьшение общего имущества.

Во-вторых, закон уточняет, что не любые сделки, совершенные без необходимого согласия второго супруга, являются недобросовестными действиями, а только те, что совершены **на невыгодных условиях**.

Законодатель в п. 2 ст. 39 СК РФ установил дополнительный критерий, необходимый для заявления требования об увеличении доли, – невыгодность условий сделки. При этом ни п. 3 ст. 35 СК РФ, устанавливающий право супруга требовать признания недействительной сделки, совершенной без его нотариального согласия, ни п. 1 ст. 173.1 ГК РФ, определяющий правила оспаривания таких сделок, не содержат указания на невыгодность условий совершенной сделки. Более того, Верховный Суд Российской Федерации специально указывает, что при оспаривании сделки по правилам ст. 173.1 ГК РФ не требуется доказывания неблагоприятных последствий, поскольку совершение сделки в отсутствие согласия *уже* является нарушением прав и законных интересов¹⁰.

Действующий закон не только не раскрывает содержание категории «невыгодные условия», но и не устанавливает объективных ориентиров для квалификации условий сделки как невыгодных.

В судебной практике применительно к иным случаям выработаны подходы к определению невыгодных условий сделки. Так, в Постановлении Пленума

⁸ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 21 января 2014 г. № 9913/13.

⁹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 1 июля 2024 г. № 306-ЭС23-26474 по делу № А12-26592/2022. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 62 в абз. 7 п. 2 указано: «Под сделкой на невыгодных условиях понимается сделка, цена и (или) иные условия которой существенно в худшую для юридического лица сторону отличаются от цены и (или) иных условий, на которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки (например, если предоставление, полученное по сделке юридическим лицом, в два или более раза ниже стоимости предоставления, совершенного юридическим лицом в пользу контрагента)»¹¹. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 в качестве примера сделки на невыгодных условиях рассматривается сделка, по которой полученное предоставление в несколько раз ниже стоимости предоставления, совершенного в пользу контрагента.

По существу в правоприменении можно выделить два подхода к определению сделок на невыгодных условиях. Первый – когда совершенная сделка сравнивается с аналогичной и устанавливается наличие ухудшающих условий для одной из сторон сделки по сравнению с аналогичной. И второй – когда сравнивается стоимость взаимных предоставлений по сделке и устанавливается неравноценность встречного предоставления. Но следует отметить, что оба подхода применимы исключительно для возмездных сделок, т. е. предполагающих встречное предоставление. На безвозмездные сделки эти критерии не распространяются.

Следовательно, критерий невыгодности условий сделки не может быть установлен, если отчуждение супружеского имущества осуществлено по договору дарения или на основании иной безвозмездной сделки. Критерий «невыгодные условия» также не охватывает известные практике случаи совершения сделок хотя и на выгодных условиях, но с лицом, не способным исполнить обязательство. В этих и других случаях оценить невыгодность условий сделки практически невозможно.

Как было установлено, недобросовестные действия супруга – это действия, нарушающие права и законные интересы другого супруга, и они подлежат доказыванию лицом, обратившимся в суд. Причинение ущерба правам и интересам супруга охватывает все случаи недобросовестных действий, включая совершение сделок на невыгодных условиях. Возложение на супруга, чьи права нарушены, дополнительной обязанности доказывать невыгодность условий сделки делает защиту его прав сложной, а в отдельных случаях – невозможной. Поэтому видится необоснованным введение дополнительного критерия «невыгодные условия сделки» в п. 2 ст. 39 СК РФ.

В-третьих, формулировка «судом не были применены последствия их недействительности по требованию другого супруга» однозначно указывает на то, что супруг, требующий увеличения доли, не получил защиты при заявлении иска о признании сделки недействительной по правилам ст. 173.1 ГК РФ. Здесь следует обратить внимание на важный момент: эта формулировка не должна толковаться так, что супруг сначала должен заявить иск о недействительности сделки и только в том случае, если ему будет отказано, вправе обратиться в суд с требованием о разделе общего имущества и увеличении его доли. Иное

¹¹ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_150888/ (дата обращения: 12.02.2025).

предполагало бы, что законодатель принуждает к выбору способа защиты права и ставит заявление требования об увеличении доли в зависимости от отказа в иске о признании сделки недействительной. Такой подход противоречил бы ст. 45 Конституции Российской Федерации, устанавливающей, что «каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом», и гражданско-правовому принципу автономии воли, закрепленному в п. 2 ст. 1 ГК РФ: «Граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе».

Выбор способа защиты гражданских прав, как неоднократно указывал Верховный Суд Российской Федерации, принадлежит субъекту нарушенного права¹².

Обсуждение и заключение

Бесспорно, измененная норма п. 2 ст. 39 СК РФ призвана гарантировать справедливую долю супруга в общем имуществе, нажитом в браке. Однако она нуждается в уточнении, поскольку не содержит ответа на те вопросы, которые с высокой степенью вероятности возникнут при правоприменении, а буквальное толкование ныне действующих положений не позволяет получить строго однозначные ответы.

Попытка законодателя обеспечить защиту интересов супруга безусловно заслуживает поддержки. Но верно ли избран путь такой защиты? Будет ли обеспечен баланс интересов добросовестного приобретателя и супруга, чьи права на общее имущество нарушены? На данный момент дать положительный ответ, на наш взгляд, затруднительно. И это связано не только с упущениями при формулировании нововведений, но и с «оторванностью» законодательной нормы от реальной жизни. Недобросовестные действия, направленные на причинение вреда, совершаются, как правило, в преддверии расторжения брака. К моменту заявления требования о разделе имущества наиболее ценные по стоимости объекты супружеской собственности выбывают из состава общего имущества в результате недобросовестных действий одного из супругов. И если раньше вероятность их возврата была велика, то сегодня вернуть их практически невозможно. К моменту «выхода» из брака и раздела имущества его состав и стоимость могут быть настолько незначительными, что даже увеличение доли в общем имуществе не способно компенсировать утраченное. Таким образом, защитив добросовестного приобретателя, действующий закон не дает эффективных мер защиты пострадавшему супругу и, скорее, создает поле для злоупотреблений.

Фактическое отсутствие ограничений при распоряжении общей собственностью и сложность, а в отдельных случаях – невозможность защиты прав делают положение добросовестного супруга максимально уязвимым. Законодатель не должен игнорировать интересы такого супруга. Как верно отмечено, «комплексный подход к вопросам имущественных отношений супругов... должен прослеживаться постоянно и являться одним из системообразующих постулатов решения ряда вопросов в этой области» [11, с. 19]. Точечные изменения, устранившие проблему защиты прав добросовестного приобретателя, по

¹² См., например, Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 июня 2023 г. № 69-КГ23-4-К7. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

существу перенесли риск недобросовестного поведения на супруга, не имеющего адекватных мер защиты. Комплексный подход к решению проблемы видится в разработке как действенных инструментов защиты, так и эффективных механизмов, предупреждающих причинение вреда, в области публичного и частного права. Мерой превентивного характера могло бы стать информирование Росреестром супруга при подаче другим супругом заявления о регистрации перехода права собственности на недвижимость к третьему лицу.

Список источников

1. Граве К. А. Имущественные отношения супругов. М. : Госюриздат, 1960. 117 с.
2. Жуйков В. М. Гражданский кодекс России в практике судов общей юрисдикции // Вестник гражданского права. 2007. № 3. С. 5–12.
3. Лухманов М. Релевантность знания приобретателя супружеской собственности об отсутствии согласия супруга на ее отчуждение: долгожданная или опрометчивая новелла абз. 2 п. 3 ст. 35 СК РФ? // Цивилистика. 2023. Т. 1, № 2. С. 70–98.
4. Ульянова М. В. Принцип равенства прав супругов и основания для отступления при разделе имущества супругов // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 4. С. 59–75. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.59-75.
5. Чефранова Е. А. Долги супругов: научная дискуссия и практические последствия // Семейное и жилищное право. 2021. № 4. С. 24–27. DOI: 10.18572/1999-477X-2021-4-24-27.
6. Ломакина П. А. Добровольный раздел общих долгов супругов по российскому праву // Вестник гражданского права. 2015. № 4. С. 36–53.
7. Слепакова А. В. Правоотношения собственности супругов. М. : Статут, 2005. 444 с.
8. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М. : Статут, 2017. 560 с.
9. Ильина О. Ю. Синаллагматическое обязательство супругов: проблема интереса и равенства прав супругов // Защита прав и охраняемых законом интересов граждан : факультет. науч. чтения им. проф. Р. Е. Гукасяна, Тверь, 01–31 мая 2022 г. Вып. III. Тверь, 2022. С. 37–43.
10. Кулаков В. В. Принципы семейного права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 16–20. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.78.5.016-020.
11. Лескова Ю. Г., Филатова У. Б. Принцип добросовестности и злоупотребление правом в аспекте конвергенции семейного законодательства и законодательства о банкротстве // Гражданское право. 2023. № 4. С. 19–21. DOI: 10.18572/2070-2140-2023-4-19-21.

References

1. Grave, K. A. *Property relations of spouses*. Moscow: State Publishing House of Legal Literature; 1960. 117 p. (In Russ.)

2. Zhuykov, V. M. Civil Code of Russia in the practice of courts of general jurisdiction. *Civil Law Review*. 2007;(3):5-12. (In Russ.)
3. Lukhmanov, M. Relevance of the knowledge of the acquirer of marital property about the absence of consent of the spouse to its alienation: a long-awaited or rash innovation in paragraph 2 of clause 3 of Article 35 of the Family Code of Russia? *Tsivilistika = Civilistics*. 2023;1(2):70-98. (In Russ.)
4. Ulianova, M. V. The principle of equality of rights of spouses and grounds for derogation when dividing property of spouses. *Pravosudie/Justice*. 2023;5(4):59-75. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.59-75.
5. Chefranova, E. A. Spousal shares: the scientific discussion and practical consequences. *Semejnoe i zilishchnoe pravo = Family and Housing Law*. 2021;(4):24-27. (In Russ.) DOI: 10.18572/1999-477X-2021-4-24-27.
6. Lomakina, P. A. Voluntary division of joint spouses' debts under Russian law. *Civil Law Review*. 2015;(4):36-53. (In Russ.)
7. Slepakova, A. V. *Legal relations of property of spouses*. Moscow: Statut; 2005. 444 p. (In Russ.)
8. Sukhanov, E. A. *Property law: a scientific and educational essay*. Moscow: Statut; 2017. 560 p. (In Russ.)
9. Ilyina, O. Yu. Synallagmatic obligation of spouses: the problem of interest and equality of rights of spouses. *Protection of the rights and legally protected interests of citizens*. Faculty Scientific readings named after Professor R. E. Guskasyan, Tver, May 1–31, 2022. Vol. 3. Tver; 2022. Pp. 37–43. (In Russ.)
10. Kulakov, V. V. Principles of family law. *Actual Problems of Russian Law*. 2017;(5):16-20. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2017.78.5.016-020.
11. Leskova, Yu. G., Filatova, U. B. The principle of good faith and abuse of law in the aspect of convergence of family law and bankruptcy law. *Civil Law*. 2023;(4):19-21. (In Russ.) DOI: 10.18572/2070-2140-2023-4-19-21.

Информация об авторе / Information about the author

Низамова Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5).

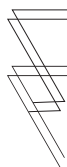
Elena A. Nizamova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor at the Civil Law Department, North-West Branch, Russian State University of Justice (5 Aleksandrovsky Park, St. Petersburg, 197046, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 10.03.2025; одобрена после рецензирования 05.05.2025; принята к публикации 24.11.2025.

The article was submitted 10.03.2025; approved after reviewing 05.05.2025; accepted for publication 24.11.2025.

Научная статья

УДК 343.01

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.122-134

О нарушении системности в процессе формирования уголовно-правовых норм на примере ст. 187 УК РФ

Михаил Александрович Простосердов

*Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация
prosto_m_alex@mail.ru*

Аннотация

Введение. На основе актуальных изменений в ст. 187 Уголовного кодекса Российской Федерации показана одна из глобальных проблем действующего уголовного закона – проблема системности формирования уголовно-правовых норм. Автором предложен возможный вариант решения данной проблемы, заключающийся в применении математических методов при формировании новых положений уголовного закона.

Теоретические основы. Методы. Научная статья основывается на актуальных теоретических исследованиях системы Уголовного кодекса Российской Федерации, проблем уголовной ответственности за дропперство, а также интеграции математических методов в область уголовного права. Основными методами исследования выступают диалектический метод познания, метод анализа правовых документов, метод синтеза полученных результатов.

Результаты исследования. В работе сделан вывод, что в рамках одной ст. 187 УК РФ нормы уголовного закона согласованы, однако в рамках всего Уголовного кодекса Российской Федерации положения ст. 187 УК РФ нарушают принцип системности. Выявленная проблема относится не только к ст. 187 УК РФ, а является фундаментальной.

Обсуждение и заключение. В завершение работы в качестве одного из способов решения выявленной проблемы автор предлагает фундаментальный пересмотр процесса формирования уголовно-правовых норм путем внедрения в данный процесс математических методов (в частности, теоретико-графического метода).

Ключевые слова: система уголовного права, структура уголовного закона, проблемы уголовного права, неправомерный оборот средств платежей, теория графов, цифровое правосудие, цифровизация правосудия, правовое обеспечение цифрового правосудия

Благодарности: работа написана при поддержке Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева в рамках технического задания на тему «Правовое обеспечение цифрового правосудия».

Для цитирования: Простосердов М. А. О нарушении системности в процессе формирования уголовно-правовых норм на примере ст. 187 УК РФ // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 4. С. 122–134. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.122-134.

Original article

On the Violation of the System in the Process of Forming Criminal Law Norms, Using Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation as an Example

Mikhail A. Prostoserov

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation
prosto_m_alex@mail.ru*

Abstract

Introduction. The scientific article, based on the current changes to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation, shows one of the global problems of the current criminal law, which is the problem of the systematic formation of criminal law norms. The author proposes a possible solution to this problem, which is the use of mathematical methods in the formation of new provisions of the criminal law.

Theoretical Basis. Methods. The scientific article is based on current theoretical research in the field of the system of the Criminal Code of the Russian Federation, the problem of criminal liability for dropshipping, and the integration of mathematical methods into the field of criminal law. The main research methods are the dialectical method of cognition, the method of analyzing legal documents, and the method of synthesizing the results obtained.

Results. The work concludes that within the framework of one Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation, the norms of the criminal law are consistent, however, within the framework of the entire Criminal Code of the Russian Federation, the provisions of Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation violate the principle of consistency. The identified problem applies not only to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation, but is fundamental.

Discussion and Conclusion. At the end of the paper, as one of the ways to solve the identified problem, the author proposes a fundamental revision of the process of forming criminal law norms by introducing mathematical methods (in particular, the theoretical and graphical method) into this process.

Keywords: criminal law system, structure of criminal law, problems of criminal law, illegal circulation of payment means, graph theory, digital justice, digitalization of justice, legal support for digital justice

Acknowledgments: the work was written with the support of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev as part of the technical task on the topic “Legal Support for Digital Justice”.

For citation: Prostoserdiv, M. A. On the violation of the system in the process of forming criminal law norms, using Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation as an example. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(4):122-134. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.122-134.

Введение

Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» ст. 187 УК РФ «Неправомерный оборот средств платежей» была дополнена рядом новых положений, устанавливающих уголовную ответственность за передачу электронного средства платежа и (или) доступа к нему другому лицу для осуществления таким лицом неправомерных операций (ч. 3), за осуществление неправомерных операций с использованием электронного средства платежа по указанию другого лица (ч. 4), за приобретение электронного средства платежа и (или) доступа для осуществления неправомерных операций (ч. 5), а также за осуществление неправомерной операции с использованием электронного средства платежа (ч. 6). Указанные меры были введены законодателем в качестве меры противодействия такому явлению, как «дропперство» (от англ. drop – бросать), заключающееся в предоставлении преступникам, как правило за вознаграждение, доступа к своему банковскому счету либо банковской карте для совершения преступлений, например мошенничества (ст. 159 УК РФ), вымогательства (ст. 163 УК РФ) отмывания денежных средств (ст. 174 и 174.1 УК РФ), и осуществления иной противоправной деятельности.

Данные изменения в противодействии преступности безусловно значимы, при этом определенный интерес вызывает место указанных норм в структуре уголовного закона, в частности оценка законодателем общественной опасности данных преступлений, отнесение их к определенным категориям, а также установление определенных видов и размеров уголовных наказаний.

Покажем одну из глобальных, на наш взгляд, проблем действующего уголовного закона – проблему системности формирования уголовно-правовых норм; а также предложим возможный вариант решения данной проблемы, заключающийся в применении математических методов при формировании новых положений уголовного закона.

Теоретические основы. Методы

Вопросам системы уголовного закона Российской Федерации посвятили свои работы такие ученые в области уголовного права, как П. А. Агапов [1], А. Г. Безверхов [2], Д. В. Голенко [3], А. А. Середин [4], В. Н. Сизова [5], М. В. Феоктистов [6], Е. В. Щелконогова [7], и многие другие.

Проблемы уголовной ответственности за дропперство исследовались Н. В. Алесиной, Г. С. Мерекешевым, И. С. Голенцовой, С. А. Аблаевой [8], Е. А. Соколовой [9], У. И. Богацкой [10], М. М. Валитовым [11], О. В. Зайцевой [12], С. А. Кисленко [13] и др.

Множество исследований проведено в сфере интеграции математических методов в область уголовного права, в частности, следует отметить работы И. М. Мацкевича [14], А. И. Петропавловского [15], М. А. Простосердова [16], Д. С. Терещенко [17], А. Д. Эткиной [17].

В настоящей работе на основе диалектического метода выявляются противоречия построения Особенной части Уголовного кодекса, анализируют-

ся проблемы его построения, влекущие появление бессистемности. Используя метод анализа правовых документов, можно сопоставить составы преступлений, предусмотренные ч. 3–6 ст. 187 УК РФ, с аналогичными по общественной опасности составами преступлений, а также со смежными составами преступлений. С помощью указанного метода также можно сопоставить санкции уголовно-правовых норм в ч. 3–6 ст. 187 УК РФ с санкциями смежных уголовно-правовых норм. Тем самым можно определить место преступлений, предусмотренных ч. 3–6 ст. 187 УК РФ, в структуре Особенной части УК РФ. Используя математические методы (в частности, теоретико-графический метод), можно смоделировать возможное место преступлений, предусмотренных ч. 3–6 ст. 187 УК РФ, в структуре уголовного закона. Сопоставив два полученных результата, можно сделать вывод о нарушении системности уголовного закона при введении новых уголовно-правовых норм.

Результаты исследования

Как верно отмечает П. А. Агапов, анализ изменений, которым подвержен в последнее время УК РФ, в целом ряде случаев свидетельствует об отсутствии системного подхода [1, с. 20]. Возникновение такого явления, как «бессистемность», – крайне негативный фактор для любой отрасли права, а если учитывать, что уголовное право затрагивает вопросы жизни и смерти, права и свободы человека, которые в соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации являются высшей ценностью, то возникновение бессистемности в уголовном праве сводит на нет его основную задачу – охрану прав и свобод человека (ст. 2 УК РФ).

Бессистемность как понятие является понятием противоположным понятию «системность» или «система». Под системой предлагаем понимать категорию, обозначающую объект, организованный в качестве целостности элементов, где энергия связей между элементами системы превышает энергию их связей с элементами других систем и задает онтологическое ядро системы. Энергия связей, в свою очередь, – это сила между отдельными элементами системы, их сочетаемость, синергичность, способность на какое-либо действие, активность [16, с. 235]. Таким образом, бессистемность означает отсутствие системы в объекте, элементы в котором должны быть связаны с определенной энергией, но либо такая связь отсутствует, либо нарушается. При бессистемности в объекте отсутствует системообразующий признак.

Если представить Особенную часть УК РФ в качестве системы, то в качестве элементов системы могут выступать уголовно-правовые нормы, включающие в себя диспозиции и санкции. Данные элементы должны быть связаны между собой определенным образом – так, чтобы связь была устойчивой (сочетаемой, синергичной, способной на какое-либо действие, активность). Например, между составами ч. 1 и 2 ст. 187 УК РФ присутствует вертикальная иерархическая связь, где состав ч. 1 ст. 187 УК РФ является основным, а состав ч. 2 ст. 187 УК РФ – квалифицированным (совершенные организованной группой). Эта связь неразрывно проявляется в санкциях указанных норм, где санкция ч. 1 ст. 187 УК РФ предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы до шести лет, а санкция ч. 2 ст. 187 УК РФ предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы до семи лет.

Наличие указанных связей позволяет однозначно определить, какое преступление является более общественно опасным и какое преступление более нака-

зуемо. Соотношение общественной опасности преступлений с их наказуемостью находится в синергии: чем выше общественная опасность преступления, тем более оно наказуемо (и наоборот).

Дефектом системы, в данном контексте, может стать ситуация, когда санкция квалифицированного состава предусматривает более мягкое наказание. В рамках ст. 187 УК РФ подобная ситуация не прослеживается, однако действующий уголовный закон знает подобные примеры: в частности, санкция основного состава ч. 1 ст. 115 УК РФ предусматривает наказание в виде обязательных работ на срок до 480 часов, в то время как санкция квалифицированного состава ч. 2 ст. 115 – всего до 360 часов. Это не единственный пример: в санкции основного состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 148 УК РФ, предусмотрено основное наказание в виде штрафа в размере до 300 тыс. руб., в то время как в санкции квалифицированного состава ч. 4 ст. 148 УК РФ – всего до 200 тыс. руб. В другом случае санкция основного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 151.2 УК РФ, предусматривает основное наказание в виде штрафа в размере от 50 тыс. до 80 тыс. руб., в то время как санкция квалифицированного состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 151.2 УК РФ, предусматривает основное наказание в виде штрафа в размере до 100 тыс. руб., без указания на нижний предел наказания, что фактически, на основании ст. 46 УК РФ, создает возможность назначения штрафа в размере от 5 тыс. руб.

При таких дефектах уже нельзя однозначно сказать, какое из преступлений более общественно опасно и более наказуемо, ибо теряется системообразующий признак, появляется бессистемность.

Кроме строгих иерархических вертикальных связей (например, связь основной/квалифицированный состав) существуют и горизонтальные связи, в которых иерархия может отсутствовать. Например, состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 131 УК РФ, безусловно связан с составом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 132 УК РФ, так как у них идентичны практически все признаки состава, кроме деяния, которые, в свою очередь, весьма схожи. Однако иерархии между ними нет: это проявляется и в санкциях указанных норм – они идентичны. Причем, это проявляется и в остальных частях (2–5) данных норм. Аналогичная ситуация проявляется и в ст. 174 и 174.1 УК РФ: их общественная опасность идентична и наказания также идентичны. Другими словами, выявляется состояние равенства или равновесия, что может стать фундаментальной основой для построения системы уголовного закона.

В рамках ст. 187 УК РФ можно говорить о пяти основных составах преступлений (ч. 1, 3–6) и одном квалифицированном составе (ч. 2). Указанный квалифицированный состав имеет связь только с одним из основных – составом ч. 1 ст. 187 УК РФ, в то время как составы ч. 3–6 не имеют с ним никаких прямых связей.

Однако составы ч. 3–6 ст. 187 УК РФ связаны с составом ч. 1 указанной статьи – это связь между разными основными составами преступлений. Связь обусловлена непосредственным объектом посягательства: все преступления посягают на нормальный оборот средств платежей (непосредственный объект), отношения в сфере экономической деятельности (видовой объект) и, следовательно, экономические отношения (родовой объект). Также следует учитывать, что у всех указанных составов преступлений один и тот же субъект (общий субъект, достигший возраста 16 лет) и сходные признаки субъективной стороны – все преступления умышленные.

При этом, в отличие от ситуации со ст. 131 и 132 УК РФ, составы ч. 1 и ч. 3–6 ст. 187 УК РФ предусматривают принципиально разные общественно опасные деяния, что существенным образом влияет на характер общественной опасности преступления и делает невозможным состояние равновесия между ними. Следовательно, нельзя приравнивать наказания в санкциях ч. 1, 3–6 ст. 187 УК РФ.

Таким образом, между ч. 1 ст. 187 УК РФ и ч. 3–6 ст. 187 УК РФ присутствуют вертикальные связи, но эта связь иного рода, чем связи основного и квалифицированного состава, – это связь между смежными основными составами. Аналогичная ситуация проявляется, например, в ст. 212 УК РФ «Массовые беспорядки». Указанная статья предусматривает пять основных составов преступлений, где наиболее опасный состав – это состав ч. 1 ст. 212 УК РФ, а наименее опасный – состав ч. 3 указанной статьи.

Другой пример: состав ч. 1 ст. 161 УК РФ «Грабеж» предусматривает явно более общественно опасное деяние (открытое хищение чужого имущества), чем состав ч. 1 ст. 158 УК РФ «Кража» (тайное хищение чужого имущества). Между ними нет связи основного и квалифицированного состава, это связь двух смежных основных составов, но эта связь является вертикальной. Эта связь проявляется и в наказаниях, так как она является синергичной.

Если выстроить составы ст. 187 УК РФ по наказанию, то это должно стать прямым отражением их общественной опасности. Проведя данную операцию, получаем следующее:

1) наименьшая санкция наказания предусмотрена ч. 3 и 4 ст. 187 УК РФ: оба преступления отнесены к категории преступлений небольшой тяжести, и у них идентичные санкции, предусматривающие штраф, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, принудительные работы и лишение свободы на срок до трех лет (следовательно, можно предположить, что между этими двумя составами существует состояние равновесия по общественной опасности);

2) второй в аспекте санкции наказания является ч. 1 ст. 187 УК РФ – тяжкое преступление, которое наказывается принудительными работами и лишением свободы на срок до шести лет с обязательным штрафом;

3) третьей является ч. 5 ст. 187 УК РФ – тяжкое преступление, которое наказывается штрафом, принудительными работами и лишением свободы на срок до шести лет с факультативным штрафом, но в больших пределах, чем в ч. 1 указанной статьи;

4) четвертой является ч. 6 ст. 187 УК РФ – тяжкое преступление, которое наказывается принудительными работами с факультативным штрафом и лишением свободы на срок до шести лет с факультативным штрафом и факультативным ограничением свободы (в отличие от ч. 5, в санкции ч. 6 нет основного наказания в виде штрафа, а штраф в качестве дополнительного наказания установлен в больших размерах);

5) наиболее наказуемой стала ч. 2 ст. 187 УК РФ – тяжкое преступление, предусматривающее принудительные работы и лишение свободы на срок до семи лет с факультативным штрафом.

Таким образом, несмотря на сложную последовательность уголовно-правовых норм в рамках ст. 187 УК РФ, выстроить их от наименее к наиболее наказуемой можно, а следовательно, можно расположить и от наименее к наиболее опасной. При этом если проанализировать указанные нормы по признакам состава преступления, то, на наш взгляд, эти последовательности совпадут.

Теперь проанализируем горизонтальные связи между ст. 187 УК РФ и другими статьями главы 22 УК РФ.

У санкций ч. 3 и 4 ст. 187 УК РФ в рамках главы 22 УК РФ прямых аналогов нет. Наиболее схожи с ними санкции ч. 1 ст. 195 и ч. 1 ст. 200.5 УК РФ (однако данные преступления более наказуемы, так как предусматривают основной штраф в больших размерах и дополнительный штраф к лишению свободы) и санкция ч. 1 ст. 179 УК РФ (менее наказуемое преступление, так как предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет, а не до трех). В рамках остальных норм Особенной части УК РФ у ч. 3 и 4 ст. 187 УК РФ также аналогов нет: формально предусмотренные указанными частями наказания больше, чем ч. 4 ст. 234 УК РФ, и меньше, чем ч. 2 ст. 215.3 УК РФ.

У санкции ч. 1 ст. 187 УК РФ в рамках главы 22 УК РФ прямых аналогов также нет. Формально размер предусмотренного ею наказания меньше, чем санкция ч. 2 ст. 178 УК РФ (у последней более строгие дополнительные виды наказаний), и больше, чем санкция, установленная ст. 197 УК РФ (так как в последней есть основной штраф, а дополнительный штраф указан в меньших пределах). В рамках всего Кодекса размер санкции по ч. 1 ст. 187 УК РФ больше, например, чем санкция ч. 1 ст. 127.1 УК РФ «Торговля людьми», но меньше, чем установленная ч. 2 ст. 274.1 УК РФ (по признаку дополнительного штрафа в размере заработной платы).

Санкция ч. 5 ст. 187 УК РФ в рамках главы 22 УК РФ сходна с санкцией ч. 4 ст. 180 УК РФ «Незаконное использование средств индивидуализации товаров организованной группой лиц» (хотя последняя имеет признак дополнительного штрафа). В рамках норм всего уголовного закона наиболее близка к санкции ч. 5 ст. 187 УК РФ санкция ч. 2 ст. 238 УК РФ (однако диспозиция указанной нормы предусматривает в качестве признака состава преступления смерть человека).

Санкция ч. 6 ст. 187 УК РФ сходна с санкцией ч. 2 ст. 178 УК РФ, но при этом ч. 2 ст. 178 не предусматривает дополнительное наказание в виде ограничения свободы, которое есть в санкции ч. 6 ст. 187 УК РФ. Формально санкция ч. 6 ст. 187 УК РФ предусматривает больший размер наказания, чем санкция ч. 2 ст. 240 УК РФ. Так, в рамках ч. 6 ст. 187 УК РФ можно назначить одновременно три наказания: лишение свободы на срок шесть лет со штрафом в размере один миллион рублей и с ограничением свободы на срок два года. В то время как в рамках ч. 2 ст. 240 УК РФ можно назначить максимум лишение свободы на срок шесть лет с ограничением свободы на срок два года, а дополнительный штраф назначить невозможно (см. ч. 4 ст. 46 УК РФ).

Санкция ч. 2 ст. 187 УК РФ имеет полные аналоги в главе 22 УК РФ: данная санкция идентична санкции ч. 2 ст. 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность» и санкции ч. 5 ст. 191 УК РФ «Незаконный оборот янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней, драгоценных металлов, драгоценных камней либо жемчуга». При этом в рамках всего УК РФ санкция ч. 2 ст. 187 УК РФ предусматривает больший размер наказания, чем санкция ч. 3 ст. 215.2 УК РФ «Приведение в негодность объектов жизнеобеспечения, повлекшее по неосторожности смерть человека».

Проведенный анализ демонстрирует, что в рамках одной ст. 187 УК РФ нормы согласованы как по признаку общественной опасности, так и по признаку наказуемости, однако в рамках всего УК РФ положения ст. 187 находятся не на своем месте.

Складываются парадоксальные ситуации: ненасильственный состав преступления (осуществление неправомерной операции с использованием электронного средства платежа, совершенной лицом, не являющимся стороной договора об использовании этого электронного средства платежа, заключенного с оператором по переводу денежных средств, – ч. 6 ст. 187 УК РФ) является более наказуемым, а следовательно, более общественно опасным, чем насильственный квалифицированный состав преступления (вовлечение в занятие проституцией или принуждение к продолжению занятия проституцией с применением насилия или с угрозой его применения – ч. 2 ст. 240 УК РФ). Материальный состав преступления с двумя формами вины (а следовательно, на основании ст. 27 УК РФ в целом умышленный) – выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, повлекшее по неосторожности смерть человека (ч. 2 ст. 238 УК РФ), – является менее наказуемым, чем приобретение либо передача другому лицу из корыстной заинтересованности электронного средства платежа (ч. 5 ст. 187 УК РФ).

Установленная проблема относится не только к ст. 187 УК РФ: аналогичные несогласованности выявляются по всему Уголовному кодексу Российской Федерации. Так, доведение до самоубийства путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего (ч. 1 ст. 110 УК РФ) наказывается мягче, чем ненасильственное склонение к совершению самоубийства путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом (ч. 4 ст. 110.1 УК РФ). Другой пример: обещание или предложение посредничества во взяточничестве в значительном размере (ч. 5 ст. 291.1 УК РФ) наказывается строже не только чем само посредничество во взяточничестве в значительном размере (ч. 5 ст. 291.1 УК РФ), но и само получение взятки в значительном размере (ч. 2 ст. 290 УК РФ). Таким образом, можно заключить, что выявленная проблема является фундаментальной.

Возможным решением данной проблемы, на наш взгляд, может стать только фундаментальный пересмотр процесса формирования уголовно-правовых норм, например, путем внедрения в данный процесс математических методов. Одним из таких методов является теоретико-графический метод.

Теория графов – область дискретной математики, особенностью которой является геометрический подход к изучению объектов и связей между ними. Граф – математический объект, состоящий из двух множеств. Одно из них – любое конечное множество, его элементы называются вершинами графа. Другое множество состоит из пар вершин, эти пары называются ребрами графа. Упрощенно можно сказать, что вершинами обозначаются определенные объекты, а ребрами – связи между объектами. Таким образом, *граф* – это система взаимосвязанных между собой различных элементов, состоящих из объектов и связей, каждые из которых имеют строгое математическое выражение, подчиняются математическим законам и представлены в графическом виде. Теория графов позволяет описать множество объектов, множество взаимосвязей между объектами, их свойства, а также доказать определенные закономерности в этих множествах объектов и взаимосвязей. В качестве объектов (вершин) в нашем случае могут выступать составы преступлений, выраженные в конкретных статьях (либо частях статей) Особенной части УК РФ. Связи (ребра) в нашем случае будут представлены в виде отношений составов преступлений друг к другу [16, с. 333–335].

Теория графов может быть внедрена и в науку уголовного права. Так, А. В. Набоков и В. М. Тюрин уже исследуют вопрос формирования математической теории графов и модели квалификации насильственных корыстных преступлений, совершаемых несовершеннолетними [19], Б. А. Торопов, И. В. Гурлев и В. Б. Коробко разрабатывают теоретико-графовую модель анализа общественной опасности распространяемой экстремистской информации [20]. Теория графов также нашла свое применение в процессе формирования уголовно-правовых санкций и разработке теории санкций [16]. Кроме того, применение теории графов в уголовном праве может способствовать его цифровой трансформации и стать существенным шагом в сторону цифрового правосудия [21].

Обсуждение и заключение

Основываясь на изложенном, можно сделать следующие выводы:

- 1) в действующем уголовном законе выявлена проблема бессистемности введения новых уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за новые составы преступлений;
- 2) выявленная проблема является не частным случаем, а фундаментальной проблемой, требующей пересмотра устоявшегося процесса формирования уголовно-правовых норм;
- 3) решением данной проблемы могло бы стать внедрение математических методов в процесс формирования уголовно-правовых норм;
- 4) одним из возможных методов может стать теоретико-графический метод, заключающийся в формировании графа общественно опасных деяний, учитывающего составы преступлений в качестве вершин графа, а также вертикальные и горизонтальные связи между данными составами в качестве ребер данного графа;
- 5) сформированный граф общественно опасных деяний может стать ориентиром для введения новых уголовно-правовых норм и пересмотра действующих положений уголовного закона.

Список источников

1. Агапов П. Бессистемность как дефект текущего уголовно-правового регулирования // Системность в уголовном праве : материалы II Рос. Конгресса уголов. права (Москва, 31 мая – 1 июня 2007 г.). М. : Проспект, 2007. С. 20–21.
2. Безверхов А. Г. Системный подход в науке уголовного права // Системность в уголовном праве : материалы II Рос. Конгресса уголов. права (Москва, 31 мая – 1 июня 2007 г.). М. : Проспект, 2007. С. 50–54.
3. Голенко Д. В. О тенденциях развития Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 4. С. 26–29. DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-4-26-29.
4. Середин А. А. Системность уголовного закона: фундаментальное требование или фантом? // Ius Publicum et Privatum. 2021. № 2 (12). С. 91–95. DOI: 10.46741/2713-2811-2021-2-91-95.

5. Сизова В. Н. Российское уголовное законодательство: вопросы системного построения // *Правда и закон*. 2025. № 2 (32). С. 16–23.
6. Феоктистов М. В. Системность и бессистемность уголовного закона // *Системность в уголовном праве : материалы II Рос. Конгресса уголов. права* (Москва, 31 мая – 1 июня 2007 г.). М. : Проспект, 2007. С. 426–429.
7. Щелконогова Е. В. О системе особенной части Уголовного кодекса РФ // *Российское право: образование, практика, наука*. 2019. № 3 (111). С. 31–40. DOI: 10.34076/2410-2709-2019-3-31-40.
8. Алесина Н. В., Мерекешев, Г. С., Голенцова И. С., Аблаева С. А. Современная экономическая преступность и средства противодействия // *Актуальные вопросы учета и управления в условиях информационной экономики*. 2023. № 5. С. 453–458.
9. Соколова Е. А. Финансовая безопасность личности: современные вызовы уголовно-правовой политики // *Проблемы уголовной ответственности и наказания : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова, Рязань, 24 мая 2024 г. Рязань : Акад. права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 119–123.*
10. Богацкая У. И. Особенности привлечения к уголовной ответственности дропов за совершение преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // *Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : материалы ежегод. Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 7–8 июня 2024 г. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2024. С. 51–54.*
11. Валитов М. М. Ответственность дропперов // *Уголовно-процессуальное и технико-криминалистическое обеспечение для борьбы с киберпреступлениями в современном обществе, Тамбов, 10 дек. 2024 г. М. : Перо, 2025. С. 17–21.*
12. Зайцева О. В. Уголовная ответственность дропперов: за и против // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2024. № 6 (161). С. 138–146. DOI: 10.24412/2227-7315-2024-6-138-146.
13. Кисленко С. А., Фокин А. Д. Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий как угроза национальной безопасности Российской Федерации // *European and Asian Law Review*. 2025. Т. 8, № 1. С. 41–54. DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_41.
14. Мацкевич И. М. Геометрия уголовного закона // *Lex russica*. 2018. № 9 (142). С. 9–22.
15. Петропавловский А. И. Логико-математическое обоснование поиска справедливого наказания осужденному как критерий истинности (на примере назначения наказания выше высшего предела) // *Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева*. 2019. Т. 2, № 4. С. 185–192.
16. Простосердов М. А. Теория санкций в уголовном праве России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2024. 743 с.
17. Терещенко Д. С. Юридическая ответственность: проблемы переосмысления традиционного представления // *Антиномии*. 2022. Т. 22, № 1. С. 109–130. DOI: 10.17506/26867206_2022_22_1_109.

18. Простосердов М. А., Эткина А. Д. Проблемы цифровой трансформации уголовного права // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права: научные труды кафедры уголовного права : сб. науч. тр. М. : РГУП им. В. М. Лебедева, 2024. С. 46–52.
19. Набоков А. В., Тюрин В. М. Математическая теория графов и модель квалификации насильственных корыстных преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 1 (59). С. 149–155.
20. Торопов Б. А., Гурлев И. В., Коробко В. Б. Теоретико-графовая модель анализа общественной опасности распространяемой экстремистской информации // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 200–204.
21. Простосердов М. А. Об интеграции положений теории графов в уголовном праве России // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона : сб. материалов XII Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 20 нояб. 2024 г. М. : РГУП им. В. М. Лебедева, 2025. С. 184–190.

References

1. Agapov, P. Systemlessness as a defect of current criminal law regulation. *Systemicity in criminal law*. Materials of the II Russian Congress of Criminal Law (Moscow, May 31 – June 1, 2007). Moscow: Prospekt; 2007. Pp. 20–21. (In Russ.)
2. Bezverkhov, A. G. System approach in the science of criminal law. *Systemicity in criminal law*. Materials of the II Russian Congress of Criminal Law (Moscow, May 31 – June 1, 2007). Moscow: Prospekt; 2007. Pp. 50–54. (In Russ.)
3. Golenko, D. V. Development trends of the special part of the Criminal Code of the Russian Federation. *Juridical Journal of Samara University*. 2021;7(4):26–29. (In Russ.) DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-4-26-29.
4. Seregin, A. A. The systemacy of the criminal law: fundamental requirement or phantom? *Ius Publicum et Privatum*. 2021;(2):91–95. (In Russ.) DOI: 10.46741/2713-2811-2021-2-91-95.
5. Sizova, V. N. Russian criminal legislation: issues of systemic construction. *Pravda i zakon = Truth and Law*. 2025;(2):16–23. (In Russ.)
6. Feoktistov, M. V. Systemicity and unsystemicity of the criminal law. *Systemicity in criminal law*. Materials of the II Russian Congress of Criminal Law (Moscow, May 31 – June 1, 2007). Moscow: Prospekt; 2007. Pp. 426–429. (In Russ.)
7. Shchelkonogova, E. V. On the system of the special part of the Criminal Code of the Russian Federation. *Rossiyskoe pravo. Obrazovanie, praktika, nauka = Russian Law: Education, Practice, Science*. 2019;(3):31–40. (In Russ.) DOI: 10.34076/2410-2709-2019-3-31-40.
8. Alesina, N. V., Merekeshev, G. S., Golentsova, I. S., Ablava, S. A. Modern economic crime and countermeasures. *Actual Issues of Accounting and Management in the Information Economy*. 2023;(5):453–458. (In Russ.)

9. Sokolova, E. A. Financial security of an individual: modern challenges of criminal law policy. *Problems of criminal responsibility and punishment*. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of professors V. A. Eleonsky and N. A. Ogurtsov, Ryazan, May 24, 2024. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service; 2024. Pp. 119–123. (In Russ.)
10. Bogatskaya, U. I. Features of criminal liability for crimes committed using information and telecommunication technologies. *Criminal legislation: yesterday, today, and tomorrow*. Proceedings of the Annual International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, June 7–8, 2024. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2024. Pp. 51–54. (In Russ.)
11. Valitov, M. M. Responsibility of droppers. *Criminal procedural and technical-criminalistic support for combating cybercrimes in modern society*. Tambov, December 10, 2024. Moscow: Pero; 2025. Pp. 17–21. (In Russ.)
12. Zaitseva, O. V. Criminal liability of droppers: pros and cons. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2024;(6):138-146. (In Russ.) DOI: 10.24412/2227-7315-2024-6-138-146.
13. Kislenko, S. L., Fokin, F. D. Fraud using information and telecommunication technologies as a threat to the national security of the Russian Federation. *European and Asian Law Review*. 2025;8(1):41-54. (In Russ.) DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_41.
14. Matskevich, I. M. The geometry of the criminal law. *Lex Russica*. 2018;(9):9-22. (In Russ.)
15. Petropavlovsky, A. I. Logic and mathematical rationale of search for a just punishment to the condemned as a criterion of truth (by example purpose of punishment above the top). *Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev*. 2019;2(4):185-192. (In Russ.)
16. Prostoserдов, М. А. *The theory of sanctions in Russian criminal law*. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2024. 743 p. (In Russ.)
17. Tereshchenko, D. S. Legal responsibility: problems of rethinking the traditional view. *Antinomies*. 2022;22(1):109-130. (In Russ.) DOI: 10.17506/26867206_2022_22_1_109.
18. Prostoserдов, М. А., Etkina, А. D. Problems of digital transformation of criminal law. *Actual problems of criminal law, criminology, and penal enforcement law: scientific papers of the Department of Criminal Law*. Collection of scientific papers. Moscow: Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev; 2024. Pp. 46–52. (In Russ.)
19. Nabokov, L. V. The mathematical theory of counts and model of qualification of the violent crimes for profit committed by minors. *Social-Economic Phenomena and Processes*. 2014;(1):149-155. (In Russ.)
20. Toropov, B. A., Gurlev, I. V., Korobko, V. B. Public danger of extremist information spread analysis, based on graph-theoretic model. *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017;(4):200-204. (In Russ.)

21. Prostoserdov, M. A. On the integration of the graph theory provisions in Russian criminal law. *Actual problems of the theory and practice of applying criminal law*. Collection of materials of the XII International Scientific and Practical Conference, Moscow, November 20, 2024. Moscow: Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev; 2025. Pp. 184–190. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Простосердов Михаил Александрович, доктор юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой уголовного права, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, Новочеремуш-кинская ул., д. 69).

Mikhail A. Prostoserdov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Criminal Law Department, Professor at the Criminal Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 22.08.2025; одобрена после рецензирования 09.09.2025; принята к публикации 24.11.2025.

The article was submitted 22.08.2025; approved after reviewing 09.09.2025; accepted for publication 24.11.2025.

Научная статья

УДК 343.2/7; 343.3/7

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.135-147

Технико-юридическое значение соотношения понятий «сопряженные преступления» и «учтенная совокупность преступлений»

Владимир Николаевич Сафонов

Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация
svn205@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3676-1894>

Аннотация

Введение. Действующее уголовное законодательство содержит ряд противоречивых положений, которые приводят к правоприменительной неопределенности, сложностям квалификации преступлений и правоприменительным ошибкам. Одна из «точек напряженности» – законодательное закрепление и правоприменительная интерпретация сопряженных преступлений и учтенной совокупности преступлений. Настоящая статья посвящена содержательному и технико-юридическому исследованию этих категорий и их соотношению, что важно для криминализации деяний и их квалификации.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу исследования составили труды отечественных авторов, посвященные актуальным проблемам теории криминализации деяний, доктринальным аспектам совокупности преступлений, квалификации единых сложных преступлений. Основой исследования стали также правовые нормы, в которых с разной степенью очевидности нашли закрепление признаки нескольких деяний.

Отправной точкой исследования послужили традиции диалектического подхода к пониманию содержания и сущности любого социального явления. Методы исследования – системный, исторический, логический, сравнительный. Метод формально-юридического анализа позволил выявить необходимые «плоскости пересечения» рассматриваемых категорий, что стало основой для последующего анализа и выводов.

Результаты исследования. Проведено исследование соотношения категорий «сопряженность преступлений» и «учтенная совокупность преступлений», что видится значимым технико-юридическим аспектом процесса криминализации и квалификации единых сложных преступлений в контексте дальнейшего совершенствования правоприменительной деятельности.

Обсуждение и заключение. Исследование социально-правового содержания категорий «сопряженность преступлений» и «учтенная совокупность преступ-

лений» приводит к выводу о том, что они при широком толковании сопряженности преступлений могут совпадать, что является методологической предпосылкой особенностей криминализации как единых простых, так и единых сложных преступлений. Констатируется, что игнорирование соотношения этих понятий в процессе криминализации деяний приводит к правовой неопределенности и снижению эффективности уголовно-правового регулирования. Ставится под сомнение целесообразность использования законодательством технико-юридической конструкции сопряженных преступлений.

Ключевые слова: учтенная совокупность преступлений, сопряженные преступления, юридическая техника, квалификация, криминализация деяний

Для цитирования: Сафонов В. Н. Технико-юридическое значение соотношения понятий «сопряженные преступления» и «учтенная совокупность преступлений» // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 4. С. 135–147. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.135-147.

Original article

Technico-Legal Significance of the Relationship between “Related Offenses” and “Aggregated Offenses”

Vladimir N. Safonov

*North-West Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, St. Petersburg, Russian Federation
svn205@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3676-1894>*

Abstract

Introduction. The current criminal legislation contains a number of proceedings that lead to law enforcement, difficulties in qualifications of crimes and law enforcement errors. One of the “points of tension” is the legislative assignment and law enforcement interpretation of related offenses and aggregated offenses. This article is devoted to the containing and technical and legal research of these categories and their composition, which is important for criminalization of acts and their qualifications.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of the study was the works of Russian authors devoted to topical issues of the theory of criminalization of acts, the doctrinal aspects of the totality of crimes, and the qualification of single complex crimes. The basis of the study was also the legal norms, in which, with varying degrees of evidence, the signs of several acts were consolidated.

The starting point of the research was the tradition of a dialectical approach to understanding the content and essence of any social phenomenon. The research methods are systematic, historical, logical, and comparative. The method of formal legal analysis made it possible to identify the necessary “planes of intersection” of the categories under consideration, which became the starting point for subsequent analysis and conclusions.

Results. A study of the ratio of categories related offenses and aggregated offenses was conducted, which is seen by a significant technical and legal aspect of the process of criticism of unified complex crimes in the context of further co-reimbursement of law enforcement.

Discussion and Conclusion. The study of the socio-legal content of the categories related offenses and aggregated offenses leads to the conclusion that they can coincide with a broad interpretation of the compound offense, which is a methodological prerequisite for the criminalization of both single simple and single complex crimes. It is stated that ignoring the correlation of these concepts in the process of criminalizing acts leads to legal uncertainty and a decrease in the effectiveness of criminal law regulation. The expediency of using the technical and legal structure of related crimes by the legislator is questioned.

Keywords: aggregated offenses, related offenses, legal technique, qualifications, criminalization of acts

For citation: Safonov, V. N. Technico-legal significance of the relationship between “related offenses” and “aggregated offenses”. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(4):135-147. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.135-147.

Введение

Принцип правовой определенности требует ясности в части соотношения понятий «сопряженные преступления» и «учтенная совокупность преступлений». Объясняется это тем, что ряд наиболее дискуссионных вопросов, связанных с квалификацией преступлений, берет начало именно в плоскости соотношения данных категорий. Понятия «сопряженные преступления» и «учтенная совокупность преступлений» пересекаются в практике квалификации сопряженных убийств, террористического акта, захвата заложника, что делает весьма востребованной интерпретацию этих понятий. На наш взгляд, квалификация сопряженных убийств – одна из самых дискуссионных проблем российского уголовного права. Этот вопрос затрагивается во множестве публикаций и в учебниках по Общей и Особенной частям правовой отрасли. В Общей части – в контексте трактовки проблемы множественности преступлений и единичного преступления, в Особенной части – при рассмотрении сопряженных убийств, террористического акта, захвата заложника, а также смежных проблем. Методологическое значение соотношения рассматриваемых уголовно-правовых категорий простирается далеко за пределы этой, казалось бы, частной проблемы.

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных авторов, посвященные актуальным проблемам теории криминализации деяний, доктринальным аспектам совокупности преступлений, квалификации единых сложных преступлений. Основой исследования стали также правовые нормы, в которых с разной степенью очевидности нашли закрепление признаки нескольких деяний. Поиск решения обозначенных проблем предопределил совокупность исследовательских методов. Исследование базируется на общенаучных (диалектический, анализ, абстрагирование, системный, индукция и др.) методах исследования, а также частнонаучных (формально-юридический). Отправной точкой исследования послужили традиции диалектического подхода к пониманию содержания и сущности любого социального явления. Метод формально-юридического анализа позволил выявить «точки пересечения» рассматриваемых категорий, что стало основой для последующего анализа и выводов.

Результаты исследования

Прикладное значение проблема соотношения категорий «сопряженные преступления» и «учтенная совокупность преступлений» имеет в целом ряде случаев. Наиболее заметный из них – квалификация убийств, предусмотренных в ч. 2 ст. 105 УК РФ и сопряженных с похищением человека (п. «в»), с разбоем, вымогательством или бандитизмом (п. «з»), с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера (п. «к»). Высший судебный орган страны в Постановлении от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»¹ рекомендует нижестоящим судам квалифицировать такие убийства по совокупности преступлений: по соответствующему пункту ч. 2 ст. 105 УК РФ и по статье о преступлении, с которым сопряжено квалифицированное убийство.

Позиция Верховного Суда Российской Федерации привела исследователей к противоположным позициям и повысила интерес к феномену сопряженности деяний.

С. В. Бородин, А. Д. Гаухман, В. В. Горюнов, Р. Э. Оганян, И. Г. Соломоненко, П. С. Яни и др. разделяют рекомендации Верховного Суда Российской Федерации. Среди аргументов: предложенный Верховным Судом подход соответствует общественной опасности данных убийств, а сопряженные деяния – самостоятельные преступления, не являющиеся частью единого сложного преступления. При этом П. С. Яни считает, что обстоятельством, влекущим более строгое наказание, «...является не совершение этих преступлений, а именно сопряженность с ними убийства, связь умышленного причинения смерти с данными преступлениями. Такое “сопряженное” убийство законодатель считает более общественно опасным, нежели убийство простое, “несопряженное”» [1, с. 27].

Н. Г. Иванов, В. К. Малков, Е. З. Сидорова, А. А. Иванова, Ю. В. Головлев [2], А. В. Наумов [3], А. И. Коробеев, А. Н. Коротких [4; 5] и другие занимают противоположную позицию, считая сопряженные убийства учтенной совокупностью преступлений, а действующую практику излишне репрессивной.

Б. В. Волженкин воспринимал сопряженные убийства в принципе учтенной совокупностью преступлений, но высказался за «отказ от такого рода конструкций» [6].

М. В. Бавсун и В. В. Векленко резонно отмечают, что «острота проблемы получила дополнительный импульс благодаря внесенным изменениям» [7, с. 16], имея в виду, что вследствие Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 157-ФЗ ч. 3 ст. 205 УК РФ стала содержать квалифицирующий признак – террористический акт, повлекший смерть человека, а еще раньше в ч. 4 ст. 206 УК РФ был включен квалифицирующий признак – захват заложника, повлекший умышленное причинение смерти человеку. Однако, несмотря на конструктивную схожесть с сопряженными убийствами, эти два состава не предполагают квалификацию по совокупности обозначенных преступлений с убийством, что и рекомендует Верховный Суд Российской Федерации в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 (ред. от 3 ноября 2016 г.) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»².

¹ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

² Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Очевидно, что высший судебный орган страны технико-юридически воспринимает эти две нормы (п. «б» ч. 3 ст. 205 и ч. 4 ст. 206 УК РФ) как конструкцию с учтенной совокупностью преступлений, а убийства (п. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ) – как реальную совокупность преступлений, хотя диспозиции норм в этих случаях не свидетельствуют об очевидной содержательной разнице в части связи основного деяния и сопряженного с ним. Неслучайно исследователи констатировали, что «...в таком случае остается не совсем понятно, как поступать правоприменителю при их сопряженности с убийством» [8, с. 66].

Различные квалификационные подходы к сопряженным убийствам, когда в одних случаях (п. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ) Верховным Судом Российской Федерации рекомендуется правило совокупности преступлений, а в других (п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ, ч. 4 ст. 206 УК РФ) – учтенная совокупность преступлений, не встречают убедительного объяснения. «Не уходит ощущение избыточной квалификации и, как следствие, несоответствия принципу справедливости варианта правовой оценки квалифицированных убийств с сопряженными преступлениями, т. е. нарушения принципа “non bis in idem”» [9]. Применительно к квалификации убийства, сопряженного с разбоем, Н. А. Колоколов отмечает, что на практике в этих случаях наряду с убийством вменяется и причинение тяжкого вреда здоровью в составе разбоя (п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ), что во многом повторяет объективные признаки убийства и также свидетельствует об излишнем вменении [10].

С учетом противоречивости ситуации некоторыми исследователями предлагаются различные варианты ее разрешения. Так, М. В. Бавсун и Н. В. Вишнякова считают необходимым «...исключение из УК РФ категории сопряженности преступлений и совокупности приговоров» [8, с. 68]. Такого же мнения придерживаются А. И. Коробеев и А. Н. Коротких [4], К. В. Третьяков [11] и другие исследователи.

В качестве выхода из сложившейся ситуации авторы научных публикаций предлагают предусмотреть составы, соединенные с убийством (например, разбой), когда умышленное лишение жизни потерпевшего будет квалифицирующим признаком учтенной совокупности преступлений [11, с. 48; 12, с. 34]. На наш взгляд, такое предложение ведет к недооценке важности жизни человека как объекта правовой охраны и понижению эффективности ее правовой охраны.

Говоря о количественной стороне сопряженных преступлений и учтенной совокупности преступлений, заметим, что системная характеристика сопряженных преступлений не стала предметом достаточных исследований, но что касается сопряженных убийств, то авторы насчитывают в УК РФ девять таких составов [12, с. 32]. Значительное число составов преступлений содержит квалифицирующий признак деяния, связанный с насилием. По мнению профессора М. А. Кауфмана, они представляют собой учтенную совокупность преступлений [13].

М. В. Бавсун и Н. В. Вишнякова наряду с очевидной, «открытой» сопряженностью ряд законодательных новелл называют «завуалированной сопряженностью» [8, с. 64]. Различные технико-юридические приемы, такие как «действия, повлекшие...» либо «те же действия, соединенные с...», свидетельствуют о значительном числе случаев учтенной совокупности преступлений. И в этом кон-

тексте объясним интерес к категориям «сопряженность», «сопряженные преступления» и «учтенная совокупность преступлений».

**Доктринальная интерпретация категорий «сопряженность»
и «сопряженные преступления»**

На наш взгляд, в научной литературе трактовка сопряженности и сопряженных преступлений ограничивается преимущественно лингвистическим подходом на уровне словарей русского языка [14]. Д. Ю. Краев констатирует: «Общим в данных определениях является лишь указание на соединенность, связанность нескольких явлений» [14, с. 29]. Однако в дальнейшем ученый, как нам представляется, небесспорно на примере сопряженных убийств переходит к ограничительному толкованию сопряженности преступлений: «...это связь двух самостоятельных явлений, не соотносящихся как часть и целое» [14, с. 29].

Вряд ли можно ставить точку на завершенности исследования категории «сопряженность преступлений» и однозначно согласиться с категоричностью Ю. Е. Пудовочкина, считающего, что «...сама конструкция “сопряженности” выдержала конституционно-правовую проверку. Рассматривая составы убийств, сопряженных с иными преступлениями, Конституционный Суд РФ не нашел оснований признать их противоречащими Конституции страны» [15, с. 122]. Иначе как объяснить наблюдения исследователей: «...в вопросе квалификации убийств, сопряженных с другими преступлениями, нельзя оставить без внимания говорящий факт: за последние 15 лет в КС поступило порядка 40 обращений по вопросу сопряженных убийств. Последняя неизменная практика КС РФ – определения об отказе в принятии заявлений по тому основанию, что данный вопрос уже нашел разрешение в предыдущих своих решениях» [12, с. 34]. Очевидно, что данный вопрос не следует считать решенным.

В контексте сказанного целесообразно обратиться к доктринальным трактовкам категории «сопряженность» в уголовном праве.

Так, К. В. Третьяков считает, что отсутствие законодательного закрепления категории «сопряженность» дает основание для понимания ее в двух аспектах: «...как обстоятельство, указывающее на включение дополнительного признака в состав убийства, и как синоним слова “совокупность”» [11, с. 47].

На наш взгляд, убедительны и заслуживают внимания выводы А. Г. Меньшиковой и Е. О. Поторочиной, которые сопряженность в уголовно-правовой материи видят в трех значениях: «...1) в качестве признака объективной стороны состава преступления (например, извлечение дохода в крупных размерах – ст. 171 УК РФ); 2) в качестве признака единого сложного преступления, например, сопряженного с насилием; 3) когда сопряженность как признак преступления влечет квалификацию по совокупности преступлений (п. “в”, “з”, “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ)» [16, с. 58]. Здесь хотелось бы обратить внимание на общий признак сопряженности, который, прямо не называя, выводят А. Г. Меньшикова и Е. О. Поторочина, – вариативность форм. Возможность такого признака (вариативности) исследователями выделяется и в смежных правовых институтах. Например, А. В. Бриллиантов, исследуя уголовно-правовую неоднократность, замечает: «...варианты образования неоднократности более широки, несмотря на то что все они в сущности относятся к объективной стороне составов преступлений при условии совершения нового деяния, обладающего определенными законодателем признаками и (или) совершенного при определенных обстоятельствах» [17, с. 142]. Однако, в отличие от неоднократности, нет оснований

считать, что вариативность сопряженности укладывается в рамки одной юридической конструкции (учтенная совокупность преступлений, реальная совокупность преступлений).

Представленная картина уголовно-правовой интерпретации сопряженности была бы неполной. Я. О. Новиков в сопряженности видит «...предопределенную конструкцией соответствующего состава преступления такую последовательность преступлений, при которой первое преступление имеет своей целью совершение последующего» [18, с. 162–163]. Сюда он относит и преступления, которые могут быть расположены в разных главах УК РФ, например торговля людьми (ст. 127.1) и организация занятия проституцией (ст. 241). Несложно заметить, что в последнем случае сопряженность представляет собой скорее криминологическую, чем уголовно-правовую связь двух деяний, о конструктивном объединении которых речь не идет.

Несмотря на внешнее различие трактовок категории «сопряженность» в двух представленных выше авторских позициях, угадывается и общее: трактовка сопряженности преступлений в одном из вариантов не исключает ее синонимичности с категорией «совокупность преступлений» и «учтенная совокупность преступлений», что важно в контексте технико-юридической «пригодности» категории «сопряженность», т. е. для конструирования составов преступлений. Отсюда напрашиваются выводы: 1) уголовно-правовая категория «сопряженность преступлений» вариативна с точки зрения ее содержания, а потому нестабильна с точки зрения квалификационной деятельности, что ставит под сомнение ее «законопригодность» в процессе криминализации деяний; 2) использование категории «сопряженность» открывает перспективу неопределенности уголовно-правового регулирования.

Теоретико-правовая и законодательная интерпретация категории «учтенная совокупность преступлений»

В научных исследованиях, посвященных как институту множественности преступлений, так и более узким проблемам, например составным преступлениям, принято отождествлять понятия «учтенная совокупность преступлений» и «составные преступления» [19]. В. В. Питецкий в диссертационном исследовании, посвященном составным преступлениям, констатирует: «К нормам со сложным составом относятся составные нормы – учтенная в законе совокупность преступлений» [19, с. 6]. Исследователи не расходятся в дефиниции составных преступлений, подчеркивая: 1) наличие двух или более общественно опасных деяний; 2) частую их встречаемость именно в таком сочетании; 3) повышенную «совместную» общественную опасность вследствие совпадения деяний во времени и пространстве; 4) включение в одну норму. В частности, В. В. Питецкий понимает учтенную совокупность так: «Признаками составных норм являются наличие нескольких самостоятельных составов преступлений, а также их закрепление в одной статье или части статьи Особенной части Уголовного кодекса» [19, с. 6]. Среди причин объединения разных деяний в одном составе преступления ученый называет следующие: «Первая причина (юридическая) заключается в тесной взаимосвязи составов преступлений, образующих составную норму. Вторая причина (социальная) заключается в том, что такое сочетание преступлений достаточно распространено и типично, что во многом обуславливается общественными отношениями» [19, с. 7]. Называются также «...повышенная общественная опасность такого рода актов преступного

поведения, что, в частности, и приводит к закреплению составных норм» [19, с. 7], и процессуальная причина: «...образование составных норм существенно облегчает процессуальную деятельность судебных органов и органов расследования» [19, с. 7].

Другие исследователи предпосылкой составных преступлений (учтенной совокупности преступлений) называют взаимообусловленность и соподчиненность объектов [20, с. 366].

На законодательном уровне учтенная совокупность преступлений дефинируется в ч. 1 ст. 17 УК РФ в качестве исключения из совокупности преступлений: «...когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание».

Таким образом, категории «сопряженные преступления» и «учтенная совокупность» преступлений недостаточно разведены между собой ни на доктринальном, ни на правотворческом уровнях, чтобы без дополнительных разграничений технико-юридического характера или языка уголовного закона быть использованными в конструировании уголовно-правовых норм, обеспечивая определенность правового регулирования. Но если технико-юридический феномен учтенной совокупности преступлений и в понятийном, и в правоприменительном отношениях не вызывает существенных проблем, то категория «сопряженные преступления» нам видится непригодной для использования в юридической технике как влекущая неопределенность правового регулирования. Полагаем, что в этом, в частности, кроется и причина «турбулентности» практики квалификации сопряженных убийств.

По нашему мнению, «квалификационная проблема сопряженных убийств ни посредством реальной совокупности преступлений, ни посредством учтенной совокупности преступлений не может быть решена по ряду причин. Во-первых, вследствие вариативности (неопределенности) категории «сопряженность», во-вторых, вследствие излишней репрессивности и нарушения принципа справедливости» [9]. Второй вариант (учтенная совокупность) исключается ввиду отсутствия связи деяний по объективным и субъективным признакам. Этот же вариант приведет к недооценке правовой охраны жизни человека, когда последняя будет выступать дополнительным объектом, например, в имущественном преступлении (разбой или вымогательство с убийством), если сопряженность будет сконструирована на базе этих деяний (например, разбой, соединенный с умышленным лишением жизни потерпевшего).

Принцип справедливости уголовного права, с нарушением которого исследователи и сторона защиты при рассмотрении конкретных уголовных дел связывают сложившуюся практику квалификации сопряженных преступлений, и сопряженных убийств в частности, а также принцип правовой определенности диктуют необходимость законодательного учета сущности и соотношения категорий «сопряженные преступления» и «учтенная совокупность преступлений».

Вопросы языка уголовного закона и юридической техники остро стоят в современном уголовном праве, ибо они во многом предопределяют и правовую определенность, и соблюдение принципов уголовного права.

К числу общих правил юридической техники исследователи, в частности, относят: «...1) наиболее полное, адекватное выражение воли законодателя; 2) рациональную организацию и логическую последовательность изложения нормативных предписаний, помещаемых в нормативном правовом акте; 3) точность

и определенность используемой терминологии...» [21, с. 92]. И если нормы с учтенной совокупностью преступлений вполне соответствуют этим критериям, то технико-юридическая конструкция сопряженных преступлений таким критериям не соответствует.

Правовая определенность трактуется как «...качественное единообразное изложение, понимание, толкование и реализация нормативных правовых актов, способствующая субъектам правовых отношений заранее прогнозировать результат правовых последствий» [22, с. 175]. Вряд ли можно констатировать, что практическая интерпретация сопряженных преступлений, как минимум сопряженных убийств, характеризуется качественным единообразием. Очевидно, что причина столь противоположных подходов к правовой оценке сопряженных преступлений, и сопряженных убийств в особенности, кроется в самой конструкции сопряженных преступлений.

Обсуждение и заключение

В качестве выводов считаем уместным резюмировать следующее.

1. «Сопряженность преступлений» – вариативная уголовно-правовая и криминологическая категория.

2. Отсутствие легального определения категории «сопряженные преступления» и имеющийся опыт ее доктринальной интерпретации допускают «пересечение» последней с категориями «учтенная совокупность преступлений» и «совокупность преступлений», что обуславливает неопределенность уголовно-правового регулирования.

3. В соответствии с принципом правовой определенности законодателю целесообразно отказаться от сопряженности преступлений как приема юридической техники.

4. Категория «учтенная совокупность преступлений» как технико-юридическая конструкция в содержательном и функциональном отношениях соответствует принципам уголовного права (законности, справедливости) и межотраслевому принципу правовой определенности.

Список источников

1. Яни П. С. Сопряженность не исключает совокупности // Законность. 2005. № 2. С. 22–27.
2. Головлев Ю. В. Уголовная политика России в отношении посягательств на жизнь и ее влияние на квалификацию преступлений: на примере ответственности за убийство, сопряженное с разбоем // Уголовная политика и проблемы правоприменения : сб. ст. по материалам Международ. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 1 нояб. 2013 г. / сост. Е. Н. Рахманова. СПб. : Петрополис, 2013. С. 41–44.
3. Наумов А. В. Совокупность в составных насильственных преступлениях: когда она есть и когда отсутствует // Уголовное право. 2014. № 5. С. 76–79.
4. Коробеев А. И., Коротких А. Н. Учтенная совокупность и множественность преступлений: проблемы интерпретации и квалификации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 5 (22). С. 351–356.

5. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика современной России: проблемы пенализации и депенализации // Закон. 2015. № 8. С. 46–59.
6. Волженкин Б. В. Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений // Законность. 1998. № 12. С. 5–10.
7. Бавсун М. В., Векленко В. В. Влияние категории «сопряженность» на квалификацию преступлений // Уголовное право. 2014. № 5. С. 16–18.
8. Бавсун М. В., Вишнякова Н. В. Сопряженность как уголовно-правовая категория // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 64–70.
9. Сафонов В. Н. Сопряженные убийства: к вопросу о состоятельности технико-юридической конструкции составов преступлений // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. науч. ст. по результатам работы Всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 1 нояб. 2024 г. СПб. : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2025. С. 147–154.
10. Колоколов Н. А. Квалификация убийства, сопряженного с разбоем: как избежать двойного вменения // Уголовный процесс. 2012. № 7 (91). С. 66–73.
11. Третьяков К. В. Убийство, сопряженное с совершением другого преступления: единичное преступление или множественность? // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Юриспруденция. 2014. № 2. С. 45–51.
12. Артеменко Н. В., Шимбарева Н. Г. Квалификация сопряженных убийств: как можно устранить противоречие? // Российский судья. 2023. № 8. С. 31–35. DOI: 10.18572/1812-3791-2023-8-31-35.
13. Кауфман М. А. Совокупность преступлений: спорные вопросы квалификации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 5 (22). С. 345–350.
14. Краев Д. Ю. Основной вопрос квалификации убийств, сопряженных с иными преступлениями (пп. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ) // Уголовное право. 2011. № 4. С. 29–34.
15. Пудовочкин Ю. Е. Вопросы квалификации совокупности преступлений в судебной практике : науч.-практ. пособие. М. : РГУП, 2016. 184 с. (Серия «Библиотека российского судьи»).
16. Меньшикова А. Г., Поторочина Е. О. «Сопряженность» в уголовном законе: вопросы понимания и применения // Вестник Югорского государственного университета. 2021. № 2 (61). С. 57–63. DOI: 10.17816/byusu20210257-63.
17. Бриллиантов А. В. Сущность и значение неоднократности в уголовном праве России // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 2. С. 137–158. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.137-158.
18. Новиков Я. О. Преступления, сопряженные с торговлей людьми: вопросы определения, квалифицированные виды // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2019. № 6. С. 162–167.
19. Питецкий В. В. Составные нормы в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. 24 с.

20. Пудовочкин Ю. Е. Некоторые вопросы квалификации совокупности преступлений // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 5 (22). 363–370.
21. Денисов И. Г. Юридическая техника: теория и практика // Журнал российского права. 2005. № 8. С. 86–96.
22. Рожкова И. Ю. Понятие правовой определенности и формы проявления неопределенности в праве // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2019. № 16. С. 169–176.

References

1. Yani, P. S. Conjugacy does not exclude aggregates. *Zakonnost' = Legality*. 2005;(2):22-27. (In Russ.)
2. Golovlev, Yu. V. Russia's criminal policy on attacks on life and its impact on the qualification of crimes: an example of responsibility for murder associated with robbery. In: E. N. Rakhmanova, ed. *Criminal policy and law enforcement issues*. Materials of the International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 01, 2013. St. Petersburg: Petropolis; 2013. Pp. 41–44. (In Russ.)
3. Naumov, A. V. The aggregate in divisible violent crimes: when present or absent. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*. 2014;(5):76-79. (In Russ.)
4. Korobeev, A. I., Korotkikh, A. N. The recorded cumulation and plurality of crimes: problems of interpretation and classification. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal = Forensic Library. Scientific Journal*. 2015;(5):351-356. (In Russ.)
5. Korobeev, A. I. Criminal policy in Russia: problems of penalisation and depenalisation. *Zakon = Law*. 2015;(8):46-59. (In Russ.)
6. Volzhenkin, B. V. The principle of justice and the problem of multiple crimes. *Zakonnost' = Legality*. 1998;(12):5-10. (In Russ.)
7. Bavsun, M. V., Veklenko, V. V. The impact of the category "contingency" on classification of crimes. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*. 2014;(5):16-18. (In Russ.)
8. Bavsun, M. V., Vishnyakova, N. V. Conjugacy as a criminal law category. *Law and Society Magazine*. 2014;(4):64-70. (In Russ.)
9. Safonov, V. N. Related murders: on the issue of the consistency of the technical and legal structure of crimes. *Criminal policy and law enforcement practice*. Collection of scientific articles based on the results of the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 1, 2024. St. Petersburg: Scientific and Information Technology Center "Asterion"; 2025. Pp. 147–154. (In Russ.)
10. Kolokolov, N. A. Qualification of robbery-related homicide: how to avoid double imputation. *Ugolovnyj protsess = Criminal Proceedings*. 2012;(7):66-73. (In Russ.)
11. Tretyakov, K. V. Murder combined with another crime: is it single or plural? *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Yuris-*

- prudentsiya* = *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*. 2014;(2):45-51. (In Russ.)
12. Artemenko, N. V., Shimbareva, N. G. The qualification of associated murders: how can the contradiction be resolved? *Rossijskij sud`ya* = *The Russian Judge*. 2023;(8):31-35. (In Russ.) DOI: 10.18572/1812-3791-2023-8-31-35.
 13. Kaufman, M. A. Cumulation of crimes: disputable issues of classification. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal* = *Forensic Library. Scientific Journal*. 2015;(5):345-350. (In Russ.)
 14. Kraev, D. Yu. Main problem of qualification's murders association with kidnapping, robbery, racket, banditry and sexual violation (Articles 105 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Ugolovnoe pravo* = *Criminal Law*. 2011;(4):29-34. (In Russ.)
 15. Pudovochkin, Yu. E. *Issues of qualification of a set of crimes in judicial practice*. Scientific and practical guide. Moscow: Russian State University of Justice; 2016. 184 p. (In Russ.)
 16. Menshikova, A. G., Potorochina, E. O. "Connection" in the criminal law: issues of understanding and application. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Ugra State University*. 2021;(2):57-63. (In Russ.) DOI: 10.17816/byusu20210257-63.
 17. Brilliantov, A. V. The essence and meaning of repetition in the criminal law of Russia. *Pravosudie/Justice*. 2024;6(2):137-158. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.137-158.
 18. Novikov, Ya. O. Crimes related to human trafficking: issues of definition, qualified types. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* = *Current Problems of the Humanities and Natural Sciences*. 2019;(6):162-167. (In Russ.)
 19. Pitetskij, V. V. *Compsite norms in Russian criminal law*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Krasnoyarsk; 2004. 203 p. (In Russ.)
 20. Pudovochkin, Yu. E. Certain issues of classification of cumulation of crimes. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal* = *Forensic Library. Scientific Journal*. 2015;(5):363-370. (In Russ.)
 21. Denisov, I. G. Legal technology: theory and practice. *Journal of Russian Law*. 2005;(8):86-96. (In Russ.)
 22. Rozhkova, I. Yu. The concept of right definiteness and forms of uncertainty in law. *Vestnik obshhestvennoj nauchno-issledovatel'skoj laboratorii "Vzaimodejstvie ugolovno-ispolnitel'noj sistemy s institutami grazhdanskogo obshhestva: istoriko-pravovye i teoretiko-metodologicheskie aspekty"* = *Bulletin of the Public Scientific Research Laboratory "Interaction of the Penal Enforcement System with Civil Society Institutions: Historical, Legal, Theoretical and Methodological Aspects"*. 2019;(16):169-176. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Владимир Николаевич Сафонов, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская

Федерация, 197046, Санкт-Петербург, ул. Александровский парк, д. 5а), федеральный судья в отставке.

Vladimir N. Safonov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Criminal Law Department, North-West Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (5a Alexandrovsky Park St., St. Petersburg, 197046, Russian Federation), Retired Federal Judge.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 31.03.2025; одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 24.11.2025.

The article was submitted 31.03.2025; approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 24.11.2025.

Научная статья

УДК 343.265

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.148-161

Направление в штрафную воинскую часть как вид освобождения от уголовного наказания: опыт СССР и Германии и возможность его экстраполяции на современность

Илья Владимирович Талаев

*Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация
talaeviv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1970-8079>*

Аннотация

Введение. В статье через призму исторического опыта штрафных частей Красной армии и Вермахта рассматриваются крайне актуальные в условиях продолжающейся специальной военной операции вопросы условий освобождения от уголовной ответственности и от наказания лиц, поступивших на военную службу.

Методы. Методологическую основу работы составляют общеправовой диалектико-материалистический метод познания, а также общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные (формально-юридический, историко-правовой) методы исследования.

Результаты исследования. Выделены сходства в штатной структуре штрафных частей Красной армии и Вермахта, а также в правовом статусе направленных туда лиц. Установлено, что и в СССР, и в Германии направление в штрафную воинскую часть считалось принудительной отсрочкой исполнения наказания. Выявлен ряд серьезных недостатков современных редакций ст. 78.1 УК РФ и ст. 80.2 УК РФ.

Обсуждение и заключение. Предлагается, принимая во внимание исторический опыт, обновить редакции ст. 78.1 УК РФ и ст. 80.2 УК РФ и другие нормативные правовые акты. Необходимо исходя из тяжести совершенного лицом преступления и размера назначенного наказания установить место службы (штрафная воинская часть), разработав соответствующее положение с учетом исторического опыта, указать минимальный и предельный сроки службы. Следует зафиксировать в указанных нормах для лиц, добровольно заключивших контракт, обязанность полного или частичного заглаживания ими вреда, причиненного преступлением. В тексте закона необходимо предусмотреть возможность заключения контракта не только в периоды военного положения, мобилизации и военного времени, но и в мирное время.

Ключевые слова: штрафная воинская часть, штрафбат, условно-досрочное освобождение, отсрочка отбывания наказания, освобождение от уголовного на-

казания, освобождение от уголовной ответственности, военная служба, специальная военная операция, Красная армия, Вермахт

Для цитирования: Талаев И. В. Направление в штрафную воинскую часть как вид освобождения от уголовного наказания: опыт СССР и Германии и возможность его экстраполяции на современность // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 4. С. 148–161. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.148-161.

Original article

Assignment to a Penal Military Unit as a Form of Release from Criminal Punishment: The Experience of the USSR and Germany and the Possibility of Its Extrapolation into Modern Times

Ilya V. Talaev

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation*

talaeviv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1970-8079>

Abstract

Introduction. In this article, through the prism of the historical experience of the penal units of the Red Army and the Wehrmacht, the issues of the conditions for exemption from criminal liability and punishment of individuals who have entered military service are considered, which are extremely relevant in the context of the ongoing special military operation.

Methods. The methodological basis of the work is formed by the general philosophical dialectical-materialistic method of cognition, as well as general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction), and private scientific methods (formal-legal, historical-legal) of research.

Results. The similarities in the staff structure of the penal units of the Red Army and the Wehrmacht, as well as in the legal status of the individuals sent there, are highlighted. It is established that both in the USSR and in Germany, being sent to a penal military unit was considered a forced postponement of punishment. A number of serious shortcomings in the current versions of Articles 78.1 and 80.2 of the Criminal Code of the Russian Federation have been identified.

Discussion and Conclusion. It is proposed, taking into account historical experience, to update the versions of Article 78.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 80.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as other regulatory acts. It is necessary, based on the severity of the crime committed by a person and the amount of the sentence imposed, to establish a place of service (a penal military unit) by developing an appropriate regulation, taking into account historical experience, and to specify the minimum and maximum terms of service. It is also necessary to establish in these regulations for individuals who have voluntarily signed a contract, the obligation to fully or partially compensate for the harm caused by the crime. The text of the law should provide for the possibility of concluding a contract not only during periods of martial law, mobilization, and wartime, but also during peacetime.

Keywords: penal military unit, penal battalion, parole, postponement of punishment, release from criminal punishment, release from criminal liability, military service, special military operation, Red Army, Wehrmacht

For citation: Talaev, I. V. Assignment to a penal military unit as a form of release from criminal punishment: the experience of the USSR and Germany and the possibility of its extrapolation into modern times. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(4):148-161. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.148-161.

Введение

В условиях масштабного вооруженного конфликта перед любым государством встает вопрос, с одной стороны, о необходимости пополнения личным составом вооруженных сил, с другой стороны, о необходимости поддержания воинской дисциплины. При совершении преступления военнослужащий должен быть привлечен к уголовной ответственности, учитывая повышенную общественную опасность преступлений, совершенных в условиях военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий (о чем прямо свидетельствует п. «л» ч. 2 ст. 62 УК РФ). К военнослужащим могут быть применены самые строгие виды наказаний, в том числе связанные с изоляцией от общества. Однако подобные виды наказания ведут к снижению количества обученного личного состава, участвующего в боевых действиях.

Указанные вопросы приобрели особую актуальность в свете продолжающейся в настоящее время специальной военной операции, ставшей самым крупным вооруженным конфликтом в Европе со времен Великой Отечественной войны. Учитывая изложенное, представляется целесообразным рассмотреть, как эти вопросы разрешались основными противниками в Великой Отечественной войне – СССР и Германией.

Методы

Методологическую основу работы составили общеполитический диалектико-материалистический метод познания, а также общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные (формально-юридический, историко-правовой) методы исследования.

Результаты исследования

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. В первые недели войны Красная армия потерпела ряд серьезных поражений, и уже 12 июля 1941 г. Президиумом Верховного Совета СССР издается Указ «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений»¹. Освобожденные по данному Указу лица, годные к военной службе, были призваны в действующую армию.

Увеличение количественного состава вооруженных сил привело к пропорциональному увеличению количества совершенных им правонарушений. Оставлять безнаказанными данные деяния было нельзя – это привело бы к падению дисциплины, однако вследствие привлечения к ответственности существенная часть правонарушителей отправлялась в тыл отбывать наказание [1]. Большие потери и тяжелая ситуация на фронте к лету 1942 г. обусловили издание

¹ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=11259&ysclid=ldevokpvxl146961291#2ORSAUTmUjxylFJI1> (дата обращения: 24.06.2025).

28 июля 1942 г. приказа наркома обороны СССР № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций»², получившего в народе название «Ни шагу назад!». Данным приказом было предусмотрено формирование штрафных рот и батальонов, в которые необходимо направлять военнослужащих, «...провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной»³.

В развитие названного приказа 26 сентября 1942 г. приказом наркома обороны СССР № 298 были приняты положения о штрафных батальонах⁴ и штрафных ротах⁵. В качестве штрафников в штрафные батальоны направлялись совершившие правонарушение офицеры. В штрафные же роты направлялись рядовые, сержанты и старшины. Личный состав в данных подразделениях делился на постоянный и переменный составы.

Постоянный состав формировался из кадровых командиров и политработников, срок их выслуги для присвоения очередного звания сокращался наполовину, а каждый месяц службы при назначении пенсии засчитывался за шесть месяцев. Данная категория лиц обладала существенно расширенными должностными полномочиями, на одну или две ступени выше занимаемой должности, например, командир штрафного батальона обладал по отношению к штрафникам дисциплинарной властью командира дивизии.

Переменный состав штрафных частей формировался из военнослужащих, совершивших правонарушения. Исходя из п. 1 Положения о штрафных батальонах действующей армии в данное подразделение могли направить за нарушение дисциплины по трусости или неустойчивости. Аналогичное положение было закреплено и в п. 1 Положения о штрафных ротах действующей армии. В штрафную часть военнослужащий мог попасть как по приговору военного трибунала, так и по приказу вышестоящего командира (приказом по полку для штрафных рот и приказом по дивизии для штрафных батальонов), при этом командиры и военные комиссары батальонов и полков могли быть направлены в штрафной батальон не иначе как по приговору военного трибунала фронта. Срок нахождения в штрафной части устанавливался в размере от 1 до 3 месяцев. Штрафники разжаловались в рядовые, на время нахождения в штрафной части у них отбирались ордена и медали. По отбытии наказания штрафники восстанавливались в должности и звании с возвращением наград. В случае ранения или совершения подвига штрафник досрочно освобождался из штрафной части.

Обратим внимание на тот факт, что изначально в примечании 1 к ст. 28 УК РСФСР устанавливалось, что военнослужащие, приговоренные к лишению свободы на срок не более одного года, направляются в штрафные части. Такая редакция позволяла сделать вывод о том, что направление в штрафную

² Российский государственный военный архив. Ф. 4. Оп. 12. Д. 105. Л. 126–127.

³ Там же.

⁴ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2–2) : Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941–1942 г. / сост. А. И. Барсуков и др. М., 1997. С. 312–315.

⁵ Там же.

часть однозначно является специальным видом наказания, применяемым к военнослужащим. Однако в 1934 г. данное примечание было отменено, появилось примечание 2, устанавливающее: «Приговор, присуждающий в военное время военнослужащего к лишению свободы без поражения прав, может быть по определению суда, вынесшего приговор, отсрочен исполнением до окончания военных действий с тем, что осужденный направляется в действующую армию.

В отношении указанных в первой части настоящего примечания военнослужащих, проявивших себя в составе действующей армии стойкими защитниками Союза ССР, допускается по ходатайству соответствующего военного начальства освобождение от назначенной ранее меры социальной защиты, либо замена ее более мягкой мерой социальной защиты по определению суда, вынесшего приговор»⁶.

Данное примечание наиболее близко современному институту отсрочки от отбывания наказания. Тем не менее, учитывая приведенное ранее положение о штрафных батальонах действующей армии, а именно принудительном характере направления в данные подразделения, можно сделать вывод, что в СССР направление в штрафную часть совмещало в себе черты наказания и отсрочки отбывания наказания. Стоит пояснить, что отсрочка отбывания наказания является поощрительным институтом, предполагающим возможность исправления лица без реального отбытия наказания. Например, ст. 82 УК РФ «Отсрочка отбывания наказания» характеризуется высоким уровнем морально-гуманистической ценности, в основе которой такие глобальные по масштабам действия и конкретные по их реализации в реальной жизнедеятельности общества и государства принципы, как: уважение к личности, особо бережная забота о детях, толерантность, социальная ответственность [2]. Статья 82.1 УК РФ «Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией» прямо предусматривает добровольное желание субъекта пройти курс лечения, в результате которого он при соблюдении указанных условий будет освобожден от уголовной ответственности. Таким образом, согласно нормативным актам СССР направление в штрафную часть можно назвать **принудительной отсрочкой от отбывания наказания**.

Система наказаний, применяемых к военнослужащим Вермахта, была весьма сложна и запутанна, к тому же в ходе войны она видоизменялась. Тем не менее можно выделить три основных вида штрафных воинских подразделений, в каждом из которых личный состав делился на «испытуемых» и «штатный персонал». Перед более подробным рассмотрением статуса данных подразделений необходимо отметить, что условия пребывания в них тоже менялись с течением времени. Положению испытуемых в штрафных подразделениях Вермахта посвящено множество трудов, поэтому детально рассмотреть все нюансы в рамках данной статьи невозможно, однако следует выделить основные его черты.

Первый вид штрафного воинского подразделения – штрафной полевой лагерь ФГА (Feldstraflager). Направленные в данное подразделение военнослужащие были не вооружены и должны были заниматься тяжелой трудовой деятельностью с опасностью для жизни (разминированием, возведением укреплений на передовой, погребением тел и др.). В будни надлежало работать не меньше

⁶ Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. (ред. от 27 апреля 1959 г.) «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным кодексом РСФСР»). Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

10 часов, в воскресенье – не менее 4 часов. Продовольственный паек этих лиц был серьезно урезан. Уставной персонал мог применять любые меры воздействия к нарушителям дисциплины, в том числе расстреливать на месте. Срок пребывания в данном подразделении устанавливался в размере от 6 до 9 месяцев. По истечении срока испытуемый должен был быть направлен либо в концлагерь, либо в испытательную воинскую часть [3] (см. подробнее ниже).

Второй вид штрафного воинского подразделения – 999-е штрафные батальоны (Strafbataillon 999), или 999-е батальоны условно-досрочного освобождения (999er Bewährungsbataillone). В отличие от испытуемых полевых штрафных лагерей личный состав данных подразделений был вооружен и принимал непосредственное участие в боевых действиях, однако сталкивался с существенными ограничениями: перлюстрация почты, комендантский час, требование «самой суровой службы». Уставной персонал, как и в полевом штрафном лагере, имел очень широкие полномочия по отношению к испытуемым, вплоть до расстрела на месте. Место дислокации части находилось под усиленной охраной. Срок пребывания не был четко регламентирован, назначенное наказание считалось приостановленным, что указывает на черты отсрочки от отбывания наказания. В случае успешного «испытания фронтом» испытуемый мог быть переведен в регулярную часть Вермахта. Если же испытуемый совершал дисциплинарные проступки, то он мог быть переведен в концлагерь. Стоит отметить, что большая часть переменного состава данного подразделения ранее не проходила службу в Вермахте, а была набрана из тюрем, причем большинство было осуждено по общеуголовным статьям, а не политическим.

Третий вид штрафного воинского подразделения – 500-е штрафные батальоны (Strafbataillon 500), или 500-е батальоны условно-досрочного освобождения (500er Bewährungsbataillone). Условия службы были мягче, чем в 999-х батальонах, приближены к обычным частям Вермахта. Военнослужащие получали зарплату и такой же продовольственный паек, как и обычные части Вермахта, место дислокации части не находилось под усиленной охраной. Данные подразделения действовали на самых сложных участках фронта, для переменного состава были установлены ограничения на отпуск. Уставной персонал по-прежнему имел широкие полномочия по отношению к переменному составу – вплоть до расстрела. Назначенное наказание не отменялось, а считалось приостановленным до конца войны [4, с. 716]. Четких сроков нахождения в батальоне не устанавливалось. При совершении проступков испытуемый мог быть переведен в штрафной или концентрационный лагерь. В случае отличного поведения испытуемый мог быть переведен в обычную часть Вермахта, причем шанс на такой перевод у испытуемых из 500-х батальонов был выше, чем у испытуемых из 999-х батальонов.

Проанализировав положения о штрафных частях Вермахта, можно сделать вывод, что направление в штрафную воинскую часть в Германии, как и в СССР, рассматривалось как вариант **принудительной отсрочки** от отбывания наказания. Необходимо отметить, что мы ни в коем случае не отождествляем СССР и Германию с ее преступной идеологией, получившей соответствующую оценку на Нюрнбергском трибунале. Речь идет о том, что одинаковые объективные проблемы привели к сходным решениям. Следовательно, данный опыт необходимо учитывать при формировании современной нормативной базы.

Таким образом, можно выделить следующие сходные черты штрафных подразделений Красной армии и Вермахта:

- 1) личный состав был сформирован из осужденных лиц;

- 2) наказание считалось приостановленным;
- 3) направление в штрафное подразделение носило принудительный характер;
- 4) служба была связана с проведением боевых действий и повышенным риском для жизни относительно службы в обычной воинской части;
- 5) личный состав делился на постоянный и переменный;
- 6) были установлены дополнительные ограничения для переменного личного состава, не характерные для обычной воинской части;
- 7) при соблюдении определенных условий лицо могло быть восстановлено в правах.

Возникает вопрос: возможно ли применить данный опыт в нынешних условиях? В ходе проведения специальной военной операции Россия столкнулась с необходимостью комплектования штурмовых подразделений личным составом. Первоначально проблема решалась путем привлечения к участию в боевых действиях частных военных компаний, которые, в свою очередь, пополнялись заключенными, подписавшими контракт. Такой подход был явно не оптимальным путем устранения проблемы, он обосновано подвергался критике, в частности, автором данной статьи предлагалось два варианта ее решения [5]. Первый – использовать исторический опыт штрафных частей Красной армии и Вермахта, в этом случае направление осужденных в штрафную воинскую часть стало бы новым видом уголовного наказания. Однако, как указывалось, у такого решения есть недостатки, обусловленные тем, что служба в подобных частях связана с повышенным риском для жизни, который в данном случае будет принудительным.

Второй вариант – считать направление осужденных на службу в штрафную воинскую часть формой условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. После выхода в свет статьи с указанными предложениями произошли изменения в уголовном законе. Законодатель выбрал путь, близкий ко второму из предложенных вариантов. Так в законе появились новые нормы: ст. 78.1 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время» и ст. 80.2 УК РФ «Освобождение от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время». Данные законодательные новеллы стали шагом вперед в ситуации, когда осужденные направлялись в частные военные компании.

К положительным моментам приведенных изменений можно отнести то, что:

- 1) теперь есть официальное основание для освобождения от уголовной ответственности и от наказания;
- 2) установлен перечень преступлений, при совершении которых данные виды освобождения не применяются;
- 3) установлены четкие условия, при которых лицо освобождается от уголовной ответственности или наказания: в связи с награждением государственной наградой; в связи с достижением предельного возраста пребывания на военной службе; по состоянию здоровья; при окончании периода мобилизации, военного положения, военного времени;
- 4) данные нормы предусматривают смешанный порядок их применения (добровольный и принудительный), в настоящий момент они применяются с согласия лица, совершившего преступление; отметим, что законом предусмот-

рена и возможность призыва указанной категории лиц, однако таких случаев пока не зафиксировано;

5) в целях корреспондируемости с другими федеральными законами законодатель добавил в ст. 34 Федерального закона № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» новые ч. 5.1–5.3, позволяющие заключить контракт в период мобилизации, в период военного положения и в военное время лицу, имеющему неснятую или непогашенную судимость, а также лицу, совершившему преступление.

Однако ряд предложений так и не был учтен.

Во-первых, не установлено место службы – законодатель так и не ввел понятие штрафной воинской части. Несмотря на то что в средствах массовой информации упоминаются штурмовые подразделения Шторм-Z и Шторм-V⁷, автору не удалось найти в открытом доступе правовых актов, устанавливающих обязательное прохождение службы в данных подразделениях. Отсутствие положения о штрафном воинском подразделении ведет к правовой неопределенности, поскольку не установлены деление на постоянный и переменный составы, их права и обязанности. Представляется, что такой акт необходим, о чем свидетельствует исторический опыт. Более того, возможно было бы установить различные подразделения для двух категорий лиц, так как неразумно уравнивать по своему статусу, направляя в одно подразделение, лицо, совершившее особо тяжкое преступление, и лицо, совершившее преступление небольшой тяжести. Первая категория подразделений могла бы предназначаться для лиц, впервые совершивших преступления небольшой или средней тяжести, а также неосторожные тяжкие преступления, а равно тех, кому назначено наказание, не связанное с лишением свободы. Вторая – для лиц, не входящих в первую категорию (совершивших умышленные тяжкие или особо тяжкие преступления и др.). Похожее деление, как указывалось ранее, было в штрафных подразделениях Вермахта.

Интересным представляется и вариант, предложенный В. П. Бодаевским, о направлении первой категории лиц в обычные части, а второй – уже в штрафную воинскую часть [6].

Во-вторых, не установлен **минимальный срок** отбывания наказания для применения положений ст. 80.2 УК РФ. Если для ст. 78.1 УК РФ, устанавливающей частный случай освобождения от уголовной ответственности, отсутствие минимального срока естественно, то для ст. 80.2 УК РФ это вызывает вопросы. По своему содержанию данная норма обладает признаками как условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, так и отсрочки от отбывания наказания. Стоит учесть, что ключевым отличием отсрочки отбывания наказания от условно-досрочного освобождения является то, что при условно-досрочном освобождении лицо должно отбыть определенный срок наказания, при отсрочке лицо наказание не отбывает. В части 1 ст. 80.2 УК РФ прямо указывается на «лицо, **отбывающее** наказание...», что свидетельствует о том, что данная норма является скорее частным случаем условно-досрочного освобождения, однако минимальный срок отбывания наказания, как это должно быть в случае условно-досрочного освобождения, не установлен, что характерно скорее для отсрочки от отбывания наказания. Возможно, для данного варианта это и допустимо, вопрос дискуссионный. Тем не менее, если законодатель, руководствуясь критерием одинаковых условий освобождения от наказания, хочет со-

⁷ URL: <https://fedpress.ru/interview/3341381>.

вместить в одной норме и отсрочку, и условно-досрочное освобождение, было бы целесообразно скорректировать часть первую указанной нормы, добавив в ее начало указание на лицо, совершившее преступление: «Лицо, совершившее преступление, а также лицо, отбывающее наказание за совершение преступления, кроме преступлений...». Таким образом, норма будет охватывать как лиц, уже отбывающих наказание, так и тех, в отношении которых вынесен обвинительный приговор, но наказание они еще не отбывают. Предвидя возражения, что в данном случае статья не будет фактически отличаться от ст. 78.1 УК РФ, хотелось бы отметить, что ст. 80.2 УК РФ находится в другой главе и предусматривает освобождение от наказания (а не от ответственности, как ст. 78.1 УК РФ), к видам которого относятся как условно-досрочное освобождение от наказания, так и отсрочка от отбывания наказания.

В-третьих, не установлен **предельный срок пребывания на военной службе**, когда для института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (частным случаем которого можно считать ст. 80.2 УК РФ) характерно наличие испытательного срока. Институт отсрочки отбывания наказания также предполагает наличие определенного срока, после которого при соблюдении определенных условий лицо освобождается от наказания. Исходя из изложенного, видится логичным установить определенный срок, после которого при соблюдении остальных условий лицо было бы возможно освободить от наказания. Размер данного срока – вопрос дискуссионный, представляется, что он должен варьироваться в зависимости от категории совершенного преступления и размера назначенного наказания.

Например, как было указано ранее, в штрафных ротах и штрафных батальонах Красной армии устанавливался срок пребывания от 1 до 3 месяцев. В полевом штрафном лагере Вермахта ФГА (Feldstrafлагер) устанавливался срок наказания от 6 до 9 месяцев, но после них лицо отправлялось либо в концлагерь, либо в штрафную воинскую часть. Учитывая более низкую интенсивность современных боевых действий, возможно было бы установить сроки в 3 месяца для лиц, впервые совершивших преступления небольшой или средней тяжести, а также совершивших по неосторожности тяжкие преступления, 6 месяцев – для лиц, совершивших умышленные тяжкие преступления, и 1 год для лиц, совершивших особо тяжкие преступления. Возможно и взять за основу вариант, предложенный в сентябре 2022 г. законопроектом от парламента Башкирии, где 1 день на фронте засчитывался бы за 10 дней лишения свободы⁸. Данный предельный срок пребывания в штрафном подразделении видится логичным установить не только для ст. 80.2 УК РФ, но и для ст. 78.1 УК РФ, чтобы лицо, освобождаемое от уголовной ответственности, не находилось в худших условиях, чем лицо, освобождаемое от наказания.

Необходимо отметить, что законодатель частично учел исторический опыт и предусмотрел в ст. 78.1 УК РФ и ст. 80.2 УК РФ в качестве оснований освобождения от уголовной ответственности и от наказания ряд условий: награждение государственной наградой; достижение предельного возраста пребывания на службе; по состоянию здоровья (когда лицо стало негодным к военной службе); в связи с окончанием периода мобилизации, отменой (прекращением действия) военного положения и (или) истечением военного времени. Из указанных оснований два вызывают наибольшие вопросы, а именно: достижение

⁸ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5592895?ysclid=mcqjsqpelo666451238>.

предельного возраста пребывания на службе и окончание периода мобилизации, отмена (прекращение действия военного положения и (или) истечение военного времени. Общеизвестно, что нормы об освобождении от наказания направлены на относительно неопасных осужденных, общественная опасность которых после осуждения, во время отбывания наказания значительно снижается или отпадает [7]. Освобождение же от уголовной ответственности возможно только в случае утраты лицом общественной опасности [8]. Достижение предельного возраста, как и окончание указанных периодов времени, само по себе не свидетельствует об исправлении лица, совершившего преступление. Теоретически возможна ситуация, когда лицо поступает на службу, а на следующий день достигает предельного возраста либо заканчивается период мобилизации, военного положения или военного времени. Вряд ли данную ситуацию можно признать справедливой и соответствующей целям уголовно-правового воздействия, следовательно, логично данные основания исключить.

Однако возникает вопрос: что делать в случае достижения лицом предельного возраста пребывания на военной службе или окончания указанных периодов времени? Касательно возраста проблему можно решить следующим образом: установить в законе или на подзаконном уровне запрет на призыв / заключение контракта с лицами, которым до достижения предельного возраста пребывания на службе осталось менее определенного срока (например, 1 года). Относительно окончания указанных периодов времени подход в ст. 78.1 УК РФ и ст. 80.2 УК РФ отличается, исходя из их разной правовой природы. Для обеих категорий возможно продолжение воинской службы в мирное время в подразделениях, связанных с повышенным риском для жизни (подробнее будет указано далее). Если такой возможности нет, то для лиц, освобождаемых от наказания по ст. 80.2 УК РФ, возможна замена наказания на более мягкий вид. Для лиц, освобождаемых от уголовной ответственности по ст. 78.1 УК РФ, учитывая положения ст. 238 УПК РФ «Приостановление производства по уголовному делу», а также то, что лицо не утратило общественной опасности, надлежит возобновить уголовное дело, при назначении наказания учесть службу как смягчающее обстоятельство, время службы зачесть, соразмерно снизить наказание. Вопрос конвертации сроков службы при зачете наказания носит дискуссионный характер. Возможно приравнять 1 день службы к 1 дню лишения свободы в тюрьме либо колонии строгого или особого режимов. Также возможно применить и повышающий коэффициент, учитывая риск для жизни, вплоть до предусмотренных в уже упомянутом законопроекте от парламента Башкирии (1 день службы – 10 дней лишения свободы).

В-четвертых, не установлена **обязанность по полному или частично-му заглаживанию вреда**, причиненного преступлением. До принятия ст. 78.1 УК РФ все основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные главой 11 УК РФ, за исключением ст. 78 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности», предусматривали обязанность лица загладить (полностью или частично) причиненный преступлением вред. Выделение ст. 78.1 УК РФ в качестве еще одного исключения вызывает вопросы. Учитывая, что указанная норма предусматривает как добровольный, так и принудительный порядок поступления на службу, возможным вариантом решения данной проблемы было бы выделение обязанности загладить причиненный ущерб при добровольном поступлении на службу. В случае добровольного поступления на службу лицо свободно выражает свою

волю, желая освободиться от уголовной ответственности. Следовательно, разумно требовать с него заглаживания вреда (частичного или полного), причиненного преступлением, как это установлено в других нормах, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности. Аналогичное требование можно установить и для ст. 80.2 УК РФ, исходя из того, что лицо инициативно и добровольно желает освободиться от наказания. Так, и ст. 79 УК РФ «Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания», и ст. 80 УК РФ «Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания» предусматривают в качестве одного из критериев их применения возмещение причиненного ущерба. В случае же принудительного призыва на службу вопрос о том, оставлять ли обязанность загладить причиненный вред или нет, весьма спорный. Возможно, учитывая принудительное направление субъекта на службу с риском для его жизни, данное требование можно снять.

Интерес представляет тот факт, что Постановление Пленума Верховного Суда СССР 29 июня 1945 г. «О возможности освобождения от взыскания возмещения ущерба лиц, освобожденных от наказания в силу примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующих статей уголовных кодексов других союзных республик»⁹ предусматривало, что при вынесении судом определения об освобождении от наказания со снятием судимости в отношении лиц, осужденных с применением примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующих статей других союзных республик, суд вправе также обсудить вопрос об освобождении осужденного от уплаты не взысканной с него суммы. В случае же смерти осужденного подлежащие уплате им суммы взысканию не подлежали¹⁰.

Представляется целесообразным использовать исторический опыт и в случае смерти при исполнении своих обязанностей лиц, добровольно поступивших на службу, считать их полностью загладившими вред, причиненный преступлением, чтобы с их родственников не взыскивали остаток долга.

В-пятых, ограничение возможности заключить контракт для данной категории лиц **указанными периодами времени** видится весьма спорным решением. Автором данной статьи предлагалось закрепить на нормативном уровне, что лицо согласно рисковать своей жизнью на благо общественных интересов, взамен чего освобождается от дальнейшего отбывания наказания. Следовательно, служба должна проходить в местах с повышенным риском для жизни (военный конфликт, техногенная катастрофа и др.) [5, с. 102], а такой риск возможен не только в период мобилизации, военного положения и военного времени. По справедливому замечанию В. П. Бодаевского, «...действующее военное законодательство, к которому отсылают бланкетные предписания ст. 78.1 и 80.2 УК РФ, противоречит цитируемым конституционным предписаниям в части запрета в мирное время, при выполнении боевых задач и ограничения принятия на военную службу в другие особые периоды времени лиц, совершивших преступления, а соответственно, освобождения их по специальным основаниям и условиям от уголовной ответственности и наказания» [6, с. 155].

Исходя из этой же проблемы возникает вопрос о **добровольном или принудительном характере** направления на службу. Нам видится целесообразным

⁹ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Чхиквадзе В. М. Советское военно-уголовное право : учеб. пособие. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 452 с.

сохранить смешанный характер (и добровольный, и принудительный), как это установлено сейчас для периодов мобилизации, военного времени. В остальных случаях, учитывая отсутствие острой необходимости в личном составе, целесообразно сохранить добровольный порядок поступления на военную службу.

Обсуждение и заключение

Таким образом, отечественное законодательство с учетом современных реалий частично экстраполировало на современность исторический опыт СССР и Германии. Однако если в СССР и Германии указанный вид освобождения от уголовного наказания можно было бы назвать принудительной отсрочкой от отбывания наказания, то в настоящий момент в УК РФ есть как вариант освобождения от уголовной ответственности (ст. 78.1 УК РФ), так и вариант освобождения от наказания (с наличием признаков как отсрочки, так и условно-досрочного освобождения от наказания – ст. 80.2 УК РФ). Возможно, такой смешанный вариант ст. 80.2 УК РФ целесообразно и сохранить, но тогда в ее тексте необходимо указать не только лиц, отбывающих наказание, но и лиц, совершивших преступление. Однако современные редакции ст. 78.1 УК РФ и ст. 80.2 УК РФ по-прежнему имеют ряд недостатков, что оставляет простор для их совершенствования.

Обновленные варианты статей должны предусматривать как добровольный, так и смешанный (в случае военного положения, мобилизации, военного времени) варианты поступления на службу. При добровольном поступлении целесообразно предусмотреть обязанность лица полностью или частично загладить причиненный преступлением вред. В случае смерти при исполнении своих обязанностей лицо, добровольно поступившее на службу, должно считаться полностью загладившим вред, причиненный преступлением. В тексте закона необходимо установить минимальный срок (для ст. 80.2 УК РФ), предельный срок (для ст. 78.1 УК РФ и ст. 80.2 УК РФ) и место службы. Место в виде, например, «штрафной воинской части», причем необходимо разработать положение о данном виде подразделений, чтобы диспозиция в этой части носила бланкетный характер. При разработке указанного положения можно руководствоваться историческим опытом, в частности в аспекте деления личного состава данных подразделений на постоянный и переменный составы. Также должны быть соответствующим образом изменены в порядке корреспондирующих связей смежные нормативные правовые акты, в частности УПК РФ и Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». Место и срок службы могут варьироваться в зависимости от категории совершенного преступления. При этом лицо может быть полностью освобождено от уголовной ответственности или наказания вне зависимости от установленного срока службы при соблюдении условий, установленных в ч. 1 ст. 78.1 УК РФ, ч. 2 ст. 80.2 УК РФ, из которых следует исключить окончание периода мобилизации, отмену (прекращение действия) военного положения и (или) истечение военного времени, а также достижение предельного возраста пребывания на службе. При окончании указанных периодов времени лицо в случае недостижения установленного срока службы (при отсутствии государственных наград или ранения) может продолжить нести службу в подразделениях, предполагающих повышенный риск для жизни. В случае отсутствия такой возможности лицу, к которому применялась ст. 80.2 УК РФ, наказание может быть заменено на более мягкое, а в отношении лица, к которому применялись положения ст. 78.1 УК РФ, возобновляется производство по уголовно-

му делу, назначается наказание с учетом смягчающего обстоятельства (в виде указанной службы) и фактически отслуженного срока. В тексте закона также необходимо установить запрет на призыв / заключение контракта с лицами, которым до достижения предельного возраста пребывания на службе осталось менее определенного срока (например, 1 года). В заключение отметим, что указанные предложения носят вариативный характер, возможна их корректировка в результате научной дискуссии.

Список источников

1. Реент Ю. А. Пенитенциарная система и штрафные воинские части: преступление и искупление вины в период Великой Отечественной войны // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25, № 186. С. 224–233. DOI: 10.20310/1810-0201-2020-25-186-224-233.
2. Базаров П. Р., Толченкина М. Э., Мехтиев Э. Р. Современные перспективы развития института отсрочки отбывания наказания // VI Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сб. тез. выступлений и докл. участников форума (приуроченного к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-I «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»), Рязань, 15–17 нояб. 2023 г. : в 9 т. Т. 3. Рязань : Акад. права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. С. 45–51.
3. Васильченко А. В. Штрафбаты Гитлера. Живые мертвецы вермахта. М. : Яуза-Пресс, 2008. 320 с.
4. Wüllner F. Die NS-Militärjustiz und das Elend der Geschichtsschreibung. Ein grundlegender Forschungsbericht. Baden-Baden: Nomos, 1991. 716 S.
5. Талаев И. В. Перспективы развития института условно-досрочного освобождения в Российской Федерации // Правосудие. 2023. Т. 5, № 4. С. 96–105. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.96-105.
6. Бодаевский В. П. Отсрочка отбывания наказания в связи с прохождением военной службы (приравненной службы) в особые периоды времени: исторический опыт, современный подход, проблемы регламентации // Правосудие. 2024. Т. 6, № 4. С. 151–170. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.151-170.
7. Антонов А. Г. Освобождение от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время как разновидность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Законность. 2024. № 10. С. 25–28.
8. Кузнецова Н. Ф. Учение о наказании. Курс уголовного права. Т. 2 : Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало, 2002. 464 с.

References

1. Reyent, Yu. A. The penal system and penal military units: crime and expiation of guilt during the Great Patriotic War. *Tamбов University Review*.

- Series: Humanities*. 2020;25(186):224-233. (In Russ.) DOI: 10.20310/1810-0201-2020-25-186-224-233.
2. Bazarov, P. R., Tolchenkina, M. E., Mekhdiyev E. R. Modern prospects for the development of the institution of postponement of punishment. *VI International Penitentiary Forum "Crime, punishment, correction"*. A collection of abstracts of speeches and reports of the forum participants (dedicated to the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation and the Law of the Russian Federation dated July 21, 1993, No. 5473-I "On institutions and bodies of the penal enforcement system of the Russian Federation"), Ryazan, November 15–17, 2023. In 9 vol. Vol. 3. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service; 2023. Pp. 45–51. (In Russ.)
 3. Vasilchenko, A. V. *Hitler's penal battalions. The living dead of the Wehrmacht*. Moscow: Yauza-Press; 2008. 320 p. (In Russ.)
 4. Wüllner, F. *Die NS-Militärjustiz und das Elend der Geschichtsschreibung. Ein grundlegender Forschungsbericht*. Baden-Baden: Nomos; 1991. 716 s.
 5. Talaev, I. V. Prospects for the development of the institute of parole in the Russian Federation. *Pravosudie/Justice*. 2023;5(4):96-105. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.96-105.
 6. Bodaevsky, V. P. Postponement of serving a sentence in connection with military service (equivalent service) in special periods of time: historical experience, modern approach, problems of regulation. *Pravosudie/Justice*. 2024;6(4):151-170. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.151-170.
 7. Antonov, A. G. Release from punishment in connection with military service in the mobilization period, the period of martial law or wartime as a type of release on parole. *Zakonnost' = Legality*. 2024;(10):25-28. (In Russ.)
 8. Kuznetsova, N. F. *The doctrine of punishment. Course of criminal law*. Vol. 2: General part. Ed. N. F. Kuznetsova, I. M. Tyazhkova. Moscow: Zertsalo; 2002. 464 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Талаев Илья Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, Москва, 117418, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Ilya V. Talaev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Criminal Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 20.06.2025; одобрена после рецензирования 03.07.2025; принята к публикации 24.11.2025.

The article was submitted 20.06.2025; approved after reviewing 03.07.2025; accepted for publication 24.11.2025.

7 декабря 2025 г.

Андрей Анатольевич Арямов –
проректор по научной работе Российского
государственного университета
правосудия имени В. М. Лебедева,
профессор кафедры уголовного
права, член Экспертного совета
Комитета по природопользованию
Государственной Думы Российской
Федерации, член Экспертного совета
ВАК Министерства образования и науки
Российской Федерации, член Высшей
экзаменационной комиссии по приему
квалификационного экзамена
на должность судьи, доктор
юридических наук, профессор –
отмечает шестидесятилетний юбилей

Андрей Анатольевич Арямов родился 7 декабря 1965 г. в г. Челябинске. В 1988 году окончил Свердловский юридический институт по специальности «Правоведение». На решение Андрея Анатольевича связать свою жизнь с юриспруденцией повлияла деятельность его отца – юриста Анатолия Павловича Арямова, который также окончил Свердловский юридический институт. Дочь обучалась в Уральском государственном юридическом университете имени В. Ф. Яковлева. А его сын окончил магистратуру по программе магистерской подготовки «Юрист в сфере уголовного судопроизводства» и продолжает традиции семьи на научном поприще. Подобная преемственность свидетельствует, что в роду Андрея Анатольевича защита прав и свобод человека, служение Отечеству на юридическом поприще занимают особое место, а семья Арямовых образовала юридическую династию, представляющую свердловскую (екатеринбургскую) и московскую правовые школы.

В 1991 году в Свердловском юридическом институте А. А. Арямов защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Уголовно-правовая категория “Зависимость”». В 2004 году в Санкт-Петербургском университете МВД России Андрей Анатольевич защитил диссертацию «Общетеоретические основы учения об уголовном наказании» на соискание ученой степени доктора юридических наук. Научная деятельность А. А. Арямова весьма плодотворна: он является автором более трехсот шестидесяти научных трудов, включая десять монографий и одиннадцать учебных пособий, а также статьи, опубликованные в ведущих научных российских и зарубежных изданиях. Индекс Хирша юбиляра – 25, что отражает высокий уровень цитируемости и признания его заслуг профессиональным сообществом. Сферу научных интересов А. А. Арямова составляют проблемы назначения наказания; правомерное причинение вреда; уголовно-правовая защита чести и

достоинства; уголовно-правовая защита недр; международное уголовное право; история уголовного права.

Являясь педагогом и достойным примером для нового поколения юристов, он активно осуществляет преподавательскую деятельность: проводит занятия с магистрантами по дисциплинам «Уголовное наказание, его назначение и освобождение от наказания»; «Альтернативные формы решения уголовно-правовых конфликтов»; «Международное уголовное право»; «Ответственность за принятие и реализацию рискованного решения». Им разработаны учебные программы по следующим спецкурсам: «Правомерное причинение вреда»; «Общая теория риска: юридический, экономический и психологический анализ»; «Уголовно-правовая защита чести и достоинства». По словам Андрея Анатольевича, больше всего в преподавательской деятельности он вдохновляется успехами своих учеников, а также возможностью общения и обратной связи с ними. По его мнению, Фемида – это не только правосудие, но и справедливость; закон должен основываться на принципах справедливости, разумности и нравственности. Своим учителем А. А. Арямов считает Митрофана Ивановича Ковалева – участника Великой Отечественной войны, основателя уральской уголовно-правовой школы, заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук и почетного профессора Уральской государственной юридической академии.

Занимая должность проректора по научной работе Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, А. А. Арямов не только руководит научной жизнью Университета, но и принимает в ней активное участие, являясь членом созданных на его базе трех диссертационных советов по следующим специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки); 5.1.2. Публично-правовые (государственное-правовые) науки (юридические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки). Педагогическое мастерство Андрея Анатольевича проявляется в подготовке нового поколения ученых-юристов: под его научным руководством защитились десять кандидатов и один доктор наук. В научной деятельности ему нравится прежде всего открытие новых страниц в науке, поэтому своим девизом он считает наукозависимость.

Много сил Андрей Анатольевич уделяет повышению качества правосудия в нашем государстве, профессиональному росту служителей Фемиды. Как профессор кафедры уголовного права он читает лекции на факультете повышения квалификации судей. Профессиональные знания и огромный творческий потенциал, блестящий талант лектора ежедневно воплощаются в его умении доступно излагать сложные вопросы уголовного права, делиться практическими наработками и современными тенденциями правоприменения.

Вместе с тем его талант и профессионализм востребованы и за пределами нашего учебного заведения. Он является главным редактором научного журнала «Библиотека уголовного права и криминологии», состоит в редколлегиях следующих научных изданий: «Российское правосудие»; «Правосудие/Justice»; «Фемида.Science»; «Правовое регулирование экономической деятельности. ПРЭД»; «Вестник Кыргызской государственной юридической академии»; «Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право»; «Известия высших учебных заведений. Уральский регион».

А. А. Арямов активно участвовал в деятельности рабочих групп Пленума Верховного Суда Российской Федерации, был президентом Ассоциации третейских судов Сибири, Урала и Поволжья, а также возглавлял два третейских суда

в Челябинске. Кроме того, он является членом Экспертного совета Комитета по природопользованию Государственной Думы Российской Федерации, независимым экспертом Минюста России (антикоррупционная экспертиза правовых актов); экспертом-оценщиком GRECO в сфере противодействия коррупции в судебных органах и прокуратуре. За свою деятельность он неоднократно поощрялся благодарностями Председателя Верховного Суда Российской Федерации и Председателя Комитета Государственной Думы Российской Федерации, Министра образования и науки России, был награжден высшей ведомственной медалью Министерства юстиции Российской Федерации – медалью Анатолия Кони, нагрудным знаком отличия «За заслуги» Министерства юстиции Российской Федерации, нагрудным знаком «200 лет Министерству внутренних дел России», медалью «100 лет Институту государства и права Российской академии наук», медалью Верховного Суда Республики Абхазия «За взаимодействие» и другими наградами. Он является почетным работником сферы образования России и почетным адвокатом коллегии адвокатов Челябинской области.

Интересы Андрея Анатольевича не ограничиваются исключительно научной деятельностью, у него прекрасная библиотека, насчитывающая более девяти тысяч книг. Самовыражение он находит и в спорте: занимается дайвингом, имеет, в частности, опыт погружения в Красном и Черном морях, в Сиамском заливе. Также имеет богатый опыт путешествий по России и миру. Он был награжден знаком «Турист СССР».

Уважаемый Андрей Анатольевич!

***Ректор, профессорско-преподавательский состав Университета,
редакции журналов РГУП имени В. М. Лебедева, аспиранты
поздравляют Вас с юбилеем! Ваши родители назвали Вас Андреем,
что означает «мужественный», «смелый», «храбрый».
Так пусть Ваши мужество и смелость всегда служат на благо России!
Желаем Андрею Анатольевичу Арямову крепчайшего здоровья,
огромного семейного счастья, больших творческих успехов,
неиссякаемой энергии и новых научных свершений на благо развития
юридической науки России! Пусть жизнерадостность,
целеустремленность, бодрость духа и позитивная энергия
не покидают Вас никогда!***

Научная статья

УДК 341.64

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.165-180

Эволютивное толкование и экологические права: взгляд региональных судов по правам человека

**Елена Викторовна Сафронова¹,
Тигран Давидович Оганесян²**

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Российская Федерация

² Дипломатическая академия МИД России, Москва, Российская Федерация

¹ elena_safronova_2010@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-0335-9890>

² t.oganesian@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8239-694X>

Аннотация

Введение. Обвинения в предвзятости и политической мотивированности решений, принимаемых Европейским Судом по правам человека (ЕСПЧ), ни для кого не секрет. Такие решения подрывают легитимность Суда и ставят под сомнение его способность обеспечивать справедливое и беспристрастное рассмотрение дел, касающихся прав человека. Суд зачастую выходит за рамки буквального толкования Конвенции о правах человека, привнося в решения собственные тенденциозные политические и идеологические взгляды. Именно поэтому Российская Федерация на законодательном уровне приняла решение о необязательном исполнении его постановлений.

В данной работе критически осмысливаются применение эволютивного метода толкования в практике региональных судов и его разрушающее влияние на межгосударственную природу международных судов. Нарушение принципа правовой определенности, существенное превышение судебного мандата, селективность решений ЕСПЧ, ставших во многом следствием распространения метода эволютивного толкования, явились причиной отказа России от юрисдикции ЕСПЧ. Эволютивная интерпретация договорных норм трансформирует роль международных судебных органов, дискреционно расширяя сферу их компетенции и позволяя им необоснованно вмешиваться в вопросы, традиционно находящиеся в сфере внутренней юрисдикции государств.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу статьи составляют исследования, связанные с эволютивным способом толкования международных

норм в фокусе экологических (климатических) прав на примере практики ЕСПЧ и Межамериканского Суда по правам человека (МАСПЧ). Статья выполнена на основе метода анализа, формально-юридического, системно-правового, сравнительно-правового методов и метода толкования права.

Результаты исследования. Эволютивный метод толкования, также известный как «динамическое толкование» или «живое инструментальное толкование», представляет собой подход к интерпретации договорных норм, при котором не только применяется буквальное толкование текста договора, но и учитываются изменения, произошедшие в обществе, науке, технологиях и ценностях с момента принятия договора. Этот метод предполагает, что договор – это «живой документ», который должен быть адаптирован к современным условиям.

Используя ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров, региональные суды, в частности ЕСПЧ и МАСПЧ, смогли расширить пределы действия конвенционных норм, распространив их на климатические права и обязательства. Именно климатическая повестка явилась одним из средств «раскрывания» идеи глобального управления.

При аргументации своих решений по вопросам экологических обязательств региональные суды позволяют себе ссылаться на иные акты международного права, выходящие за пределы региона. Знаковым стало Постановление по делу *KlimaSeniorinnen*, последствия которого выходят за рамки европейского контекста. Данное дело не просто предоставило ЕСПЧ важную возможность уточнить свои стандарты в отношении климатических прав, но стало новым периодом развития эволютивного толкования. Рассматриваемое Постановление и новая трактовка права на благоприятную окружающую среду окажут влияние на текущие и предстоящие судебные разбирательства в других юрисдикциях. В отношении экологических прав МАСПЧ применяет эволютивное толкование чаще ЕСПЧ, основываясь на «экологическом конституционализме» латиноамериканских стран.

Обсуждение и заключение. В качестве выводов авторы указывают, что эволютивный метод толкования не является бесспорным. Трансформация межгосударственной природы международных судов под влиянием эволютивного толкования является процессом, обусловленным явлениями глобализации. Оно позволяет международным судам выходить за рамки своей компетенции и подменять волю государств – участников договора. По мнению авторов, любое эволютивное толкование должно быть основано на подробной аргументации и тщательном сравнительно-правовом анализе международно-правовых документов. В противном случае оно может привести к неопределенности и произвольности в применении норм международного права. Если толкование договора зависит от меняющихся ценностей и мнений, то государства не могут быть уверены в том, как будут толковаться их обязательства, и это может подорвать доверие к международному праву.

Ключевые слова: защита прав человека, глобализация, эволютивное толкование, право международных договоров, экологические права, региональные суды по правам человека

Для цитирования: Сафронова Е. В., Оганесян Т. Д. Эволютивное толкование и экологические права: взгляд региональных судов по правам человека // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 4. С. 165–180. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.165-180.

Original article

Evolutionary Interpretation and Environmental Rights: the View of Regional Human Rights Courts

Elena V. Safronova¹, Tigran D. Oganessian²

¹ *Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation*

² *Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation*

¹ *elena_safronova_2010@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0335-9890>*

² *t.oganesian@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8239-694X>*

Abstract

Introduction. The accusations of bias and political motivation behind the decisions taken by the European Court of Human Rights (ECtHR) are no secret to anyone. Such decisions undermine the legitimacy of the Court and call into question its ability to ensure fair and impartial consideration of human rights cases. The Court often goes beyond the literal interpretation of the Convention on Human Rights, introducing its own biased political and ideological views into decisions. That is why the Russian Federation at the legislative level decided on the non-binding execution of his decisions. This paper critically examines the application of the evolutionary method of interpretation in the practice of regional courts and its destructive effect on the interstate nature of international courts. The violation of the principle of legal certainty, the significant excess of the judicial mandate, and the selectivity of the ECtHR's decisions, which were largely the result of the spread of the method of evolutionary interpretation, were the reason for Russia's rejection of the ECtHR's jurisdiction. The evolutionary interpretation of treaty norms transforms the role of international judicial bodies, discreetly expanding their sphere of competence and allowing them to unreasonably interfere in matters traditionally within the scope of the domestic jurisdiction of states.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of the article consists of issues related to the evolutive method of interpreting international norms in the focus of environmental (climate) rights on the example of the practice of the ECtHR and the IACtHR. The article is based on methods of analysis, formal legal, systemic legal, comparative legal methods and the method of interpretation of law.

Results. The evolutionary method of interpretation, also known as “dynamic interpretation” or “living instrumental interpretation”, is an approach to the interpretation of contractual norms that takes into account not only the literal meaning of the contractual text, but also the changes that have occurred in society, science, technology, and values since the contract was enacted. This method assumes that the contract is a “living document” that must be adapted to modern conditions.

Using Article 31 of the Vienna Convention on the Law of Treaties, regional courts, in particular the ECtHR and the IACtHR, were able to expand the scope of the convention's norms, extending them to climate rights and obligations. It was the climate agenda that became one of the means of promoting the idea of global governance.

When arguing their decisions on environmental obligations, regional courts allow themselves to refer to other acts of international law that go beyond the region. The ruling in the KlimaSeniorinnen case has become a landmark, the consequences of

which go beyond the European context. This case provided the ECtHR not only with an important opportunity to clarify its standards regarding climate rights, but also became a new period of development of an evolutive interpretation. The Resolution under consideration and the new interpretation of the right to a favorable environment will have an impact on current and upcoming court proceedings in other jurisdictions. With regard to the environmental rights, the IACtHR uses an evolutive interpretation more often than the ECtHR, based on the "ecological constitutionalism" of Latin American countries.

Discussion and Conclusion. As a conclusion, the author points out that the evolutionary method of interpretation is not indisputable. The transformation of the interstate nature of international courts under the influence of evolutionary interpretation is a process driven by globalization. It allows international courts to go beyond their jurisdiction and subvert the will of the states parties to the treaty. According to the authors, any evolutionary interpretation should be based on detailed reasoning and a thorough comparative legal analysis of international legal documents. Otherwise, it may lead to uncertainty and arbitrariness in the application of international law. If the interpretation of a treaty depends on changing values and opinions, then states cannot be sure how their obligations will be interpreted, which can undermine confidence in international law.

Keywords: human rights protection, globalization, evolutionary interpretation, the law of international treaties, environmental rights, regional human rights courts

For citation: Safronova, E. V., Oganessian, T. D. Evolutionary interpretation and environmental rights: the view of regional human rights courts. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(4):165-180. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.165-180.

Введение

Эволютивное толкование правовых норм, в особенности касающихся прав человека, представляет собой динамичный подход, при котором смысл и содержание правовых положений интерпретируются с учетом современных социальных и политических реалий. Этот метод, активно применяемый региональными судами по правам человека, в частности Европейским Судом по правам человека (ЕСПЧ) и Межамериканским Судом по правам человека (МАСПЧ), подвергается справедливой критике с различных позиций.

Эволютивное толкование подразумевает, что право может адаптироваться к многочисленным изменениям. Мнения юристов-международников по поводу эволютивного толкования варьируются: одни считают, что данный метод применим ко всем ситуациям, другие полагают, что эволютивное толкование является «бесполезным софизмом», поскольку правила Венской конвенции о праве международных договоров (ВКПМД) уже предлагают все инструменты, необходимые для интерпретации и применения международных норм должным образом.

Могут ли эти международные нормы, разработанные в большинстве случаев в прошлом столетии, сохранять актуальность в современном мире? Как экологические изменения, произошедшие с момента заключения международного договора, влияют на толкование норм? Эволютивное толкование не ограничивается толкованием международных договоров лишь международными судами. Высшие национальные суды, договорные органы по правам человека, международные организации или сами государства также могут принимать участие в процессе эволютивного толкования международных норм. Приме-

нительно к экологическому праву, например, эволютивное толкование способствовало развитию отрасли международного экологического права, которая сегодня превратилась в наиболее толкуемое направление.

Один из самых весомых аргументов против эволютивного толкования заключается в том, что оно подрывает принцип правовой определенности. Этот принцип требует, чтобы правовые нормы были ясными, предсказуемыми и доступными для понимания. Когда суды произвольно адаптируют нормы к текущему моменту, граждане и государства оказываются в ситуации, когда они не могут с уверенностью знать, какие действия будут считаться правомерными, а какие – нет. Это, в свою очередь, может привести к нарушению законных ожиданий и злоупотреблениям со стороны властей. Проблема усугубляется тем, что «эволюция» социального консенсуса весьма субъективна и подвержена влиянию доминирующих идеологий и политических сил.

Роберт Колб отмечает: «В эволютивном толковании есть два составляющих элемента: время и изменения... Человеческое существование растянуто во времени, все меняется. А когда что-то меняется, понимание этого может быть связано либо с прошлым, либо с настоящим. Необходимо сделать выбор, если возникает конфликт значений этих двух уравнений. Если выбор направлен в прошлое, интерпретация является исторической, если в настоящее – эволютивной» [1, р. 15]. Придавая значение таким элементам, как обычное значение используемых терминов, контекст, объект и цель международного договора, общее правило, изложенное в п. 1 ст. 31 ВКПМД, оправдывает эволютивное толкование: когда стороны используют общие термины в международном договоре, стороны должны осознавать, что значение терминов, возможно, будет меняться с течением времени, и в тех случаях, когда международный договор заключен на очень длительный период или имеет постоянный срок действия, стороны, как правило, должны были предполагать, что эти термины будут иметь эволюционирующее значение. Роль, отводимая п. 1 ст. 31 ВКПМД последующим соглашениям и последующей практике, а также соответствующим нормам международного права, предоставляет дополнительные возможности для применения эволютивного толкования.

Контекст, объект и цель международного договора служат мотивацией для эволютивного толкования. Тем не менее, как верно отмечает Глория Гаджиоли, концептуализация эволютивного толкования как самостоятельного метода толкования или как вытекающего из традиционных методов толкования, как это предусмотрено в ВКПМД, «остается нечеткой в области прав человека» [2, р. 107]. Эволютивное толкование, используемое на сегодняшний день во многих отраслях международного права, вытекает из общих правил толкования, которые отражены в ВКПМД. Правило толкования, согласно которому международные договоры должны толковаться в свете «любых соответствующих норм международного права, применимых в отношениях между сторонами», позволяет расширять предметные направления эволютивного толкования. При этом, как отмечает Глория Гаджиоли, добросовестность должна оставаться в центре любого толкования международных договоров и намерения составителей не могут быть проигнорированы [2, р. 111].

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу статьи составляют вопросы, связанные с эволютивным способом толкования международных норм в фокусе экологических прав на

примере практики региональных судов по правам человека. Исследование основывалось на таких общенаучных методах, как сравнение, анализ и синтез, индукция и дедукция, и методах юридической науки (сравнительно-правовой, исторический, систематического толкования правовых норм), что позволило сформулировать в работе некоторые общие выводы. В целом системность методологии связывается с тем, что проводимые исследования тесно увязываются с практикой, что позволяет познать реальные процессы и явления.

Результаты исследования
Понимание эволютивного толкования
Европейским Судом по правам человека

Эволютивное толкование как инструмент интерпретации Европейской конвенции о правах человека приобрело значительную популярность в практике Европейского Суда по правам человека. Развитие эволютивного метода толкования в практике позволило оказать влияние на процесс трансформации роли международных судебных органов, расширяя сферу их компетенции и позволяя им вмешиваться в вопросы, традиционно находящиеся в сфере внутренней юрисдикции государств. Эволютивное толкование фактически позволило ЕСПЧ заниматься правотворчеством, выходя за рамки роли интерпретатора права.

Аластер Моубрей подчеркивает значение ЕСПЧ в ситуациях, не предусмотренных разработчиками Конвенции, «в результате неизбежной эволюции обществ и изменения их этических стандартов» [3, p. 57].

Например, в Постановлении по делу Soering v. UK Суд отметил, что «при толковании Конвенции необходимо учитывать ее особый характер как договора о коллективном обеспечении соблюдения прав человека и основных свобод»¹. В деле Rantsev v. Cyprus and Russia ЕСПЧ пришел к выводу, что традиционная концепция рабства, как она определена в Конвенции о рабстве 1926 г., развита в более поздних документах международного права и стала охватывать формы современного рабства, включая торговлю людьми². В деле Loizidou v Turkey Суд заявил о непрактичности толкования Конвенции исключительно на основании намерения договаривающихся сторон, выраженного более сорока лет назад³.

Стивен Уитли справедливо отмечает, что любое изменение толкования Конвенции требует четкого обоснования, поскольку государство-участник, соблюдающее «старую» интерпретационную позицию, будет признано категорически нарушившим свои обязательства по международному праву, как только Суд примет свое «новое» понимание [4, p. 3].

*В этом смысле ЕСПЧ в деле Micallef v. Malta признал, что неспособность под-
держивать «динамичный и развивающийся» подход к толкованию может при-*

¹ ECtHR, Soering v. UK, No 14038/88, Judgment of 7 July 1989, § 87.

² ECtHR, Rantsev v. Cyprus and Russia, No 25965/04, Judgment of 7 January 2010, 2010, § 282.

³ ECtHR, Loizidou v. Turkey (Preliminary objections), No 15318/89. ECtHR, 23 March 1995, § 71.

вести к тому, что интересы правовой определенности и последовательности станут препятствием для развития прав⁴.

ЕСПЧ выходит за пределы европейского права при понимании пределов эволютивного толкования, заявляя, что Конвенция «должна толковаться в соответствии с другими нормами международного права, частью которых она является»⁵.

Подтверждением этого является Постановление по делу Demir and Baykara v. Turkey, в котором Суд отметил, что «при определении значения терминов и понятий в тексте Конвенции могут и должны приниматься во внимание элементы международного права, отличные от Конвенции, толкование таких элементов компетентными органами и практика европейских государств, отражающая их общие ценности... Государству-ответчику необязательно ратифицировать всю совокупность документов, которые применимы в отношении конкретного предмета соответствующего дела. Суду будет достаточно того, что соответствующие международные документы указывают на непрерывную эволюцию норм и принципов, применяемых в международном праве»⁶.

Критики эволютивного толкования утверждают, что при ратификации государства согласились отстаивать права, заявленные составителями лишь в первоначальном тексте и понимании. По их мнению, ЕСПЧ действует незаконным образом, закрепляя дополнительные обязательства ex post facto в Конвенции без явно выраженного согласия договаривающихся государств. Бывший вице-председатель ЕСПЧ Ангелика Нуссбергер в честь шестидесятилетия ЕСПЧ отметила, что последний должен использовать доктрину живого инструмента таким образом, чтобы «...отвечать на законные запросы, но не ограничивать и не срывать демократические дебаты по спорным вопросам в государствах – участниках Конвенции» [5].

Немаловажная роль в легитимности эволютивного толкования принадлежит доктрине консенсуса. Идея консенсуса как инструмента толкования международных договоров была разработана Европейским Судом по правам человека, «балансирующим между субсидиарностью и экспансионистскими тенденциями толкования постоянно развивающегося документа» [6, р. 129]. Как отмечает Лукас Лексински, эволютивное толкование Конвенции на основе консенсуса – это такое толкование, которое «почти требует от государств-участников предварительного одобрения стандарта до вмешательства ЕСПЧ» [7, р. 337]. По мнению Константина Дегтярева, функциями консенсусного толкования являются: (1) повышение легитимности регионального суда по правам человека; (2) стремление убедить государства-участники в указанной законности и тем самым сделать судебное решение более приемлемым; (3) избежать произвольного принятия решений; (4) желание определить сферу субсидиарности и (5) необходимость помочь суду в решении новых вопросов толкования международного договора или иных спорных или важных вопросов [6, р. 184].

⁴ ECtHR, Micallef v. Malta. Application No 17056/06, Judgment of 15 October 2009, § 81.

⁵ ECtHR, Hassan v. United Kingdom, No 29750/09, Judgment of 16 September 2014, § 102; Al-Adsani v. United Kingdom, No 35763/97, Judgment of 21 November 2001.

⁶ ECtHR, Demir and Baykara v. Turkey [GC], No 34503/97, 12 November 2008, § 85.

Некоторые доказательства сдержанности Страсбургского Суда в применении доктрины «живого инструмента» можно обнаружить в ранних делах по признанию экологических прав.

Например, в деле Hatton v. United Kingdom Палата постановила, что «в особо чувствительной области охраны окружающей среды одной ссылки на экономическое благополучие страны недостаточно, чтобы перевесить права других лиц. ...Государства обязаны сводить к минимуму, насколько это возможно, вмешательство в эти права, пытаясь найти альтернативные решения и в целом стремясь достичь своих целей наименее обременительным способом в том, что касается прав человека»⁷. Однако когда данное дело было передано на рассмотрение Большой Палаты, то она отметила: «Защита окружающей среды должна приниматься во внимание правительствами, действующими в рамках своей свободы усмотрения, и Судом при пересмотре этой свободы. Однако Суду было бы неуместно применять особый подход в этом отношении, ссылаясь на особый статус экологических прав человека»⁸.

Совместное особое мнение судей Косты, Ресса, Турмена, Зупанчича и Штайнера содержит осуждение этого подхода, не позволившее расширительно толковать Конвенцию: «Такое “эволютивное” толкование Комиссией и Судом различных требований Конвенции в целом было “прогрессивным” в том смысле, что они постепенно расширяли и повышали уровень защиты, предоставляемой правам и свободам, гарантируемым Конвенцией, в целях развития “европейского общественного порядка”». В области экологических прав человека, о которых в 1950 году практически ничего не было известно, Комиссия и Европейский Суд все чаще придерживаются мнения, что статья 8 охватывает право на здоровую окружающую среду... Решение Большой Палаты по настоящему делу, в той мере, в какой оно, вопреки решению Палаты от 2 октября 2001 года, заключает, что статья 8 Конвенции не была нарушена, как нам представляется, отклоняется от вышеуказанных изменений в судебной практике и даже делает шаг назад. Это отдает приоритет экономическим соображениям над базовыми условиями охраны здоровья, квалифицируя “чувствительность заявителей к шуму” как принадлежность к небольшому меньшинству людей. Тенденция преуменьшать такую чувствительность и, в частности, опасения по поводу шума и нарушений сна идут вразрез с растущей озабоченностью экологическими проблемами во всей Европе и мире»⁹.

Эволютивное толкование и экологические права

Развитие прецедентных практик региональных судов по правам человека за последние пять лет свидетельствует об увеличении числа рассматриваемых дел, связанных с экологическими правами. Используя ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров, региональные суды, в частности ЕСПЧ

⁷ ECtHR, *Hatton and Others v. the United Kingdom*, No 36022/97, Judgment (Merits and Just Satisfaction), 2 October 2001, § 97.

⁸ ECtHR, Grand Chamber, *Hatton and Others v. the United Kingdom*, No 36022/97, Judgment (Merits and Just Satisfaction), 8 July 2003, § 122.

⁹ *Ibid.* Joint dissenting opinion of Judges Costa, Ress, Turmen, Zupancic and Steiner, § 2, 5.

и МАСПЧ, смогли расширить пределы действия конвенционных норм, распространив их на климатические права и обязательства. Очевидно, что при аргументации своих решений по вопросам экологических обязательств региональные суды позволяют себе ссылаться на иные акты международного права, выходящие за пределы региона. Например, ЕСПЧ в рамках консенсуса и расширительного толкования конвенционных норм ссылается на «международные тенденции» и акты мягкого права для аргументации и легитимизации своих позиций.

Определенную планку в развитии экологических права задает Постановление по делу Verein KlimaSeniorinnen Schweiz and Others v. Switzerland¹⁰, в котором в 2024 г. Суд обозначил ряд значимых выводов по вопросам защиты климатических прав.

Заявители (четыре женщины и швейцарская ассоциация Verein KlimaSeniorinnen. Schweiz), обеспокоенные последствиями глобального потепления, считали, что швейцарские власти, несмотря на свои обязательства по Конвенции, не предпринимают достаточных действий для смягчения последствий изменения климата. В данном деле ЕСПЧ, приступив к эволютивному толкованию ст. 8 Конвенции, в очередной раз напомнил, что «Конвенция является живым инструментом, который должен толковаться в свете современных условий и в соответствии с изменениями в международном праве, с тем чтобы отражать все более высокие стандарты, предъявляемые в области защиты прав человека, что требует большей твердости в оценке нарушений фундаментальных ценностей демократических обществ» (§ 434). Кроме того, подход Суда «...учитывал существующие и постоянно совершенствующиеся научные данные о необходимости борьбы с изменением климата и срочности устранения его неблагоприятных последствий» (§ 434).

Суд отметил, что «в последнее время наблюдается эволюция научных знаний, социальных и политических взглядов и правовых норм, касающихся необходимости защиты окружающей среды, в том числе в контексте изменения климата» (§ 431). В этой связи страсбургские судьи также не забыли упомянуть консенсус по рассматриваемому вопросу, «вытекающий из международно-правовых механизмов, к которым государства-члены добровольно присоединились» (§ 456). Еще одной мотивацией необходимости эволютивного толкования экологических прав послужило «антропогенное изменение климата», представляющее «серьезную угрозу для осуществления прав человека в настоящее время и в будущем» (§ 435). В данном деле Суд также обращается к неконвенционным и неевропейским нормам, в частности, усиливая свой анализ нормами Рамочной конвенции ООН об изменении климата и Парижского соглашения 2015 г. При этом, как ранее признавал сам Суд в деле Saamaño Valle v. Spain, он не имеет полномочий обеспечивать соблюдение международных договоров или обязательств, помимо Конвенции¹¹.

Швейцарское правительство, в свою очередь, не согласилось с тем, что «принципы гармоничного и эволютивного толкования Конвенции» должны использоваться для толкования Конвенции как механизма международного су-

¹⁰ ECtHR, Verein KlimaSeniorinnen Schweiz and Others v. Switzerland [GC], No 53600/20, 9 April 2024.

¹¹ ECtHR, Saamaño Valle v. Spain, No 43564/17, 11 May 2021, § 53.

дебного принуждения в области изменения климата и для включения в конвенционные права посредством толкования «права на борьбу с изменением климата» (§ 366, 368, 371–373, 375). По сути ЕСПЧ подтвердил тот факт, что эволютивное толкование стало необходимостью: «...неспособность Суда при-держиваться динамичного и эволютивного подхода может привести к тому, что это станет препятствием для реформ или улучшений» (§ 455). Исходя из формулировок, заметно, что ЕСПЧ осознавал, что данное решение подвергнется критике, и, возможно, осознанно ЕСПЧ в самом Постановлении рассуждает о последствиях предложенного эволютивного толкования: «Результат судебного разбирательства... неизбежно будет ориентирован на будущее с точки зрения того, что требуется для обеспечения эффективного смягчения неблагоприятных последствий изменения климата» (§ 479).

Что касается расширительного толкования понятия «жертвы» в свете ст. 34 Конвенции, Суд ранее признавал в экологическом контексте, что «любое чрезмерно формальное толкование этой концепции сделает защиту прав, гарантированных Конвенцией, неэффективной и иллюзорной»¹². В данном деле ЕСПЧ расширил концепцию статуса жертвы, чтобы позволить НПО иметь возможность обращаться в Страсбург даже в тех случаях, когда их члены не имеют статуса жертвы по смыслу ст. 34 Конвенции.

Оазисом среди пустыни выглядит позиция британского судьи Тима Эйке, который в особом мнении характеризует данное решение «попыткой бежать, прежде чем научиться ходить» (§ 69). По мнению Т. Эйке, разделяющего «вполне реальный смысл и необходимость срочной борьбы с антропогенным изменением климата», большинство судей ЕСПЧ вышли за рамки законности и допустимого и добились противоположного эффекта» (§ 70). Данное особое мнение заслуживает тщательного анализа, поскольку предостерегает Суд и иные международные органы от ряда последствий в вопросе расширения климатических прав частных лиц и обязанностей государств. Британский судья не возражал против эволютивного толкования в целом, однако выступал за более «осторожный, осмотрительный и постепенный подход Суда к эволютивному толкованию Конвенции»: «Большинство в этом деле вышло далеко за рамки того, что я считаю допустимыми пределами эволютивного толкования с точки зрения международного права» (§ 3).

Особую ценность в мнении судьи Эйке представляет мысль о том, что «...избрав такой подход и придя к такому выводу, большинство судей, по сути, дают (ложную) надежду на то, что судебные разбирательства и суды смогут дать “ответ”, не имея, по сути, никакой перспективы судебного разбирательства» по вопросам принятия необходимых мер по борьбе с антропогенным изменением климата: «...фактически, существует значительный риск того, что новое право/обязанность... станут нежелательным и ненужным отвлекающим фактором для национальных и международных органов власти... поскольку это отвлечет внимание от текущих проблем» (§ 69). В этом контексте отмечается также бремя, которое ложится на плечи Комитета министров СЕ, ответственного за надзор за исполнением постановлений ЕСПЧ со стороны государств-ответчиков.

Последствиями эволютивного толкования стали расширение содержания ст. 8 Конвенции и появление права на «эффективную защиту со стороны госу-

¹² ECtHR, *Gorraiz Lizarraga and Others v. Spain*, No. 62543/00, 27 April 2004, § 38.

дарственных органов от серьезных неблагоприятных последствий для их жизни, здоровья, благополучия и качества жизни, возникающих в результате вредных последствий и рисков, вызванных изменением климата» (§ 519, 544). И наконец, данным Постановлением Суд наложил на государства новую «основную» обязанность «принимать и эффективно применять на практике правила и меры, способные смягчить существующие и потенциально необратимые будущие последствия изменения климата» (§ 545). Как верно подчеркивает Тим Эйке, ни одно из этих «новых» прав и обязательств не имеет под собой никакой основы в ст. 8 или каком-либо другом положении Конвенции или Протокола к ней.

Решение ЕСПЧ, несомненно, имеет далеко идущие последствия, поскольку оно создает прецедент для всех 46 государств – членов Совета Европы. Граждане этих государств теперь могут потребовать пересмотра национальной политики в области климата для обеспечения защиты прав человека на основе принципов, установленных ЕСПЧ.

Данное дело не просто предоставило ЕСПЧ важную возможность уточнить свои стандарты в отношении климатических прав, но стало новым периодом развития эволютивного толкования в практике ЕСПЧ. Одним из наиболее ярких элементов этого Постановления ЕСПЧ является то, что Суд стал трактовать ст. 8 Конвенции как охватывающую «право отдельных лиц на эффективную защиту со стороны государственных органов от серьезных неблагоприятных последствий изменения климата для их жизни, здоровья, благополучия и качества жизни».

Наконец, Постановление по делу KlimaSeniorinnen имеет последствия, выходящие за рамки европейского контекста. С ростом влияния сравнительного права в судебных разбирательствах по климату и перекрестных ссылок между судами в разных юрисдикциях в знаковых делах вполне вероятно, что рассматриваемое Постановление окажет влияние на текущие и предстоящие судебные разбирательства в других юрисдикциях. Международный Суд ООН, МАСПЧ и иные международные суды или органы, возможно, будут рассматривать это решение для вдохновения при применении эволютивного толкования в экологических делах.

Что касается МАСПЧ, то важный вклад внес запрос Колумбии о вынесении консультативного заключения относительно толкования и сферы применения ст. 1, ст. 4 и ст. 5 Американской конвенции о правах человека¹³. Статьи, о которых идет речь, относятся к обязательству уважать право на жизнь, право на гуманное обращение и право на личную неприкосновенность. В частности, Колумбия запросила толкование «в отношении окружающей среды в контексте защиты и гарантии прав на жизнь и личную неприкосновенность». Запрос также касался возможных последствий для прав человека, которые могут вызвать крупные проекты, разрабатываемые в Большом Карибском регионе. Консультативное заключение, действительно, является важной вехой на региональном уровне. До этого консультативного заключения вопрос прав человека в отношении окружающей среды всегда был связан с правами коренных народов.

¹³ Консультативное заключение Межамериканского Суда по правам человека. Запрос Республики Колумбия (серия А, No. 23). Принято 15.11.2017 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2018. № 10.

Например, в деле *Indigenous Communities of the Xingu River Basin v. Brazil* МАСПЧ предписал государству остановить строительство гидроэлектростанции до тех пор, пока не будут проведены консультации с коренными общинами. Консультативное заключение 23/17, безусловно, является прогрессом в области прав человека, поскольку оно подчеркивает, что право на здоровую окружающую среду является автономным правом само по себе.

В некотором смысле МАСПЧ пошел гораздо дальше, чем ЕСПЧ, постановив, что государства имеют экстерриториальную юрисдикцию в отношении экологических проблем, которые наносят трансграничный вред, что означает, что «государства должны гарантировать, что деятельность в рамках их юрисдикции или контроля не наносит ущерба окружающей среде других государств или территорий за пределами их юрисдикции»¹⁴. Межамериканский Суд постановил: «Члены племенных и коренных общин имеют право владеть природными ресурсами, которые они традиционно использовали на своей территории на протяжении столетий. Без них само физическое и культурное выживание таких народов находится под угрозой»¹⁵.

Соответственно, были признаны важность гарантирования права на здоровую окружающую среду для обеспечения прав человека коренных общин, а также необходимость проведения оценки воздействия на окружающую среду перед осуществлением проектов, которые могут повлиять на их земли.

«Экологический конституционализм» в странах Латинской Америки

Немаловажную роль, в том числе стимулирующую, для толкования экологических прав в практике МАСПЧ играют конституции многих стран Латинской Америки. Конституционные положения различаются по своей конкретной формулировке и объему, но в целом подтверждают право человека на здоровую окружающую среду или право на здоровую и экологически сбалансированную окружающую среду. Некоторые латиноамериканские страны также включают экологические права в процесс признания прав коренных народов. Последствием такого внимания к экологическим правам стало появление концепции «экологического конституционализма», подразумевающей включение в конституционные нормы идей важности защиты окружающей среды и устойчивого развития [8].

Такое внимание к экологическим правам в странах Латинской Америки обусловлено также постоянной добычей природных ресурсов и их ограниченным характером, продолжающимися конфликтами интересов между крупными компаниями и коренными народами. В этом контексте особую значимость приобретает используемая во многих конституциях этих государств формулировка права не только на благоприятную окружающую среду, но и на «сбалансированную». Например, Конституция Венесуэлы 1999 г. стала первой конституцией, предусмотревшей право граждан на жизнь в экологически здоровой и сбалансированной среде. А статья 19 Конституции Республики Чили, придерживающейся экологического конституционализма, отличается

¹⁴ Консультативное заключение МАСПЧ 23/17, 15 ноября 2017 г., § 97.

¹⁵ IACtHR, *Pueblo Saramaka v. Surinam*, 2007, § 121.

от других латиноамериканских конституций своей формулировкой: здесь закреплено «право на окружающую среду, свободную от загрязнения». Среди двадцати стран Латинской Америки восемнадцать имеют конституционные положения, которые прямо защищают право на здоровую окружающую среду всего населения¹⁶.

Судебная практика МАСПЧ, в частности консультативные заключения и постановления, закрепила право на здоровую окружающую среду как фундаментальное право человека. Это право часто связано с другими правами, такими как право на жизнь, здоровье и культурную самобытность, что особенно актуально в случаях, связанных с общинами коренных народов и ухудшением состояния окружающей среды. Концепция «экологического конституционализма» в Латинской Америке подчеркивает важность этих конституционных положений для охраны окружающей среды и содействия устойчивому развитию.

Соглашение Эскасу – региональный договор, посвященный экологическим правам и доступу к информации, еще больше укрепляет охрану окружающей среды в Латинской Америке. В нем прямо признается право на здоровую окружающую среду и устанавливаются процедурные права, связанные с доступом к информации, участием общественности и правосудием по вопросам, касающимся окружающей среды. Соглашение Эскасу может стать катализатором дополнительного эволютивного толкования экологических прав и обязательств, укрепляющих верховенство права в области охраны окружающей среды в рассматриваемом регионе [9].

МАСПЧ, опираясь на конституционные положения латиноамериканских стран, продолжает активно развивать экологические права в рамках межамериканской системы защиты прав человека. Межамериканская правозащитная система все активнее занимается решением проблемы изменения климата через призму экологических прав. В судебных исках в странах Латинской Америки часто утверждается, что изменение климата угрожает экологическим правам, и они опираются на конституционные и процессуальные права, связанные с охраной окружающей среды. По сути, судебная практика МАСПЧ в сочетании с конституционными положениями и региональными соглашениями создала надежную основу для защиты экологических прав в Латинской Америке, подчеркивая взаимосвязь охраны окружающей среды и других основных прав человека. На наш взгляд, опыт МАСПЧ может быть использован для эволютивного толкования экологических прав в рамках не только конвенционной системы ЕСПЧ, но и отдельных европейских стран, в том числе и России.

Обсуждение и заключение

Эволютивное толкование, активно и тенденциозно применяемое региональными судами по правам человека, сказывается на адаптации правовых норм к

¹⁶ Аргентина (ст. 41), Боливия (ст. 33), Бразилия (ст. 225), Чили (ст. 19.8), Колумбия (ст. 79), Коста-Рика (ст. 50), Куба (ст. 75), Эквадор (ст. 14, 66), Гайана (ст. 149J(1), Гондурас (ст. 145), Ямайка (ст. 13), Мексика (ст. 4.5), Никарагуа (ст. 60), Панама (ст. 118), Парагвай (ст. 7), Перу (ст. 2.22), Доминиканская Республика (ст. 67) и Венесуэла (ст. 127).

изменяющимся социальным и политическим реалиям. Однако оно также сталкивается с серьезной и обоснованной критикой, связанной с размытием принципа правовой определенности, порой существенным превышением судебного мандата, селективностью, непредсказуемостью для государств-участников и отсутствием адекватной методологии и четких критериев оценки. Баланс между гибкостью толкования и необходимостью сохранения правовой определенности остается важной задачей для региональных судов по правам человека в целях обеспечения эффективной защиты прав человека и укрепления доверия к их деятельности. Придерживаясь особого эволютивного подхода, региональные суды признают, что конвенционные нормы и их содержание по самой своей природе зависимы от происходящих изменений в различных сферах общества. В противном случае международные нормы в области прав человека утратили бы свою актуальность.

Дальнейшее обсуждение и совершенствование методологии эволютивного толкования представляются необходимыми для минимизации указанных рисков и обеспечения легитимности и эффективности работы региональных судов по правам человека. Любое эволютивное толкование должно быть основано на подробной аргументации и тщательном сравнительно-правовом анализе международно-правовых документов, включая нормы «мягкого права», внутригосударственное право и судебную практику, исключая эмоциональную оценку и интуитивный подход.

Список источников

1. Kolb R. Evolutionary interpretation in international law: some short and less than trail-blazing reflections // *Evolutionary interpretation and international law* / eds. G. Abi-Saab, K. J. Keith, G. Marceau, C. Marquet. Oxford : Hart Publishing, 2019. P. 15–19.
2. Gaggioli G. The strength of evolutionary interpretation in international human rights law // *Evolutionary interpretation and international law* / eds. G. Abi-Saab, K. J. Keith, G. Marceau, C. Marquet. Oxford : Hart Publishing, 2019. P. 103–114.
3. Mowbray A. The creativity of the European Court of Human Rights // *Human Rights Law Review*. 2005. Vol. 5. P. 57–79.
4. Wheatley S. Interpreting the ECHR in light of the increasingly high standards being required by human rights: insights from social ontology // *Human Rights Law Review*. 2024. Vol. 24, issue 1. P. 1–23.
5. Nussberger A. The European Court of Human Rights at Sixty – challenges and perspectives // *European Convention on Human Rights Law Review*. 2020. Vol. 1. P. 11–13.
6. Dzehtsiarou K. *European consensus and the legitimacy of the European Court of Human Rights*. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. 254 p.
7. Lixinski L. The Inter-American Court of Human Rights' tentative search for Latin American consensus // *Building consensus on European consensus: judicial interpretation of Human Rights in Europe and beyond* / eds. P. Kapotas, V. P Tzevelekos. Cambridge University Press, 2019. P. 337–363.

8. Carbonell M. Eficacia de la Constitución y Derechos Sociales // Revista Estudios Constitucionales. 2008. Vol. 6. P. 43–71.
9. Guanipa H. J., Barraco M. The inter-American human rights system's impact on the protection of the right to a healthy environment // The impact of the inter-American human rights system: transformations on the ground / eds. A. von Bogdandy, et al. New York, 2024. P. 237–253.

References

1. Kolb, R. Evolutionary interpretation in international law: some short and less than trail-blazing reflections. In: G. Abi-Saab, K. J. Keith, G. Marceau, C. Marquet, eds. *Evolutionary interpretation and international law*. Oxford: Hart Publishing; 2019. Pp. 15–19.
2. Gaggioli, G. The strength of evolutionary interpretation in international human rights law. In: G. Abi-Saab, K. J. Keith, G. Marceau, C. Marquet, eds. *Evolutionary interpretation and international law*. Oxford: Hart Publishing; 2019. Pp. 103–114.
3. Mowbray, A. The creativity of the European Court of Human Rights. *Human Rights Law Review*. 2005;(5):57-79.
4. Wheatley, S. Interpreting the ECHR in light of the increasingly high standards being required by human rights: insights from social ontology. *Human Rights Law Review*. 2024;24(1):1-23.
5. Nussberger, A. The European Court of Human Rights at Sixty – challenges and perspectives. *European Convention on Human Rights Law Review*. 2020;(1):11-13.
6. Dzehtsiarou, K. *European consensus and the legitimacy of the European Court of Human Rights*. Cambridge: Cambridge University Press; 2015. 254 p.
7. Lixinski, L. The Inter-American Court of Human Rights' tentative search for Latin American Consensus. In: P. Kapotas, V. P. Tzevelekos, eds. *Building consensus on European consensus: judicial interpretation of Human Rights in Europe and Beyond*. Cambridge University Press; 2019. Pp. 337–363.
8. Carbonell, M. Eficacia de la Constitución y Derechos Sociales. *Revista Estudios Constitucionales*. 2008;(6):43-71.
9. Guanipa, H. J., Barraco, M. The inter-American human rights system's impact on the protection of the right to a healthy environment. In: A. von Bogdandy, et al., eds. *The impact of the inter-American human rights system: transformations on the ground*. New York; 2024. Pp. 237–253.

Информация об авторах / Information about the authors

Сафронова Елена Викторовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета (Российская Федерация, 308015, Белгород, ул. Победы, д. 85).

Elena V. Safronova, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Constitutional and International Law Department, Belgorod State National Research University (85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation).

Оганесян Тигран Давидович, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Дипломатической академии МИД России (Российская Федерация, 119021, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1).

Tigran D. Oganessian, Cand. Sci. (Law), Associate Professor at the International Law Department of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (build.1, 53/2, Ostozhenka St., Moscow, 119021, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 19.06.2025; одобрена после рецензирования 03.09.2025; принята к публикации 24.11.2025.

The article was submitted 19.06.2025; approved after reviewing 03.09.2025; accepted for publication 24.11.2025.

Научная статья

УДК 341.01

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.181-192

О концепции монизма в теории международного права

Наталья Алексеевна Чернядьева

Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Симферополь, Российская Федерация

chernyadnatalya@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-2222-1886>

Аннотация

Введение. Глобализационные процессы современности, новые трансформации мировой политико-правовой архитектуры обусловили изменение роли международного права как регулятора общественных отношений. Проблема определения природы международного права и его самостоятельности как правовой системы в таких условиях приобретает повышенную актуальность в международном праве. Одним из направлений в теории международного права является концепция монизма международного и национального права. Задачей исследования стало выявление специфических черт монистической теории в современном международном праве.

Методы. В основе использованной методологии лежат общенаучные и специальные для юридической науки методы, прежде всего формальный юридический анализ и сравнительно-правовые методы исследования. Теоретические выводы подтверждаются примерами из международной судебной практики.

Результаты исследования. В статье показаны специфические черты монистической теории в современном международном праве, раскрыты условия и особенности ее формирования, показана роль монистической теории в становлении современного международного права.

Обсуждение и заключение. По результатам исследования сделан ряд выводов, из которых наиболее значимыми являются следующие: монистическая теория исторически оформилась первой, до появления конкурирующей дуалистической теории; монистическая теория существует в двух вариантах: признает либо верховенство международного права над национальным; либо, наоборот, верховенство национального права над международным. Вариант, основанный на концепции естественного права, базируется на идее универсальной правовой системы; монизм в чистом виде не характерен для современных правовых систем, за исключением права Европейского союза; международный вариант правового монизма отчасти обязан своим появлением молодой (начала XX в.) науке сравнительного правоведения. На начальном этапе деятельности ООН наблюдается еще один всплеск доктринального интереса к монизму.

Ключевые слова: монистическая теория, дуалистическая теория, международное право, национальное право, примат права, верховенство права

Для цитирования: Чернядьева Н. А. О концепции монизма в теории международного права // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 4. С. 181–192. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.181-192.

Original article

On the Concept of Monism in the Theory of International Law

Natalia A. Chernyadeva

*Crimean Branch, Russian State University of Justice, Simferopol,
Russian Federation*

chernyadnatalya@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-2222-1886>

Abstract

Introduction. Globalization processes of our time, new transformations of the world political and legal architecture have caused a change in the role of international law as a regulator of social relations. The problem of defining the nature of international law and its independence as a legal system in such conditions is acquiring increased relevance in international law. One of the directions in the theory of international law is the concept of monism of international and national law. The objective of the study was to identify the specific features of the monistic theory in modern international law. **Methods.** The methodology used is based on general scientific and special methods for legal science, primarily formal legal analysis and comparative legal research methods. Theoretical conclusions are supported by examples of international judicial practice.

Results. The article shows the specific features of the monistic theory in modern international law and the conditions and features of its formation are disclosed. The role of the monistic theory in the formation of modern international law is shown.

Discussion and Conclusion. The results of the study allowed us to draw a number of conclusions, the most significant of which are the following: the monistic theory was historically the first to take shape, before the emergence of the competing dualistic theory; the monistic theory exists in two versions: it either recognizes the supremacy of international law over national law or vice versa – the supremacy of national law over international law. The version, based on the concept of natural law, is based on the idea of a universal legal system; pure monism is not characteristic of modern legal systems, with the exception of the law of the European Union; the international version of legal monism partly owes its appearance to the young (early twentieth century) science of comparative law. At the initial stage of the UN's activities, another surge of doctrinal interest in monism was observed.

Keywords: monistic theory, dualistic theory, international law, national law, primacy of law, supremacy of law

For citation: Chernyadyeva, N. A. On the concept of monism in the theory of international law. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(4):181-192. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.181-192.

Введение

В последние десятилетия вопрос связи национального и международного права приобрел повышенную актуальность. Глобализационные процессы обусловили необходимость широкой координации действий различных субъектов как на общей мировой арене, так и внутри региональных образований, на межгосударственном уровне. Вопрос об автономности международно-правовой системы решается в зависимости от приверженности исследователя монистической либо дуалистической концепции.

Вопросы соотношения и взаимодействия международного и национально-го права не могут считаться обойденными вниманием научного сообщества. В работах С. В. Черниченко, В. В. Ершова, Б. И. Нефедова, В. В. Гаврилова, Д. И. Фельдмана¹ объемно рассматриваются различные аспекты международно-правовой и национально-правовой систем, а также их взаимовлияния. Однако ряд актуальных аспектов современного понимания соотношения международного и национального права дают основание вернуться к исследованию данного вопроса.

Теоретические основы

Монизм основывается на единстве международного и национального (внутригосударственного) права. Монистическая доктрина существует в двух вариантах: в одном приоритет отдается внутригосударственному праву – международное право считается отраслью права, подчиняется базовым нормам функционирования национальной правовой системы, а в другом, наоборот, международное право признается всеобъемлющим, поглощающим все национальные правовые системы [1].

Исторически первой, еще во второй половине XVIII в., сложилась концепция примата национального права. Признание ведущей роли национального права в самом начале капиталистической эпохи объяснимо: в этот период только-только происходило оформление национальных правовых систем, соответственно, требовалось подчеркнуть авторитет и силу государственного права [2, с. 10–11]. Кроме того, международные отношения в то время носили, как правило, двусторонний межгосударственный характер и были завязаны на личных отношениях глав государств. При смене правителя все ранее достигнутые договоренности теряли юридическую силу и нуждались в повторной конфирмации. Поэтому международные отношения характеризовались субъективизмом, бессистемностью.

Одним из первых авторов, отстаивающих главенство национального права, стал немецкий позитивист И. Я. Мозер (1701–1785), который считал единственно объективно существующим государственное право, так как лишь оно обеспе-

¹ См.: Черниченко С. В. Контуры международного права. Общие вопросы. М. : Науч. кн., 2014. 592 с.; Ершов В. В. Международное и внутригосударственное право с позиций легизма и интегративного понимания права // Российское правосудие. 2011. № 8. С. 5–16; Нефедов Б. И. Соотношение международного и внутригосударственного права: проблема формирования межсистемных образований : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 54 с.; Гаврилов В. В. Понятие и взаимодействие международной и национальных правовых систем. М. : Инфра-М, 2018. 222 с.; Фельдман Д. И. Система международного права. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1983. 116 с.

чивается государством. По его мнению, международное право, возникшее на основе правовых обычаев и межгосударственных договоров, подчиняется принципу *Ex facto oritur ius* (Из факта возникает право). Согласно взглядам современных ученых, это не совсем соответствует обязательной природе права [3, с. 210].

Идея превосходства, приоритета национального права над международным была близка Г.-Ф. Гегелю – яркому стороннику сильной государственной власти. Гегель считал, что в международном пространстве нет права, но все определяется «особенной суверенной волей [государств] и благодаря этому остается случайностью» [4, с. 333]. Таким образом, по мнению Гегеля, межгосударственные отношения регулируются политикой, моралью, внутригосударственным правом.

Результаты исследования

Теория приоритета национального права над международным

Представляется, что доктрина приоритета национального права над международным ведет фактически к отрицанию последнего, что не может считаться логически верным и противоречит объективной реальности. В настоящее время эта концепция не имеет широкой научной поддержки [5, с. 125]. Хотя в государствах англосаксонского мира и в правоприменительной практике, и в теоретических исследованиях прослеживается традиция признания верховенства национального права над международным.

Например, в американских научных работах высказываются идеи об «абстрактности нормативных принципов, однажды воплощенных в международном праве», и сомнения в международном праве как системе «равной справедливости без компромиссов, без учета их власти, экономических и политических интересов» для всех государств [6, р. 95].

Согласно классическому американскому представлению об обычном международном праве, сформулированному в судебном решении по делу *Paquete Habana* (1900), ставшем авторитетным прецедентом для правовой системы США, «международное право является частью нашего права... В этих целях, если нет [действующего] договора, обязывающего акта законодательной или исполнительной власти или судебного решения, следует прибегать к обычаям и обыкновениям цивилизованных наций»².

Приведем примеры других решений, из которых следует отказ американской судебной системы от признания юридической силы норм международного права, если они не имплементированы в национальное право.

В деле *Al-Bihani v Obama* (2010)³, рассмотренном в окружном апелляционном суде округа Колумбия, судья Дж. Р. Браун по вопросу о статусе лица, задержанного в связи с подозрением относительно его причастности к террориз-

² The *Paquete Habana*, 175 U. S. 677, 700 (1900). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/175/677>.

³ Галейб Нассер Аль-Бихани был заключен властями США в тюрьму Гуантанамо в 2002 г. на основании обвинения в том, что до 11 сентября 2001 г. он был помощником повара в отряде Талибана, участвующем в афганском конфликте против НАТО. До 2014 года Аль-Бихани находился под стражей без предъявления обвинений, без возможности пользоваться правами Habeas Corpus Act. Лишь в 2017 г. в связи с недоказанностью его вины в каком-либо террористическом преступлении и в связи с признанием его «не представляющим угрозы для США»

му (по мнению суда – вражеского комбатанта, на которого не распространяются положения Женевских конвенций), заявила, что международное право не может ограничивать полномочия президента США, в том числе и потому, что нормы международного гуманитарного права не были частью законодательства США⁴.

В марте 2016 г. окружной суд Нью-Йорка своим заочным решением, основанным лишь на нормах национального американского права, обязал Иран выплатить 10,5 млрд долл. семьям жертв терактов 11 сентября 2001 г. на том основании, что Иран не смог доказать в судебном заседании отсутствие связи с террористами, захватившими пассажирские лайнеры и атаковавшими башни-близнецы⁵.

В Великобритании, которая сама себя относит к государствам – сторонникам дуалистической концепции [7, р. 64–65], тем не менее применение норм международного права возможно лишь через издание специального акта Парламента⁶. Таким образом, международно-правовой документ приобретает для Великобритании юридическую силу лишь после придания ему статуса национального статута.

Так, в 1951 г. Великобритания в числе первых ратифицировала Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод (далее – Европейская конвенция). Но право подданных Ее Величества на обжалование государственных действий в Европейском Суде по правам человека было Великобританией признано частично – в 1966 г., а в полном объеме – лишь в 2000 г. [8, с. 37–45]. До сих пор в английском юридическом сообществе Европейская конвенция не воспринимается как надежный и эффективный инструмент защиты прав человека. Об этом, в частности, свидетельствует постоянное последнее место этого государства среди всех 46 участников Совета Европы по количеству жалоб на 10 000 населения (0,03 – в 2021 г., при среднем количестве по Совету Европы – 0,53)⁷.

Приведем еще один пример. В 1972 году Великобритания стала седьмым участником Европейских сообществ – интеграционных образований, на основе которых в ноябре 1993 г. стал функционировать Европейский союз (ЕС). В соответствии с принципами права ЕС его положения должны применяться государствами-участниками прямо и непосредственно, без специальных имплементационных процедур. Но Великобритании потребовался многоступен-

его содержание под стражей было признано «не являющимся необходимым» и он был депортирован в Оман.

⁴ Al-Bihani v. Obama United States Court of Appeals for the District of Columbia Circuit. 619 F.3d 1 (2010). URL: <https://www.quimbee.com/cases/al-bihani-v-obama>.

⁵ Iran Told to Pay \$10.5 Billion to Sept. 11. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-03-10/iran-told-to-pay-10-5-billion-to-sept-11-kin-insurers>.

⁶ Court of Appeal J. H. Rayner (Mincing Lane) Ltd. v. Department of Trade and Industry and Others and Related Appeals Maclaine Watson & Co. Ltd. v. Department Of Trade And Industry [1990]. URL: <https://www.uniset.ca/other/cs5/1989Ch72.html>.

⁷ Overview ECHR 1959–2021. URL: <https://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=reports/factsfigures&c=>.

чатый, растянутый на несколько десятилетий процесс адаптации к такому порядку. Сначала, еще в 1972 г., Актом о Европейском сообществе Римский договор был инкорпорирован в правовую систему Великобритании. В дальнейшем в 1988 г. аналогичным образом придали юридическую силу Единому европейскому акту. Тем не менее в Великобритании еще несколько лет общеевропейские нормы права не применялись как не относящиеся к национальной правовой системе. Только после решения Европейского Суда по делу «Factortame Ltd. v Secretary of State for Transport» (1991) Палата лордов английского Парламента как высшая в то время судебная инстанция разъяснила для всех нижестоящих судов, что нормы Европейских сообществ имеют прямое действие на территории Великобритании, имеют преимущество перед национальным правом и автоматически вступают в силу без парламентского одобрения⁸.

Справедливости ради укажем, что международное право не может считаться полностью игнорируемым в государствах англосаксонского мира. И американские, и английские суды анализируют зарубежную и международную судебную практику, международно-правовые акты как *obiter dictum* в целях формирования прецедента [9].

Монизм как обоснование приоритета международного права

Вторым вариантом монистической концепции является теория, согласно которой международное право имеет приоритет над национальным. Эта теория основывается на концепции естественного права, согласно которой право имеет объективный характер, является продуктом природного или божественного начала; соответственно, государственные законы лишь в той мере являются правом, в какой соответствуют естественно-правовым стандартам.

В основе этой позиции лежит учение И. Канта о природе права как о категорическом императиве, которому должны подчиняться все государства и издаваемые ими законы. Кантианские идеи в части обоснования примата международного права над национальным впоследствии были развиты Г. Кельзеном (1881–1973), которого считают одним из самых авторитетных юристов в сфере конституционного и международного права XX в.

Г. Кельзен как сторонник «категорической монистической» идеи подчеркивал единство мирового правопорядка, включающего в себя международное (высшее) и государственное (иерархически подчиненное) право: «Норма международного права является высшей причиной действительности национальных правовых порядков» [10, р. XII–XVIII]. По его мнению, обоснование национального права содержится в нормах международного права, поскольку одни и те же понятия применяются в обеих правовых системах и поскольку государства связаны с другими государствами нормами международного права.

Концепция Г. Кельзена, не признающая автономности международного и национального права, не позволяет проводить сравнительно-правовой анализ этих систем и их элементов. Эта позиция основана на безусловно завышенной оценке роли международного права в формировании национальных правовых систем. Кроме того, как справедливо отмечает М. Коскенниemi, обоснование международно-правовой позиции исключительно естественно-правовыми дог-

⁸ R v Secretary of State for Transport, ex parte Factortame [1990] 2 AC85; R v Secretary of State for State for Transport, ex parte Factortame (N 2)[1991] I AC603.

мами (в ущерб нормативным предписаниям) может свидетельствовать о закармуфлированной попытке субъекта навязать всем остальным субъективное политическое мнение [11, р. 18].

Однако ряд идей Г. Кельзена оказал благотворное влияние на общее развитие международного права как самостоятельной правовой системы, уточнение ее функциональной специфики, укрепление авторитета международного права как основного регулятора международных отношений.

В становлении концепции «международно-правового монизма» определенную роль сыграл начальный этап науки сравнительного правоведения. На первом Конгрессе сравнительного правоведения (1900) в контексте решения одной из основных задач сравнительно-правовой науки широко обсуждались приоритетные пути ее развития. Предполагалось, что с помощью сравнительно-правового метода возможно сформировать общую правовую основу всех национальных правовых систем и на ее основе создать «всемирное право цивилизованного человечества» [12, р. 36–37]. Сторонниками этой идеи стали представители французской компаративистской школы Р. Салей и его ученики Э. Ламбер, которому принадлежат основные разработки по этой теме [13], и А. Леви-Ульман. Сравнительное правоведение понималось как предтеча общего мирового права, способ систематизации естественно-правовых начал всех правовых систем. В этой концепции международному праву логично отводилось ведущее место и руководящая для всех национальных правовых систем роль.

Несмотря на свою утопичность и очевидную нереализуемость, эта попытка создать единое для всего мира право положила начало важному процессу систематизации общих принципов права, впоследствии названных в Статуте Международного Суда ООН общими принципами права, признанными цивилизованными нациями, в системе источников, на основании которых Суд обязан решать переданные ему споры (1(b) ст. 38 Статута Международного Суда ООН).

Естественно-правовое начало «всемирного права цивилизованного человечества» оказало влияние на формирование современной доктрины международного права. Во время Второй мировой войны, когда обсуждались основные положения будущей универсальной международной организации, предполагалось создать такое право, которое наполнило бы «международный порядок чувством моральной цели и справедливости, основанной на уважении прав человека и благополучии индивидов».

Г. Лаутерпахт, являясь одним из «отцов-основателей ООН», в качестве основной функции международного права называл «заботу о благосостоянии людей». По его мнению, именно верховенство международного права наилучшим образом обеспечивает это [14, р. 147].

М. Шоу указывает, что многие идеи и принципы современного международного права основаны на понятии естественного права; что наблюдается соответствие этических стандартов международно-правовому порядку, например, в части принципов ненападения и уважения прав человека [15, р. 54].

В Уставе ООН данные идеи приобрели более формализованные правовые рамки. Так, в его преамбуле указывается, что целью создания ООН стала, в том числе, решимость «...вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций».

Монистическая теория особым образом воплощается в правовой системе Европейского союза (ЕС) – региональной международной интеграционной организации. По мнению Э. Чонгару, монизм проистекает из самой природы ЕС: «...европейская система может работать только в монизме, совместимом только с идеей интеграции» [16, р. 229].

Право ЕС образовалось как результат взаимодействия международного и национального права и имеет наднациональный характер. Оно интегрируется в национальные правовые порядки и применяется как их составная часть. При этом общеевропейское право в любом своем проявлении (и первичное, и вторичное):

- обладает абсолютным приоритетом над всеми, в том числе и конституционными, нормами государств – участников ЕС;
- применяется напрямую и не связано специальной законодательной процедурой (или разрешительными мерами, ратификацией) государств – участников ЕС;
- непосредственно порождает права и обязанности частных субъектов (физических и юридических лиц) [17, с. 68].

Таким образом, право ЕС обладает верховенством и прямым действием по отношению к национальному праву государств-участников; обладает приоритетом в случае конфликта норм европейского и национального права. Если закон государства противоречит европейскому праву, он должен быть отменен либо соответствующим образом модифицирован.

Примечательно, что в учредительных договорах ЕС отсутствуют положения, закрепляющие принципы верховенства и прямого действия права ЕС. Они были сформулированы судебной практикой – решениями Европейского Суда Справедливости. Соответственно, эти принципы носят прецедентный характер. Первое такое решение было вынесено в 1963 г. по делу «Van Gend en Loos» и касалось прямого действия права ЕС. В 1964 году решением по делу «Costa/ENEL» был введен в практику применения принцип верховенства. В дальнейшем решениями Европейского Суда («Internationale Handelsgesellschaft» (1970), «Defrenne/Sabena» (1976), «Simmenthal» (1978), «Francovich/ Italy» (1991) и др.) расширялась сфера применения данных принципов.

В Декларации «О примате», являющейся одним из приложений к последнему учредительному договору ЕС – Лиссабонскому договору (2007), подтверждается приверженность принципу верховенства права ЕС: «Из судебной практики Суда следует, что примат права Сообщества является основополагающим принципом этого права. Согласно Суду упомянутый принцип неразрывно связан с особой природой Европейского сообщества... Тот факт, что принцип примата не будет включен в будущий Договор, не внесет никаких изменений ни в существование упомянутого принципа, ни в действующую судебную практику Суда»⁹.

Верховенство общеевропейского права определяет его отношение не только к национальному праву государств-участников, но и к внешнему для ЕС международному праву. В соответствии с решением Европейского Суда по делу «Haegeman/Belgium» (1974) международные соглашения ЕС являются состав-

⁹ Declaration concerning primacy. Final Act. (2007/C 306/02) // Official Journal of the European Union. 17.12.2007. C306/231.

ной частью правовой системы ЕС¹⁰. Серией других судебных решений было определено место международных договоров ЕС в системе источников общеевропейского права: они носят вторичный характер по отношению к учредительным договорам ЕС¹¹, они не имеют безусловного прямого действия на территории ЕС¹², их положения обладают преимущественной силой перед нормами источников вторичного права ЕС¹³.

Таким образом, Европейский Суд определил иерархическое верховное положение общеевропейского права по отношению к национальным правовым порядкам государств-участников и международному праву в части международно-договорных обязательств ЕС.

Заключение

Подведем итоги обзора монистической теории и ее значения в контексте исследования природы международного права.

Во-первых, монистическая теория исторически оформилась первой, до появления конкурирующей дуалистической теории. Она основана на идее существования только одного компонента правового порядка (национальное право или международное право) либо признания, что один из этих компонентов обладает верховенством над другим.

Во-вторых, монистическая теория существует в двух вариантах: признает либо верховенство национального права над международным; либо верховенство международного права над национальным. Первый вариант, с доминированием национального права, оформился в XIX в. и отражает окончательное становление концепции независимого, суверенного государства с самостоятельной правовой системой. Международное право в таком случае происходит из внутригосударственного. Соответственно, внутригосударственный нормативный правовой акт обладает большей юридической силой, чем международный договор.

Вариант, основанный на концепции естественного права, базируется на идее универсальной правовой системы, которая имеет примат над национальными законами различных государств. В этом случае предполагается, что международно-правовые нормы действуют в национальном праве непосредственно, без соответствующей законодательной внутригосударственной процедуры, а в случае конфликта между национальной и международной нормами приоритет отдается международной.

В-третьих, монизм в чистом виде не характерен для современных правовых систем. Исключение составляет право Европейского союза, правовой мо-

¹⁰ European Court of Justice (ECJ). Case 181/73. Haegeman v. Belgium. ECR 449, 1974.

¹¹ European Court of Justice (ECJ). Case 87/75. Conceria Daniele Bresciani v. Amministrazione Italiana delle Finanze, 119761 ECR 129.

¹² European Court of Justice (ECJ). 21-24/72 International Fruit Company and Others v. Produktschap voor Groenten en Fruit, [1972] ECR. 1219.

¹³ European Court of Justice (ECJ). Case C-179/97. Spain v. Commission. ECR I-1251, 1999; ECJ. Case C-162/96. Racke GmbH & Co. v. Hauptzollamt Mainz. ECR I-3655, para. 45, supra note 19, para. 45. 1998; Court of First Instance. Case T-115/94. Opel Austria GmbH v. Council ECR II-39, 1997.

низм которого поставлен в ранг системообразующего, «жизненного» для ЕС условия. Элементы этой теории наблюдаются в правоприменительной практике государств англосаксонского мира

В-четвертых, международный вариант правового монизма отчасти обязан своим появлением молодой науке сравнительного правоведения, которая в начале XX в. в качестве одной из своих задач считала необходимым создать «общепризнанное право», способное быть эффективным регулятором общественных отношений во всех государствах. После Второй мировой войны на начальном этапе деятельности ООН наблюдается еще один всплеск доктринального интереса к монизму.

Список источников

1. Афанасьев А. Н. Становление и развитие монистической теории международного права в ее исторической интерпретации и практической реализации на международном и региональном уровне // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2016. Вып. 18. URL: <https://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/128>.
2. Камаровский Л. А. Международное право. М. : Типолитограф. Г. И. Простакова. Балчуг. Дом Симонова монастыря, 1905. 118 с.
3. Дорская А. А. «Позитивное направление» в международном праве XVIII–XIX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2014. № 3. С. 208–215.
4. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990. 524 с.
5. Усенко Е. Т. Очерки теории международного права. М. : Норма, 2008. 240 с.
6. Goldsmith J. The self-defeating International Criminal Court // The University of Chicago Law Review. 2003. Vol. 70, no. 1. P. 89–104.
7. Crawford J. Brownlie's Principles of Public International Law. 9th ed. Oxford University Press, 2019. 785 p.
8. Бауринг Б. Долгий путь Великобритании к европейским стандартам прав человека: в авангарде и далеко позади // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 1. С. 37–45.
9. Koh H. H. International law as part of our law // The American Journal of International Law. 2004. Vol. 98, issue 1. P. 43–57.
10. Kelsen H. The law of the United Nations: a critical analysis of its fundamental problems. New York ; London : The Lawbook Exchange, Ltd., 2000. 994 p.
11. Koskeniemi M. From apology to utopia: the structure of international legal argument. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 704 p.
12. Mälksoo L. Sources of international law in the 19th century // The Oxford Handbook on the sources of international law. Eds. J. d'Aspremont, S. Besson. Oxford University Press, 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/316558653_Sources_of_International_Law_in_the_19th_Century.
13. Lambert E. La méthode du droit comparé // Rapport au Congrès international de droit comparé de 1900. Procès verbaux et documents. Vol. I. Paris, 1905. P. 47–52.

14. Lauterpacht H. International law and human rights. London : Stevens and Sons Limited, 1950. 475 p.
15. Show M. N. International law. 6th ed. New York : Cambridge University Press, 2008. 1710 p.
16. Ciongaru E. The monistic and the dualistic theory in European law // Acta Universitatis George Bacovia. Juridica. 2012. Vol. 1, issue 1. P. 212–231.
17. Энтин Л. М. Право Европейского Союза. Новый этап эволюции: 2009–2017 годы. М. : Аксиом, 2009. 304 с.

References

1. Afanasyev, A. N. The formation and development of the monistic theory of international law in its historical interpretation and practical implementation at the international and regional levels. *Istoriko-pravovye problemy: novyj razkurs = Historical and legal issues: a new perspective*. 2016;(18). URL: <https://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/128>. (In Russ.)
2. Kamarovsky, L. A. *International law*. Moscow: Printing House of G. I. Prosta-kov. Balchug. House of the Simonov Monastery; 1905. 118 p. (In Russ.)
3. Dorskaya, A. A. “Positive direction” in international law of the 18th–19th centuries. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Yuridicheskie nauki = Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Juridical Sciences*. 2014;(3):208–215. (In Russ.)
4. Hegel, G. V. F. *Philosophy of law*. Moscow: Mysl’; 1990. 524 p. (In Russ.)
5. Usenko, E. T. *Essays on the theory of international law*. Moscow: Norma; 2008. 240 p. (In Russ.)
6. Goldsmith, J. The self-defeating International Criminal Court. *The University of Chicago Law Review*. 2003;70(1):89–104.
7. Crawford, J. *Brownlie’s Principles of Public International Law*. 9th ed. Oxford University Press; 2019. 785 p.
8. Bauring, B. Britain’s long road to European human rights standards: at the forefront and far behind. *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropejskoe obozrenie = Constitutional Law: An Eastern European Review*. 2002;(1):37–45. (In Russ.)
9. Koh, H. H. International law as part of our law. *The American Journal of International Law*. 2004;98(1):43–57.
10. Kelsen, H. *The law of the United Nations: a critical analysis of its fundamental problems*. New York; London: The Lawbook Exchange, Ltd.; 2000. XXVIII + 994 p.
11. Koskeniemi, M. *From apology to Utopia: the structure of international legal argument*. Cambridge: Cambridge University Press; 2005. 704 p.
12. Mälksoo, L. Sources of international law in the 19th century. In: J. d’Aspremont, S. Besson, eds. *The Oxford Handbook on the sources of international law*. Oxford University Press; 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/316558653_Sources_of_International_Law_in_the_19th_Century.
13. Lambert, E. La méthode du droit comparé. *Rapport au Congrès international de droit comparé de 1900. Procès verbaux et documents*. Vol. I. Paris; 1905. Pp. 47–52.

14. Lauterpacht, H. *International law and human rights*. London: Stevens and Sons Limited; 1950. 475 p.
15. Show, M. N. *International law*. 6th ed. New York: Cambridge University Press; 2008. 1710 p.
16. Ciongaru, E. The monistic and the dualistic theory in European law. *Acta Universitatis George Bacovia. Juridica*. 2012;1(1):212-231.
17. Entin, L. M. *European Union law: a new stage of evolution: 2009–2017*. Moscow: Aksiom; 2009. 304 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Чернядьева Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 295000, Республика Крым, Симферополь, ул. Павленко, д. 5).

Natalia A. Chernyadeva, Dr. Sci. (Law), Professor at the State Law Disciplines Department, Crimean Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (5 Pavlenko St., Simferopol, Republic of Crimea, 295000, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 04.02.2025; одобрена после рецензирования 16.03.2025; принята к публикации 24.11.2025.

The article was submitted 04.02.2025; approved after reviewing 16.03.2025; accepted for publication 24.11.2025.